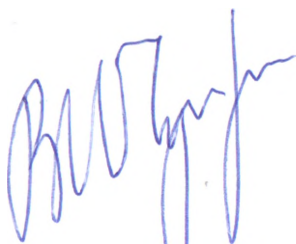

владимир чуприна

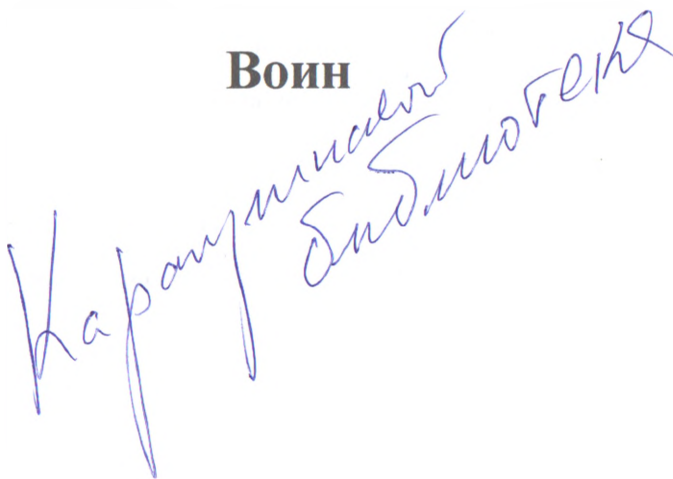
ВОИН

Владимир Чуприна

Воин

Литрес ≡

Москва

ISBN 978-5-532-90647-1

УДК 82-311.6

ББК 84(2)6

Ч92

Чуприна В. И.

Воин / Чуприна В. И. — Москва: Литрес, 2024. — 197 с.

ISBN 978-5-532-90647-1

Как люди становятся святыми? Книга поможет понять, как это происходит. Роман рассказывает о ташкентском периоде жизни святителя Луки (профессора медицины В. Ф. Войно-Ясенецкого) и о его первой ссылке в Енисейск. Однажды жизненная дорога врача круто повернула и привела его в священнослужители, наполнилась борьбой против гонений на церковь. Это были страшные послереволюционные годы, когда уничтожалось любое инакомыслие. Духовное возвышение оказалось тяжелой работой для души, смертельной опасностью для плоти. Как бы повел себя я в подобных обстоятельствах? Есть над чем призадуматься. Вместе с героем романа, вместе с автором...

© Чуприна В. И., текст, 2023

© ООО «ЛитРес», оформление, 2024

19 января 1919 года Ташкент проснулся от ружейной пальбы. Выстрелы слышались отовсюду: у стен Старой крепости, где квартировал военный гарнизон из бывших пленных мадьяр, перешедших на службу к большевикам; в районе паровозных мастерских, у Дома свободы на Соборной площади – в самом центре города, и даже на русском кладбище на окраине за железнодорожным переездом.

Особенно клочкотал Александровский сквер; на пересечении улиц Бухарской и Кауфмана.

Сонные полураздетые жители перепугано всматривались через оконные стекла в темные улицы, силясь понять, что происходит.

Придерживая пальцами старенькие круглые очки, то и дело сползающие на кончик носа, Валентин нервно ходил по комнате от одного окна к другому, пытаясь хоть что-то разглядеть в сумерках крещенского утра.

Вдруг вдалеке зазвонили колокола Кафедрального собора. Почти одновременно с ними завыл паровозный гудок у вокзала. Минута... пять... двадцать – колокольный звон и паровозный свист не прекращались. Они словно вступили в единоборство, пытаясь перекричать один другого, чем всполошили город окончательно.

Валентин застыл, прижавшись лбом к стеклу. Сердце тревожно билось. Остаться вот так, у окна, было небезопасно. Внутренний голос твердил ему об этом. Но любопытство пересиливало страх.

В поредевших сумерках мимо дома пробежал одинокий солдат, полоча винтовку. Он спотыкался и падал. Слышалась брань. Солдат открылся также внезапно, как и появился.

– Не выходи! Прошу тебя! Пожа... – Валентин обернулся.

Жена Анна пристально следила за ним, полулежа на кровати в углу комнаты. Ее речь оборвалась. Она закашлялась. Сначала глухо и редко. Потом чаще, громче и взхлеб. Кашель рвался из груди шуржу с такой силой, что тело содрогалось, и не было никакой возможности унять дрожь. Анна хватала открытым ртом воздух и тут же прижимала к губам платок. На белой ткани заалели пятна крови.

Наконец приступ утих и Анна успокоилась. Валентин забрал платок и устался на него. Потом обнял затихшую супругу и, приподняв, уложил повыше на подушки.

— Скоро уж... — равнодушным голосом произнесла Анна и Валентин

почувствовал, как его ноги сделались ватными, а сердце в груди словно оборвалось. Раньше она никогда не говорила таких слов.

— Успокойся, душа моя! — Валентин не узнал свой голос, вдруг севший до хрипоты. Он наклонился, чтобы поцеловать жену.

— Не надо! — Анна отвернулась, закрываясь рукой. — Заразишься! — Она говорила смиренно, словно наблюдая за собой со стороны.

Спокойный отстраненный голос жены, выдававший осознание ею собственной обреченности, холодом закрадывался в душу. Валентин молчал. Он со страхом озирает ту пропасть, что открывалась впереди перед ним и детьми, которых было четверо. Старшему, Мишеньке, едва минуло двенадцать.

Пытаясь побороть слабость в ногах, Валентин присел на край кровати, глубоко втянул воздух и стал ощупывать ноги, словно хотел убедиться на месте ли они.

— Ты же доктор, — понимая состояние мужа, погладила его руку Анна. — Знаешь все лучше меня...

Да, он знал. Туберкулез, полученный за три года до переезда в Ташкент, там, в Переславле-Залесском, где Валентин вел практику в земской больнице, завершал свою страшную работу. Развившись в кавернозную форму, конечный этап чахотки, он перерос в процесс распада легких.

Близилась развязка. Но так ясно и остро Валентин почувствовал это впервые. Еще теплилась крохотная надежда, что жаркий климат Средней Азии и кумыс станут чудом, которое спасет больную. Но чуда не произошло.

Врач, беспомощный перед коварным недугом, сидел, сгорбившись под тяжестью горя. Он с трудом глотал душивший его комок слез и сжимал пальцы в кулаки со всей силой, стараясь не закричать от душевной боли, которая жгла пламенем очевидной непоправимости.

На кованом столике у кровати, густо заставленном склянками, Валентин приготовил лекарство, помог выпить его. И снова уложил больную жену на подушки.

Супруги глядели друг на друга, не проронив больше ни слова. Лишь держались за руки. Так прошло с полчаса.

— Мне пора на службу, — прервал молчание Валентин.

Уже рассвело. А колокольный звон и паровозные гудки не прекращались. Они поднимались над городом, заполняя холодный воздух смятением и

страхом, и кружили в крещенском небе, не желая уступать друг другу.

В происходящем за окнами Валентину было ясно одно: этот шумный хаос небес был отражением борьбы человеческих страстей, закипавших на земле под ружейную канонаду. Жители города убивали других жителей. Граждане одной страны стреляли в сограждан. Говорившие на одном языке люди не хотели понимать друг-друга. Молившиеся одному Богу, отбирали жизни у ближних своих, пренебрегая заповедями, ослепленные ненавистью.

Почему выплескивается столько злобы из человеческого сердца? У добропорядочных, законопослушных граждан, которые ходят ежедневно на службу, торгуют или пахут землю, пишут музыку, любят и нянчат детей. Из каких дебрей души приходит этот вепрь и начинает рвать чужую плоть? Поистине: душа человеческая — это бездна, а человек — это ложь. В бездну невозможно заглянуть. Можно прожить рядом с человеком всю жизнь, но так и не узнать, кто он на самом деле. Что скрывает в себе так старательно от чужих глаз? Но однажды бездна выталкивает содержимое наружу, как проснувшийся вулкан выбрасывает пепел и лаву. И человек обнажается в своих помыслах. Какие чудовищные поступки наблюдаем мы тогда.

С этими мыслями Валентин стал собираться на службу. Прищипка не опаздывать толкала его вперед. Но страх перед улицей останавливал. Чувство долга и инстинкт самосохранения боролись в душе доктора, как колокольный набат и вой паровозов в рассветном небе. И ни одно из чувств не могло взять верх над другим. Покидать безопасное жилище не хотелось. Валентин знал, что его не осудят,

если сегодня не придти в больницу. — Но как без хирурга? — спрашивал он себя. — Наверняка уже поступили раненные. Надо идти!

Руки доктора наматывали шерстяное кашне поверх воротника пальто, рылись на полке с обувью и наконец, щелкнули замком входной двери.

— Отче наш, иже еси на небесех... — начал молиться Валентин. Перед его взором всплыл иконостас железнодорожной церкви, где еще вчера он тихо стоял среди мирных прихожан, слушая пение клироса. Доктор увидел своего близкого друга протоиерея Михаила Андреева, распахнутые царские врата алтаря за его спиной. За ними начиналась дорога к Богу. А здесь, за дверью дома, куда? В омут кровавых страстей? И там, и тут предстоят люди. Но какие они разные. Любовь и ненависть живут в их душах рядом и никогда не договорятся между собою.

— Избави нас от лукавого! — Валентин перекрестился и, отбросив сомнения, шагнул за порог.

Новорожденный день лежал на снегу, как ребенок на белоснежной простыне. Солнце уже взошло, и день искрился, радостно улыбаясь всему живому. В его первозданной чистоте, происходящее вокруг казалось чем-то нелепым, нереальным. Верилось, пугающая ружейная канонада вот-вот улетучится, как кошмарный сон. И день наполнится праздничным светом Крещения Господня, умиротворение войдет в души и сердца. Но звуки стрельбы били и били в уши, и творения мира никто не желал.

Валентин заспешил по знакомому тротуару, озираясь по сторонам. Больница была в трех кварталах.

— Сейчас... Вот... — бормотал доктор, отгоняя страхи, навязчивые, как рой слепней в час летнего зноя. Он разговаривал сам с собою, объясняя вслух кому-то невидимому, что не нужно бояться. А ноги несли его все быстрее, словно их хозяин спасался от погони. Валентин побежал. Вот и Госпитальная улица. Слава Богу!..

Неожиданно из-за угла дома, с улицы Джизакской выкатился броневик и остановился, наведя ствол пулемета прямо на него.

* * *

– Арестовать! Немедленно! – Донат Фоменко размахисто подписал ордер, отпечатанный тут же, в его кабинете, и с силой сунул в руку уполномоченному Бабаджанову.

Туго перепоясанный крест-на-крест ремнями, в черной куртке, черных кожаных галифе и таких же черных, начищенных до блеска сапогах, Бабаджанов похрустывал при каждом движении.

– Осипова?!.. Ботта?!.. – поднял уполномоченный густые черные брови. Ремни на его плечах запели. – Но-о...

– Отставить! Никаких «но»! – оборвал Фоменко. – Это решение Реввоенсовета. – Понятно? Исполнять! – скомандовал он и выпрямился над столом.

– Есть! – козырнул Бабаджанов. – Разрешите идти?

– Иди! – закончил разговор Фоменко и схватил трубку телефонного аппарата.

– Барышня, ЦИК! Срочно!

Донат Фоменко, председатель Туркестанской ЧК отдал приказ об аресте военного комиссара Туркестана Осипова и его адъютанта Виктора Ботта, хотя полномочий на это не имел. Лишить комиссара неприкосновенности мог только съезд республики. Но обстоятельства, вынуждавшие пойти на такой незаконный шаг, были тревожными.

Константин Осипов попал в поле зрения чекистов еще в марте 1918 года, когда агентура, следившая по секретному распоряжению Москвы за каждым из лидеров Республики, донесла о встречах военного комиссара с бывшим царским полковником Рудневым. Так ташкентские чекисты вышли на след антибольшевистской организации «Союз пяти», названной по числу возглавивших ее руководителей. Помимо Осипова в «Союз» вошли комиссар железнодорожных мастерских Василий Агапов, крупный советский чиновник Александр Тишковский и двое бывших царских офицеров, служивших в Красной армии в штабе Южного фронта.

Весь 1918 год Туркестан пылал в кольце фронтов, отрезанный от Центральной России. На севере железнодорожное сообщение перерезал атаман Дутов. В Семиречье против Советской вла-

сти выступили белоказаки. В Ферганской долине активизировались отряды Мадамин-бека, бывшего председателя профсоюза мусульман и начальника милиции Старого Маргелана. Бек решил построить собственное исламское государство. Ему активно помогали английские оккупационные войска, контролировавшие Ашхабад.

Война, голод и разруха делали свое дело в умах людей. В Ташкенте росло недовольство советской властью. Большевики отчаянно сопротивлялись, пытаясь удержаться. Стремясь найти союзников, они разделили командные полномочия в правительстве молодой республики с эсерами, имевшими гораздо больший авторитет в народе. Создали и вооружили дружину из железнодорожных рабочих. При Совете Народных Комиссаров заработал трибунал. Каралось малейшее неподчинение, любое инакомыслие. Приоритетной в работе ЧК стала вербовка. Агентура росла как на дрожжах. Ее внедряли во все учреждения без исключения, даже в мелкие частные мастерские. Задачу для агентов определяли коротко: на корню пресекать недовольство советской властью.

Заваленные доносами чекисты не знали сна. Тюремь были переполнены

неблагонадежными. А доносы и аресты все продолжались и продолжались.

Но бесчинства власти в разрухе, царившей вокруг, сводили репрессии на нет. Насадить страх не удавалось. Наоборот, репрессии лишь подогревали недовольство голодных людей, распаляя его, как огонь раскаляет железо в кузнечном горне: наступает момент и вот оно становится готовым принять иные формы и очертания, лишь бы вернуться в обычное холодное состояние.

Противостояние между населением и комиссарами накалилось до критического градуса. Казалось, какая-то невидимая струна натянулась до предела и вот-вот лопнет.

В этой обстановке пятеро чиновников из советского правительства объединились, чтобы изменить ситуацию в Туркестанском крае. Они готовились опрокинуть большевиков, взять власть в свои руки и покончить с войной и голодом.

Об этом заговоре и стало известно чекистам. Случайно. Накануне вечером, во время обыска на одной из подозрительных квартир в Русском городе, так называлась часть Ташкента, где селились выходцы из России, туда неосмотрительно зашел двоюродный брат шпютанта Осипова. Юный гимназист принес с собой целый ящик револьверных патронов. Избитый до полусмерти, подросток, когда ему стали ломать кости, обезумев от боли признался, что выносил оружие небольшими партиями для заговорщиков по заданию военного комиссара.

Медлить было нельзя. Фоменко понимал, что заговорщики узнают про обыск и арест. Дальнейший ход событий теперь зависел от того, кто окажется расторопней.

Бабаджанов вернулся через два часа. Сбиваясь и глядя в пол, он промямлил:

– Осипов сбежал!

– Что – о – о! Вашу мать! – лицо Фоменко искажилось и побагровело. Он задохнулся и закашлялся. Затем схватил со стола графин с водой и долго пил жадными глотками. Наконец взял себя в руки:

– Доложить по форме, – бросил он уполномоченному.

Бабаджанов вытянулся так, что разом запели все портупеи.

– Товарищ председатель ТурЧКа, Виктор Ботт арестован. Осипов скрылся в казармах второго полка, отстреливается. Ранен чекист Минжара. Взять

не представляется возможным. Сволочь! – уже не по форме добавил Бабаджанов и опять виновато уставился в пол.

– Мать вашу! – повторил Фоменко, все еще сжимая зубы. Его глаза погасли, но багровые пятна на лице не проходили.

– Под трибунал пойдешь! – ткнул он пальцем в уполномоченного. Затем поднял телефонную трубку:

– ЦИК! Срочно!

Тем временем сбежавший военный комиссар привел в боевую готовность Туркестанский полк, собрал командиров кавалерийского эскадрона, бронедивизиона и мусульманского батальона милиции.

Вышагивая перед строем, юный командарм чеканил слова громким повелительным голосом:

– В городе контрреволюционный мятеж! Советская власть в опасности! Белая сволочь проникла в наши ряды и задумала сбросить правительство рабочих и солдат! Приказываю! – Осипов остановился и оглядел недоуменные лица подчиненных. Затем повысил голос до крика, взмахивая правой рукой, будто рубил шашкой наотмашь:

– Приказываю взять под охрану Дом правительства! Вокзал! Телеграф! Выдвинуть отряды для защиты ЧК!

Рука с невидимой шашкой опустилась и комиссар закончил свою речь:

– Приказы для гарнизона крепости и рабочей дружины я отдам немедленно по выступлению полка!

Осипов посмотрел на стоявших перед ним изумленных командиров:

– Приказ ясен?

– Так точно, товарищ комиссар! – дружно зашумели ничего не понимающие офицеры.

– Вольно! Разойтись! Товарищей старших командиров прошу остаться, обсудим ситуацию детально. Отвечу на вопросы.

Осипов перешел в угол комнаты и двинул на середину большой круглый стол. Несколько рук поспешили ему на помощь. Загребли стулья. Кто-то закурил. Красноармейцы сгрудились у стола, на который легла карта города. Осипов решил рассеять недоумение в настроении подчиненных:

– Только что на меня было совершено покушение, – начал он. – Какая-то белая сволочь переодетая в чекистов пыталась застрелить меня прямо у здания Реввоенсовета. Я узнал, что от рук заговорщиков уже пострадали

несколько комиссаров. Это заговор, товарищи. Наша задача пресечь контрреволюцию, взяв под защиту все учреждения.

Осипов врал, описывая ситуацию придуманными на ходу подробностями. Но слова главкома войск возымели действие. Недоумение рассеялось. Каждый понимал, обстановка в Ташкенте, да и по всей Средней Азии тяжелая – идет гражданская война. Тут жди неприятностей отовсюду. Размышлять некогда.

Командиры склонились над картой.

Константин Осипов был назначен главнокомандующим войск Туркестана ровно год назад, после избрания в Центральный Исполнительный Комитет республики на последнем Туркестанском съезде. За пару лет до этого он служил в Скобелеве адъютантом для мелких поручений у царского генерала Полонского. Там же, в Скобелеве, во время большевистского мятежа вступил в ряды РСДРП. И сразу был выдвинут руководителем Скобелевского революционного комитета. А вскоре стал главнокомандующим войск республики.

Для молодого человека, едва перешагнувшего порог двадцатилетия, взлет от прапорщика до главнокомандующего фронтом был головокружительным. Но революция кружила голову ни одному, в тысячах таких же незрелых людей. Она одурманивала свалившейся на них властью, словно тяжелой дозой наркотика. Вчерашние батраки и поденщики, одуревшие от желания скинуть богатеев и занять их место, рвались в революцию, как стадо рвется в узкие ворота загона к желанному водопою, ломая изгородь и давя друг друга. Лишь бы скорее утолить жажду самолюбия.

О, Господи! Если бы они знали, могли видеть тогда, как смеялись над ними, глядя сверху, духи злобы поднебесные. Если бы слышали, как земные вожди революции называют их бесформенным, липким, тестообразным словом «масса».

Узнав о том, что Осипов избежал ареста, председатель Туркестанского ЦИКа Вотинцев собрал членов Реввоенсовета в Доме свободы.

Комиссары не успели что-либо решить, а телефон в кабинете председателя уже поминутно трещал, требуя немедленной ясности.

— Алло! Валентин Дмитриевич! Что происходит? — спрашивал испуганный голос на другом конце провода.

Едва Вотинцев успевал объяснить, как раздавался новый звонок.

— Почему стрельба? Что случилось?

Председатель психовал, но старался не терять самообладания.

— Куда бежать? Не пойму? — спрашивал очередной голос. — Делать что?

— Давай сюда! Обсудим на месте!.. Не по телефону... Жду!

Опять звонок.

— На вокзале перестрелка! Валентин, что это?!

— Осипов, щенок, поднял туркестанцев! — терял спокойствие Вотинцев. — Срочно дуй в мастерские, поднимай рабочих и... — председатель не успел добавить что-то еще, связь оборвалась.

— Алло! Алло! Алло! Барышня! Ба- а —рышня! — требовал Вотинцев. Но телефон не подавал признаков жизни.

— Все! Станция в его руках! Сволочь! — выругался председатель и перестал стучать по аппарату. Его пальцы дрожали.

— Дубицкий был, — указал кивком Вотинцев на умолкнувший телефон и добавил: — Успели! Накром путей в курсе!

— Ну, что, надо ждать Осипова в гости, я полагаю? — обратился к собравшимся, поправляя пенсне, комиссар Финкельштейн. Он первым из совнаркомовцев прибежал к Вотинцеву.

— Спокойно, товарищи, спокойно! — обращаясь больше к себе, призвал тот. — Обсудим без паники.

— Успеть бы собрать тех, кто с нами, — подключился к разговору глава ташкентского Совнаркома Фигельский.

— И кто теперь снами? Вы знаете? — встал со стула и зашагал по кабинету комиссар Николай Шумилов. Он закурил и уставился в окно, взъерошивая волосы на голове. Потом шагнул от окна к столу, ткнул недокуренную папиросу в пепельницу и с силой придавил ее.

— Предлагаю отправиться в казармы. Всем. Вместе. К солдатам. Он ввел их в заблуждение. На месте прищучим гада. Не то натворит делов молокосос!

— Опасно! — бросил кто-то.

— Не посмеет против всех. Солдаты нас знают. Нужно все объяснить им.

— Разумно ли в такой обстановке? Уже бой идет!

— Опасно... Разумно... — вспылил, передразнивая, Вотинцев. — Пока мы спорим, что да как, этот соплик потрошит город.

— Я согласен, — подключился чекист Фоменко. — Медлить нельзя!

— В крайнем случае... — Вотинцев достал из самодельного обшарпанного сейфа револьвер и стал набивать барабан патронами, — рука не дрогнет! Я первым завалю этого анархиста!

Вдруг зазвонил телефон. Все переглянулись. Председатель ЧК Николай Фоменко, опередив других, схватил трубку:

— На проводе!

Его лицо вытянулось, а нижняя челюсть задергалась вниз-вверх, пытаясь выпустить застрявшие в зубах слова. Чекист откашлялся, готовясь ответить звонившему, но лишь пробубнил «угу» и протянул трубку Вотинцеву.

— Тебя — а! Осипов! — застыл он с открытым ртом.

Присутствующие замерли. Даже машинистка, сидевшая в углу кабинета, перестала стучать и смотрела округлившимися глазами, не моргая.

Вотинцев выхватил трубку и приложил к уху. В ту же секунду он разразился матерной бранью. Председатель правительства сквернословил, как мужик в пьяной драке. Он переключал трубку из одной руки в другую, поднося ее то к правому, то к левому уху. Слышно было как на другом конце провода ему не уступают в богатстве лексикой. Так продолжалось минуты три.

Вдруг телефонная буря оборвалась и наступило молчание. В комнате с еще дребезжащими стеклами и шатающимися стенами стало тихо так, что было слышно как стучат в окно редкие снежинки. Ругавшиеся потушили пожар эмоций и привели чувства в порядок.

— Хорошо... — соглашался Вотинцев. — Казармы?... Да!.. Да!.. — кивнул он головой. — Полчаса?.. Согласен!.. Жди!

Наконец он положил трубку.

— Сукин сын, сам объявился! — выпустил председатель последние клубы гневного пара. — Просит переговоры! Я ему устрою переговоры! А вы... бояться! На ловца и зверь... А — а?! — Вотинцев окинул повеселевшим взглядом присутствующих. Вздых облегчения прошелся по кабинету. Напряжение на лицах сменилось улыбками.

— Идем в казармы! — радостно объявил председатель и первым толкнул дверь.

На башне броневика загремел люк, высунулось щетинистое лицо и заплетающимся языком сердито окликнуло:

– Куды?! А ну, погоды!

– Да это же дохтур! Ослеп што ли, Степан? – отозвалось в железной утробе машины.

– Дохтур? – переспросило лицо, уставившись на растерянного пешехода.

– Доктор, доктор! – закивал Валентин в ответ.

– А ну, пачпорт!

– Вот, извольте, – дрожащая рука расстегнула пальто и полезла во внутренний карман за документами.

– Проходить! – смирилось небритое лицо. – Шибче, однако! Вишь, палят... неровен час...

Красноармеец махнул рукой и утонул в люке. Его голос еще погудел и затих.

«Дохтур» облегченно вздохнул и бросился к больнице. Полы расстегнутого пальто захлопали, словно крылья, унося своего хозяина подальше от опасного места.

Валентина в городе знали. Ежедневно он принимал десятки пациентов всяких сословий и званий. Порой до позднего вечера, пока не опустеет больничный коридор. Никого не оставить без помощи – этому правилу он следовал с первого дня своей врачебной практики. Коллеги по-разному относились к нему: кто с восторгом, кто с недоумением. Еще бы, рядом с ними работал профессор, получивший признание за границей, в Варшавском университете, автор научных работ. Это не могло не вызывать симпатии и зависти. Хирург, делающий в провинциальной больнице сложнейшие операции, которому Москва не раз предлагала научную кафедру, удивлял знакомых тем, что выбрал поприще земского врача, «Мужицкого», как тогда говорили.

С ним пытались, любопытства ради, говорить на эту тему. Но Валентин был молчалив и замкнут. По этой причине профессора считали недружелюбным. Друзей у него в Ташкенте и вправду было

немного. Его коллега терапевт Петр Ситковский, частенько заходящий в гости, да протоиерей железнодорожной церкви Михаил Андреев. Последний был ближе всех. Только с ним, сидя в трапезной после всенощной, за чашкой чая, Валентин не боялся пооткровенничать о своих душевных переживаниях. Как любил это делать когда-то на уроках Закона Божьего в киевской гимназии.

Рос Валентин в религиозной семье.

— Живи не так, как тебе хочется, а как велит Господь! — наставлял подростка отец.

— А как узнать, что Он велит?

— Его воля в Слове! Читай Слово Божие и рассуждай, — учил родитель.

После окончания гимназии, по давно сложившейся традиции, директор подарил каждому выпускнику книгу — Новый Завет. И Слово Божие стало для юноши напутствием в жизнь. Читая, он сверял свои мысли и чувства с Писанием. Так формировался внутренний мир юноши.

В те годы Валентин увлекался рисованием, мечтал стать художником. Он часто бродил в живописных окрестностях Киева в поисках фигуры, делал этюды и перечитывал Новый Завет, осмысливая заново то, что узнал в гимназии. Некоторые места из Писания настолько озаряли юное сердце, что он подчеркивал их красным карандашом, чтобы вернуться в своих размышлениях.

Не живите, как вам хочется, а живите, как Господь велит! Но как услышать в себе повеление Божие?

Много внутренней работы надо проделать человеку, прежде чем он разберется в себе и придет к Богу, услышит его волю. Но, увы, и, как ни странно, мы работаем над собой. Куда проще бежать по жизни легкой трусцой за наслаждениями, биться хитростью ума за богатство. Чтобы умножить многократно наслаждения. Еще. И еще. Предостерегает. Только краткость жизни ограничивает наш торопливый бег. Мы смертны. Все до одного. Тогда для чего приходим в этот мир? И что ищем и ищем в нем?

Но проществуя многих лет после окончания гимназии Валентин все еще задавал себе эти вопросы. Здесь, в Ташкенте, его собеседни-

ком стал настоятель Михаил. Часто их богословские диалоги в трапезной заканчивались под утро.

Как велит Господь...

Именно так и хотел поступить Валентин, когда оставил рисование и пришел на медицинский факультет. Его размышления о своем предназначении кончились, как он напишет сам в дневнике: «решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, сто полезно для страдающих людей».

Однако духовные искания тернисты. Через год Валентина вновь потянуло с неодолимой силой к живописи. И он отправился в Мюнхен в частную художественную школу профессора Книрра. Но спустя три недели вернулся в Киев. Так в метаниях и противоречиях, в поиске формировалась личность выпускника гимназии, обретая свои неповторимые духовные очертания.

Было в этих поисках и модное увлечение учением писателя Льва Толстого. Молодой человек страстно воображал себя «толстовцем»: спал на полу на ковре, а летом, уезжая на дачу, косил траву и рожь вместе с крестьянами. Но «толстовство» скоро закончилось, когда Валентин прочел запрещенное в России, изданное за границей сочинение писателя «В чем твоя вера».

Ох, уж эта заграница! Хлебом не корми, дай только подложить свинью русским, потирая руки от удовольствия.

«Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий от подлинного христианства» – напишет Валентин в своем дневнике. В поисках, разочарованиях и обретениях прошел год после окончания гимназии. Можно было поступать на медицинский факультет. Но на сей раз, захваченный после «толстовства» идеалами народничества, молодой ум захотел скорейшей практической работы для пользы простого люда. И Валентин решил стать либо сельским учителем, либо фельдшером.

Он направился к директору народных училищ Киевского учебного округа с просьбой устроить его в одну из деревенских школ. Директор оценил порыв юноши, но энергично отговаривал от учительства и убеждал, что после медицинского факультета молодой человек сможет быть гораздо полезнее.

И вновь пришлось преодолевать себя. «Поперек дороги стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение и поступил на медицинский факультет Киевского университета» – откровенно скажет о себе будущий профессор.

Как непросто направить свою жизнь «куда велит Господь». Внутренняя борьба человека между «хочу» и «надо» делает выбор трудной задачей. Какое сопротивление нужно было преодолеть в своей душе молодому человеку – смятение и нежелание, даже отвращение, чтобы подчиниться повелению Божию.

« Когда я изучал физику, химию, у меня было почти физическое ощущение, что я насильно заставляю мозг работать над тем, что ему чуждо. Мозг, точно сжатый резиновый шар, стремился вытолкнуть чуждое ему содержание. Тем не менее я учился на одни пятерки и произошел перелом – неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией. Уже на втором курсе мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии.

Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать перешло в любовь к анатомии и тонкую работу при анатомической препаровке и операциях на трупах. Из неудавшегося художника я стал художником анатомии и хирургии».

Таким удивительным образом управил Господь выбор жизненного пути.

Доктор перебежал улицу от броневика наискосок к противоположному тротуару и потянул массивную ручку больничной двери. То, что он увидел в вестибюле, заставило вздрогнуть от неожиданности. У двери, возле стен под окнами, на парадной лестнице сидели и лежали раненные люди в шинелях. Испачканные кровью, они стонали и просили о помощи. Многие корчились от боли и пытались ползти. То там, то тут валялись винтовки. Тоже окровавленные. А прямо у ног Валентина, вытянувшись, смотрел в потолок застывшими глазами мальчишка-гимназист.

Среди этой окровавленной толпы, как белый ангел над полем смерти, расправив крылья халата, кружила операционная сестра Софья Белецкая. Она старалась помочь одному, другому, третьему...

При виде профессора Софья поднялась ему навстречу. Полы ее халата обвисли под тяжестью алых пятен крови.

— Валентин Феликсович, что же это? — заплакала она.

Доктор перешагнул через гимназиста, поскольку пройти иначе не было решительно никакой возможности и, сбросив пальто тут же на пол, принялся осматривать раненных.

* * *

Колесный цех железнодорожных мастерских гудел, как развороченный улей. На митинг, организованный подпольным заговорщиком комиссаром Агаповым, собралось до тысячи рабочих. И люди продолжали пребывать.

— Семь паровозных котлов в смену! — кричал в недовольной толпе высоченный худой бородач в замасленной спецовке. — Это на осьмушке хлеба-то! На мамалыге! — размахивал он тонкими, как плети, руками. — Мы подохнем тут все!

— Правильно! — Отзывались в толпе на разные голоса.

По лицу Агапова пробежала довольная усмешка. Он прибыл в мастерские по заданию подпольного «Союза пяти», опередив большевиков. Агапов собрал митинг, надеясь склонить рабочих на сторону заговорщиков.

«Союз» был тайно создан в декабре прошлого года, сразу после Первого объединенного съезда большевиков и эсеров. Разногласия при обсуждении делегатами текущего момента достигли на съезде апогея. Причем это не были идейные разногласия между коммунистами и социалистами. И те, и другие работали во всех органах власти слаженно. Это были две, исключаящие друг-друга, точки зрения на методы руководства республикой, ЦИКом и Совнаркомом.

Мнения разделились. Произошел раскол. Руководящая элита из бывших батраков, разорившихся дворян, матросов и солдат, заброшенная Москвой в Туркестан и захватившая при помощи оружия власть, никак не могла укрепиться в статусе правительства края. Население отторгало людей, потопивших в крови старую царскую

При виде профессора Софья поднялась ему навстречу. Полы ее халата обвисли под тяжестью алых пятен крови.

— Валентин Феликсович, что же это? — заплакала она.

Доктор перешагнул через гимназиста, поскольку пройти иначе не было решительно никакой возможности и, сбросив пальто тут же на пол, принялся осматривать раненных.

* * *

Колесный цех железнодорожных мастерских гудел, как развороченный улей. На митинг, организованный подпольным заговорщиком комиссаром Агаповым, собралось до тысячи рабочих. И люди продолжали пребывать.

— Семь паровозных котлов в смену! — кричал в недовольной толпе высоченный худой бородач в замасленной спецовке. — Это на осьмушке хлеба-то! На мамалыге! — размахивал он тонкими, как плети, руками. — Мы подохнем тут все!

— Правильно! — отзывались в толпе на разные голоса.

По лицу Агапова пробежала довольная усмешка. Он прибыл в мастерские по заданию подпольного «Союза пяти», опередив большевиков. Агапов собрал митинг, надеясь склонить рабочих на сторону заговорщиков.

«Союз» был тайно создан в декабре прошлого года, сразу после Первого объединенного съезда большевиков и эсеров. Разногласия при обсуждении делегатами текущего момента достигли на съезде апогея. Причем это не были идейные разногласия между коммунистами и социалистами. И те, и другие работали во всех органах власти слаженно. Это были две, исключаящие друг-друга, точки зрения на методы руководства республикой, ЦИКом и Совнаркомом.

Мнения разделились. Произошел раскол. Руководящая элита из бывших батраков, разорившихся дворян, матросов и солдат, заброшенная Москвой в Туркестан и захватившая при помощи оружия власть, никак не могла укрепиться в статусе правительства края. Население отторгало людей, потопивших в крови старую царскую

администрацию, и принесших с собой разруху, голод и войну, превратив ее в братоубийственное истребление несогласных.

Насилие большевистского правительства процветало — прямое, физическое.

С первого дня после вооруженного переворота страх навис над Ташкентом, как грозовая туча. С каждым днем страх сгущал свои краски, вселяя в сердца обывателей тревогу за свою судьбу и потерянность. Надо отдать должное батракам и матросам, вынесенным революцией на гребень власти. Многие из них, еще не освоив до конца азбуку и письмо, великолепно владели револьверной наукой насилия. Хочешь править — внушай страх. Человек должен понимать, что за неповиновение его будут лишать свободы, пищи, пытать, вешать и расстреливать. Страх есть включатель инстинкта самосохранения. Держи руку на включателе, нажимай без долгих раздумий и перед тобою склонятся.

Страх, насилие и ложь — эта чудовищная смесь питала новую власть, как система пищеварения питает организм хищника, давая ему жизнь исключительно через поедание чужой плоти. Но так не может продолжаться вечно: начинается хаос — власть разваливается.

Часть делегатов съезда во главе с военным комиссаром Константином Осиповым предложили обратиться к эмиру Бухары, чтобы найти дипломатический путь выхода из создавшегося угрожающего положения. Но самые одиозные, с криминальным прошлым, стояли за вооруженную борьбу до победного конца. Среди них был и комендант Ташкентского гарнизона эсер Иван Белов.

Несмотря на жаркие дебаты единства на съезде так и не было достигнуто. Лишь по одному вопросу мнения совпали. Большинство голосов делегаты отменили решение ЦИКа об очередной мобилизации населения в Красную армию. Затянувшаяся братоубийственная война надоела всем. Такое решение съезда усугубило до крайности положение на фронтах. Без новых винтовок Советам грозил неминуемый крах. Съезд констатировал текущий момент как политический кризис. О чем и направил депешу в Москву.

Агапов вышел из-за стола и поднял руку, призывая рабочих к тишине и порядку.

— Слово имеет товарищ Климин, — объявил он, когда шум поутих.

Сквозь ряды митингующих пробрался мужчина в форменной фуражке кондуктора, сбитой на затылок. Из-под нее торчали в разные стороны давно не стриженные свалывшиеся волосы.

— Я согласный! — начал он кричать пронзительным голосом, еще не дойдя до стола президиума. — Я согласный! Думаю, товарищи, мы прямо должны заявить большевикам — пусть ликвидируют гражданскую войну и повезут продовольствие!

— Правильно! — загудела толпа с новой силой.

— Хватит терпеть!

— Дети с голоду пухнут!

К Агапову сквозь толпу пробрался молодой рабочий в грязной робе и, наклонившись к уху, что-то шепнул. Тот кивнул головой и встал:

— Мне тут сообщили, что к нам на митинг пришли члены Наркомата путей. Пропустите товарищей! — повысил он голос.

Митингующие расступились и к президиуму протиснулись двое мужчин в военных шинелях без погон. Это были Дубицкий — член коллегии Наркомата путей и чекист Малыгин. Они пришли в цех по приказу Вотинцева, чтобы поднять рабочих на защиту советской власти, но опоздали. Их опередили заговорщики. И теперь комиссары с опаской озирались по сторонам, ловя на себе недружелюбные взгляды сотен глаз.

— Прошу слова! — обратился Дубицкий к собравшимся.

— К черту!

— Не давать!

— Надоело!

— Слышали!

Волна недовольства покатилась по цеху, как тяжелая колесная пара из-под вагона.

— Вот видите, — Агапов прищурил глаза. — Вопрос ясен. Едва ли большевики скажут нам что-либо новенькое. Я считаю более полезным высказаться рабочим,

Агапов говорил громко, чтобы его расслышали дальние ряды собравшихся:

— Впрочем, если воля собрания будет такова, — выкрикнул он, обращаясь к волнующейся толпе, — я не возражаю. Дадим слово большевистскому комиссару?!

— Не давать!

— Знаем!

— Хватит!

— Дать! — раздался в толпе одинокий голос.

Поднялся шум. Началась потасовка. Одинокое одобрение утонуло в гуле недовольства.

— Товарищи комиссары, — обратился Агапов к вновь пришедшим. На его лице опять заиграла едва заметная усмешка. — Вы слышали волю рабочих? Будем считать вопрос исчерпанным. Попрошу покинуть собрание!

Он повернулся к рабочим:

— Я предлагаю создать свой Совет. Без большевистских комиссаров! Сформируем новое правительство, которое положит конец разрухе и войне! По этому вопросу, — Агапов поднял со стола лист бумаги и поднес близко к глазам, — слово предоставляется рабочему...

Дубицкий стиснул зубы, а Малыгин потянулся к кобуре с револьвером. Но перед лицом тысячной толпы они понимали тщетность попытки переломить ход митинга. Поэтому комиссары предпочли скорее покинуть мятежный цех

и поспешили в военный комитет железнодорожных мастерских, чтобы с помощью боевой дружины восстановить контроль над разбушевавшейся толпой.

На первом этаже товарной конторы Дубицкий и Малыгин собрали командиров отрядов, желая заручиться их поддержкой на случай, если недовольство митингующих перерастет в бунт.

Железнодорожные мастерские в описываемое нами время представляли хорошо организованную крепость. Обнесенные со всех сторон высоким бетонным забором, они выглядели укрепленным лагерем, имевшим свой оружейный арсенал, запасы патронов и артиллерийских снарядов. Восемь короткоствольных линейных пушек обеспечивали в случае необходимости долговременную обо-

рону, а также удар для наступления. Вооруженная охрана из дружинников несла круглосуточный караул по всему периметру забора.

Вслед за гарнизоном Старой крепости железнодорожные мастерские представляли сильный оплот советской власти в городе.

Но последнее время было беспокойно и здесь. Голод и гражданская война требовали решительных шагов от власти по преодолению кризиса. Однако новая элита не справлялась с ситуацией, которую сама же и породила.

Растущим недовольством рабочих решили воспользоваться в подпольном «Союзе пяти», чтобы склонить наконец большевистскую опору на свою сторону, взять власть, отмежеваться от Москвы и, создав независимую республику, прекратить хаос.

Попытка арестовать Осипова ускорила ход событий. Руководство «Союза» взбудоражило рабочих, приводя свой план в действие. Тем временем в ожидании спланированного окончания митинга в казармах второго полка, где укрылся Осипов, ожидала сигнала рота солдат. Ей ставилась задача: сменить и разоружить верную большевикам рабочую охрану мастерских и взять под контроль оружейный пакгауз.

К полуночи в казарму, где сидели наготове с оружием в руках бойцы-красноармейцы, вошел Осипов и громким голосом скомандовал:

— В ружье!

Солдаты бегом выдвинулись к мастерским.

* * *

Из больницы Валентин вернулся ночью. Устало толкнув дверь, шагнул в переднюю.

— Слава Богу! — встретила его горничная Елизавета, заспанная и растрепанная.

— Слава Богу! — повторяла и крестилась она. — Вы целы!

— В самом деле, слава Богу! — улыбнулся ей Валентин. Только сейчас, слушая причитания Лизы, пришла мысль о том, какой тревожный день прожит.

Валентин любил минуты, когда переступаешь порог дома после утомительного дня в операционной. Все мысли еще там, перед глазами пятна крови на халатах сестер, искаженные болью лица раненых солдат, их брань и стоны. Но тишина и уют дома, запахи, резко контрастирующие с больничными, смывают это видение, входят в сердце чувством успокоения, обещая сон и тепло.

Валентин опустился в кресло и вытянул ноги. Он затих, запрокинув голову, и сразу задремал. Дома Валентин проводил редкие часы, словно гость, а не солидный отец семейства. В своей долгой врачебной практике ему случалось выезжать в дальние деревни и квартировать у какого-нибудь земского старосты по неделям, принимая больных со всей округи. Вспомнилась романовская больница под Саратовом: двенадцать сел, двадцать хуторов.

Сотни лет Россия не знала хорошей медицины. Без боли нельзя было смотреть на крестьян. Задавленные тяжелой грязной работой они болели трахомой целыми деревнями. И слепли от нее тоже целыми деревнями. Сколько несчастных, собирающих милостыню по дорогам, довелось повидать за четырнадцать лет. Не счесть.

Судьба бросала Валентина из одной губернии в другую, давая и научный опыт, и пищу для размышлений о народе. Здесь и Ардатов Симбирской губернии, и Верхний Любаз – Курской, киевский госпиталь Красного Креста и Балашовская уездная больница. Переславль – Залесский в его кочевой жизни был последней стоянкой перед отъездом в Ташкент. Там, в Переславле, он задумал свою первую научную работу, которой было суждено прославить имя патора в научном мире России и Европы.

Богатая практика побуждала к исследованиям и анализу. Валентин мог бы нарисовать медицинскую карту России, наподобие географической. Столько узнал за прошедшие годы.

Бывали и курьезы. Однажды в Курской губернии он оперировал молодого нищего из Верхнего Любажа. Слепой с раннего детства тот прозрел после операции, избавившей его от трахомы. Через два месяца нищий собрал сотни незрячих со всей округи и привел их в больницу. Как же его звали? Валентин, проваливаясь в сон, пытался напрячь память. Феофан, вроде? Нет, не Феофан. Ага-

фон?.. Софрон?.. Или Селиван? Имя вертелось в голове, упорно не желая принимать четких буквенных очертаний. Имя ускользало при попытке разглядеть его, становясь едва заметным, словно жаворонок в летнем небе. Отчетливо виделось только, как шли эти несчастные бродяги: бесконечной вереницей, друг за дружкой, положив руку на плечо впередиидушему.

Вдруг прямо перед собой Валентин увидел этого Феофана-Селивана, ощутил тепло его руки и вздрогнул от неожиданности. Сон улетучился. Доктор открыл глаза. Перед ним стоял сын-подросток и теребил за плечо:

– Папа! А, папа!

– Миша, почему не спишь? Ночь на дворе. – Отец снял руку сына с плеча и задержал в своих ладонях.

– Вас ожидал, – негромко отозвался мальчик.

Они обнялись.

– Младшие спят? – шепотом спросил Валентин, кивая на спальню.

– Да – а, – в тон родителю прошептал Миша.

– А мама?

– Подойди ко мне, – раздался слабый голос жены.

Валентин поднялся. Он поцеловал сына и, стараясь не шуметь, на цыпочках прошел в соседнюю комнату.

Анна лежала в той же позе, что и утром: высоко на подушках. При виде мужа она оживилась, протянула руку.

– Я так переживала за тебя! Устал? – влажная ладонь жены была горячей, пальцы мелко дрожали.

Валентин отрицательно покачал головой.

– Устал, – с ласковой настойчивостью произнесла Анна. – Весь в работе. Как обычно.

Помолчали. При виде безнадежно больной жены к Валентину вернулось тягостное утреннее настроение и говорить он не мог. Захотелось уйти, запереться в кабинете и молить Всевышнего о пощаде.

– Посиди со мной! – попросила супруга, сжав ладонь мужа исхудавшими пальцами. В них почти не чувствовалось силы.

Валентин кивнул. На ввалившихся щеках жены появилась некрасивая улыбка. Больная с шумом втягивала воздух, ее горло хрипело.

Валентина кольнуло в сердце: как же изменила ее болезнь! Врач не мог не понимать состояния больной. Страшная мысль о том, что близится кончина любимого человека, мысль, отступившая утром, под натиском бурного дня, вернулась в душу с новой силой, вцепилась в нее и стала терзать.

– Что там, – указала Анна на темное окно, – произошло?

Она спрашивала медленно, звуки слов искажались хрипотой.

– Много раненых. Объяснения путанные. Никто толком ничего не знает. Завтра зайду к отцу Михаилу, может ему что-нибудь известно.

– Поклонись от меня...

– Да, да, – Валентин закивал головой и коснулся щеки любимой женщины губами.

Супруги замолчали. Посмотрели друг на друга. Анна хрипло издохнула и повернула голову набок. А Валентин вернулся в свои невеселые раздумья. Он пытался представить себя на месте жены, почувствовать то, что чувствует она, расставаясь с жизнью, проникнуть в ее мыли и ощущения. Ни паники, ни страха в поведении больной супруг не наблюдал. Смирение и ожидание. Что происходит в ее душе сейчас? Ведь она знает, что умирает. Какое оно – это пограничное состояние, когда душа готовится разлучиться с телом?

Ум ученого, исследователя и философа шел все дальше по дороге рассуждений, пытаясь заглянуть за горизонт непознанного, где скрыта загадка расставания человеческой души с телом. Каждому из нас предстоит пройти однажды сквозь эти врата. И что там, за этой гранью?

Мысли Валентина текли по логическому руслу рассуждений. Если материя неуничтожима и перетекает из одного состояния в другое, то следует предположить, что и дух Божественный, заключенный в нас и создающий постоянно материальный мир, – живот творящий в нем, – тоже неуничтожим и перетекает из одного состояния в другое. Ведь мы – частички материи. Значит, дух наш тоже перетекает в нечто новое. Во что?

За окнами стояла слепая зимняя ночь. В комнате висели сумерки от одинокой свечи, качая тишину. В этом невесомом, задумавшемся полумраке, мысль образованного человека, освобожденная от суеты, текла куда-то вверх, в космос, как откровение. Потом возвращалась, как нечто самостоятельное, дополненное высшим разумом. Мысль разговаривала с человеком, в чьей голове родилась, заключив в своей обогащенной оболочке квинтэссенцию всего мироздания.

— Главным препятствием к признанию бессмертия души для неверующих служит понимание души, как особой сущности, связанной с телом только при его жизни, — рассуждал Валентин.

— Но это лишь часть нашей духовной сущности, которая понимается нашим сознанием, — оппонировала ему мысль. — Дух выступает за пределы мозга со всех сторон, в виде необъяснимых явлений, поразительных фактов: ясновидения, телепатии, интуиции, внезапного проявления памяти, когда в доли секунды перед человеком проходит вся его жизнь.

Валентин собирал и записывал подобные факты. Он мечтал обобщить их, осмыслить и написать серьезную богословскую работу. Особенно его интересовали «чудеса» из жития святых — людей просветленных, покинувших в поисках духа Божьего мирскую жизнь.

Один из таких примеров пришел на ум. Однажды из Пензы в Саров пришла жена диакона, чтобы видеть преподобного Серафима. Она стояла позади толпы, ожидая своей очереди. Вдруг преподобный, оставив других, сказал ей: «Евдокия, иди скорее сюда». Изумленная тем, что святой Серафим, никогда ее не видевший, назвал ее по имени, Евдокия подошла. «Иди скорее домой, а то не застанешь сына» — сказал он ей. Евдокия поспешно вернулась в Пензу и успела повидаться с сыном, окончившим семинарию и назначенным в Киевскую академию, куда он и собирался отбыть.

Подобных примеров действия духа накопилось десятки. Они требовали не просто раздумий, а анализа. Чем и занимался профессор медицины, погружаясь в ночные размышления о природе человеческой, о душе и плоти, их связи с Богом.

— Значит, — приходил Валентин к умозаключению, — между духом и телом существует постоянная взаимосвязь. Все, что происходит в

душе человека в течение жизни, все мысли, чувства, волевые акты связаны с жизнью духа. В духе отпечатлеваются, в нем сохраняются все акты души и тела. Под их формирующим влиянием развивается жизнь духа и его направленность в сторону добра или зла. Жизнь мозга и сердца, и необходимая для них совокупная, чудо скоординированная жизнь всех органов тела нужны только для формирования духа, и прекращаются, когда его формирование закончено.

Перед глазами Валентина возник образ, который удивительно доходчиво иллюстрировал ход мыслей ученого. Жизнь тела и духа он сравнивал с полной красоты и прелести жизнью виноградной лозы. Прекращается питание ее соками и остаются лишь выжимки, обреченные на гниение. Но жизнь виноградных гроздьев продолжается в полученном из них вине. В него переходит все то ценное, прекрасное и благодатное, что было выработано в живых ягодах под благотворным действием света и солнечного тепла. И подобно тому, как вино не портится, а живет в новом состоянии после смерти винограда, продолжается жизнь духа после смерти человека.

В ночной комнате, посреди большого города, наполненного стрельбой и смертью, бурлившего жаждой власти и упорством в исподчинении ей, в болоте гнева и религиозного невежества вспыхивал и мерцал маленький светильник разума, зажженный просветлением Божьей благодати.

* * *

Двери в глинобитную казарму распахнулись от удара ногой. В узкий коридор, толкаясь, ввалились с десятков комиссаров из правительства края и Ташкентского Совета.

— Осипов! Ты где, б...дь?! — председатель ЦИКа Вотинцев топал впереди всех и орал во все горло. За ним, держа руку на кобуре, чуть не бежал председатель ТурЧКа Донат Фоменко. Следом не отставали военаркомовец Финкельштейн, нарком Шумилов и еще несколько товарищей.

На шум из штабной комнаты в конце коридора высунулось молодое скуластое лицо и тут же пропало.

— А — а — а! — обрадовался, не скрывая злости, Вотинцев.

Комиссары вошли в осиповский штаб, полный вооруженных красноармейских командиров.

Вотинцев двинулся на Осипова, вобрав голову в плечи и глядя исподлобья. Он занес кулак правой руки, намереваясь одним ударом покончить с мятежом в городе. Но едва сделал пару шагов, как на них со всех сторон навалились, стали сбивать с ног и обезоруживать. Все произошло с быстротой секундной стрелки, пробежавшей одно деление циферблата.

Большевистские комиссары не сразу сообразили, что с ними случилось. Они боролись, изрыгая ругательства, грозили расправой, кричали о своих высоких званиях в правительстве республики, клеймили нападавших в контрреволюции. И только когда их избили, а кое-кому засунули в рот кляп и связали, они трезво оценили произошедшее.

— Всех во двор! — скомандовал Осипов.

Пленников вытолкали наружу.

— Расстрелять! — приказал главком и первым вытащил наган.

Комиссары пытались оказать последние отчаянное сопротивление. Но через минуту все было кончено.

Так погибло, опрометчиво оказавшись в руках Осипова, почти все большевистское правительство Туркестана. Главком хладнокровно использовал шанс обезглавить республику и взять власть в свои руки.

Удача вдохновила командарма. После расстрела правительства он двинул красноармейцев в город, уверенный в задуманном исходе дела. Захватив правительственные учреждения на Соборной площади, телеграф, банк, здание ЧК и милиции, военный комиссар развивал успех. Он отправил нарочного к коменданту Старой крепости эсеру Белову с приказом открыть орудийный огонь по железнодорожному мастерским, где накануне ему не удалось сменить охрану и взять под контроль арсенал. Комиссар Агапов не сумел поднять рабочих и теперь нужно было скорее разогнать укрывшихся в мастерских вооруженных дружинников. Орудийный залп из кре-

пости, кровь, паника и страх стали бы убедительным аргументом в пользу агаповских призывов.

В крепости служили бывшие военнопленные австрийцы и венгры-мадьяры, закаленные в окопах первой Мировой войны. Им будет не трудно справиться с ополчением из необученных мастеровых людей.

Так рассуждал главком. Чаша весов клонилась в его сторону. Осипов чувствовал это и ликовал. Еще чуть-чуть. А пока...

Пока Туркестанский полк увяз в уличных перестрелках с ополчением, безуспешно атакуя железную дорогу. Рабочие не только не поддались на уговоры Агапова, но арестовали его и теперь на редкость храбро отбивались, проявляя несговорчивость и упорство.

Тем временем военный комитет железнодорожных мастерских пытался также наладить связь с крепостью, привлечь Белова на свою сторону, чтобы объединить усилия против мятежного Осипова. Но артиллерия крепости молчала. Ее комендант Иван Белов бездействовал. Он не мог решить, чью сторону принять.

Осипов уже четыре раза отправлял нарочных с приказом открыть огонь по мастерским. Иван Белов не отвечал и огня не открывал.

Весь день 19 января крепость, притихнув, молчала. А Осипов, укрывшись в казармах 2-го полка, не решался покинуть безопасное место и лично прибыть в гарнизон, чтобы сместить Белова. Он боялся попасть в капкан, в какой заманил правительство республики. Поэтому отправил очередного порученца уже не с приказом, а с письмом, в котором предлагал Белову следующее: «Советская власть пала. Город находится в руках войск. Объявляется военная диктатура. Условия соединения гарнизона крепости с войсками такие: гарнизон остается с оружием в руках и поступает в общее командование. При соединении всем гарантия полной безопасности».

Но ответа опять не последовало. Осипов нервничал, кляня эсеров, как последних предателей революции. Он прекратил свои тщетные попытки склонить Белова на свою сторону и решил подчинить его иным способом.

С наступлением темноты, когда перестрелка между рабочими и бойцами-красноармейцами стихла, главком, возглавив две роты солдат, двинулся к крепости, чтобы силой принудить Белова вступить в бой, либо арестовать его и расстрелять.

К ночи выпал снег и подобраться к крепостному валу незамеченными не удалось. Силуэты бойцов чернели на свежем снегу, как тени на белом саване. Часовые без труда заметили крадущихся людей.

— Стой! Кто идет?! — окликнул один из них.

Молчание было ответом. Растянувшись в цепь, красноармейцы-туркестанцы живо побежали на вал, охватывая укрепление полукольцом.

На валу показался комендант. Быстро оценив обстановку, он повторил вопрос во весь командирский голос:

— Кто идет?!

Непрощенные гости упорно молчали. И тогда Белов, не мешкая, приказал:

— Огонь!

Грянули орудия. Цепь залегла. Но уже после двух винтовочных залпов, нападавшие бросились бежать, ища укрытия за ближайшими заборами и домами. На снегу остались чернеть тела убитых и раненых. Спасаясь, отступавшие бросали их на произвол.

После неудачи у вокзала и теперь возле крепости, Осипов решил отступить и укрепиться в центре города, устроив на Соборной площади и прилегающих улицах баррикады. Он вывел полк на Чимкентский тракт и, примыкающую к нему, Старогоспитальную улицу. Затем приказал установить пулеметы на польский костел, стоявший на берегу речки Саларь и на мельницу купца Кричигина. Тем самым заблокировал мост, ведущий из крепости в город, и взял под контроль большую часть Ташкента.

Так заканчивалась первая ночь стихийной бойни одних комиссаров с другими, не сумевших договориться между собой.

Остаток ночи Осипов пьянствовал. Лихорадочное напряжение минувших суток измотало его волю и силы. Он орал на подчиненных, проклиная и революцию, и большевиков, и Белова с Агаповым, и свою несчастную судьбу.

Когда рассвело главком вызвал к себе Ботта, освобожденного накануне после штурма здания ЧК. Лежа на лавке, заплетающимся языком, он приказал адъютанту отправляться в мастерские и попытаться договориться о перемирии. Осипов готов был сложить оружие, но хотел гарантий сохранения жизни.

Рабочие встретили адъютанта злобно. Они набросились с кулаками и оскорблениями в адрес военного комиссара и хотели прикончить Ботта тут же, на месте.

— Мне поручено провести переговоры! Осипов хочет сдаться! — прикрываясь руками, кричал Ботт. Это сообщение спасло его от расправы.

Адъютанта потащили в колесный цех и грубо втолкнули в комнату, где вторые сутки без сна и отдыха работал временный военный совет из рабочих и оставшихся членов правительства. Его сформировал эсер Григорий Колузаев, командир рабочей дружины.

Здесь я на минуту отвлеку внимание читателя от военных событий. Мне хочется поговорить о руководителях Туркестана того времени, чтобы стало понятно, почему произошла кровавая неразбериха. Важно знать, кто были эти люди, совершившие вооруженный переворот в Ташкенте в марте 1918 года и заменившие собой низложенную царскую администрацию.

Федор Колесов — глава Туркестанской республики. Еще два года назад конторщик на железнодорожной станции, Двадцать семь лет от роду.

Всеволод Вотинцев — председатель ЦИКа Туркеспублики. Потомственный семиреченский казак. Двадцать семь лет. Учился в Ташкентском кадетском корпусе.

Иван Белов — комендант гарнизона Старой крепости. До 1917 года служил в Фергане посыльным при штабе генерала Полонского. Двадцати шести лет.

Владислав Фигельский — председатель Совнаркома города Ташкента. Тридцати лет. До революции учитель математики в Самарканде.

Константин Осипов — главком войск Туркестана. Окончил землемерное училище. Прапорщик. Двадцать три года.

Николай Шумилов — председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов. До революции разнорабочий. Бежал с пожизненной каторги. Боевик по кличке «Черный».

Михаил Качуринер — комиссар финансов республики. Двадцати двух лет.

Почти все большевики и эсеры из правительства Туркестана были очень молоды. Если отбросить в сторону громкие названия их высоких должностей, то мы увидим ватагу дерзких малограмотных парней. Недовольные своим местом в обществе, бедностью, объединенные в тщеславные партии они учинили жестокую бойню в родной стране, развалили государство и поставили себя на место статских советников, губернаторов, земских старост и полицейских исправников.

Но опыта по обустройству и управлению государством эти молодцы не имели. Опыт неподчинения, опыт организации грабежей и убийств — революционный опыт — был, но вот опыт созидательного администрирования — увы!

Зависть и ненависть к людям зажиточным, знатным и известным мутила их разум с отрочества. Эти страсти подогревали в малограмотных умах обнищавшие дворяне-марксисты. Они ловко объяснили причину неуспеха «на уроках справедливости» в революционных кружках: «вы работаете, а «они» жируют за счет вашего труда».

Этой мутной инъекции в девственные умы, не тронутые ни образованием, ни религиозным воспитанием, ни опытом прожитых лет хватило, чтобы пойти по кровавой дороге. Убей богатого и все, что «незаконно» принадлежало ему — твое! Забирай! Ведь его «богатство» создано твоими руками. Так выглядит лицо любой революции, если стереть с него крем романтики, маскирующий животное нутро зависти сотворяющих торжество «справедливости».

Ботт вошел в цех и, козырнув по-военному, кивнул головой в знак приветствия. Реввоенсоветовцы поднялись со своих мест и устались на вошедшего, не отвечая на приветствие. Повисло напряженное ожидание.

— Я от Осипова, — бодро выговорил адъютант и, помявшись, добавил, — и всего народа Ташкента.

– Ух, ты! – вскинулся Колузаев, – всего народа? – Он усмехнулся: – А пупок не развяжется?

– А давайте развяжем ему! Прямо здесь! – вступил в разговор чекист Манжара. После вчерашнего ранения он придерживал перевязанную руку. Его лицо выражало страдание.

Реввоенсоветовцы зашумели. Колузаев махнул рукой, успокаивая товарищей, и задал вопрос, подойдя к Ботту вплотную:

– Правда, шо комиссары ЦИКа расстреляны?

– Комиссары у нас, – глаза Ботта заблестели и забежали. – Они изолированы. Мы, как интеллигенты, не позволим эксцессов...

– И шо вы хотите? – продолжая смотреть в упор, напирал Колузаев.

– Другую власть!

– И шо за власть? – процедил сквозь зубы председатель.

– Мы и весь народ хотим власть полуинтеллигентскую. Чтобы не одни рабочие в Советах. Ничего решить не могут! Где хлеб? Нам нужны керосин, твердый рубль, или мы не вылезем из этой ямы! Пусть образованные люди помогут остановить войну и наладить жизнь. Разве я не прав? Осипов не прав? – Ботт оглядел присутствующих, обращаясь сразу ко всем.

– Да это контрреволюция! – заорали несколько голосов почти одновременно.

– То есть буржуев вертать?! – взбеленел Колузаев. – Дескать, ялда, господа, пособите! Сами не справляемся. Взяли власть, а шо с ней делать ума не приложим! Так?

– Не ерничай, Георгий Александрович, разве Осипов не прав? – осмелел Ботт. – Дошли до ручки! А края все не видеть! Чем людей кормить? Когда будет порядок?

Ботт говорил запальчиво, скороговоркой, словно боялся, что ему не дадут сказать все, за чем он пришел.

Колузаев вытянул руку с растопыренными пальцами, намереваясь закрыть рот говорившему, и тем заставил его замолчать:

– Слухай сюды! Не для того мы брали власть, чтобы взад вертать! Сами добьемся порядку! И без таких предателей дела револю...

– Как наведете?! – перебил, распаляясь, Ботт. – Как?!

— Во, как! — Колузаев выхватил из кармана куртки небольшой английский браунинг и потряс им перед носом парламентаря:

— То и передай главнокомандующему прапорщику Константину Павловичу, — съязвил он. — Разговор окончен! Шабаш!

Ботт, видимо, не ожидал, что его дипломатическая миссия так быстро провалится. Он стушевался и замешкался, переминаясь с ноги на ногу:

— Может все-таки вам встретиться? Договориться? Сколько крови прольется! — неуверенно выложил он свой последний аргумент.

— А нам вашей не жаль! Пушай лется! Рекой! — рубанул по столу Колузаев рукоятью браунинга.

— А ваша? — потухшим голосом возразил Ботт.

— На то мы и большевики, шоб помирать за дело революции. Бить белую сволочь и в хвост, и в гриву! До полного стреления! Так и передай!

Ботт вышел за дверь, а вослед еще долго летели угрозы и оскорбления.

Наконец Колузаев успокоился и продолжил обсуждение плана борьбы с Осиповым.

Минут через десять раздался стук и в штаб реввоенсовета вошел рабочий Тучков:

— Товарищ председатель, тут от Белова два мадьяра, — доложил он, кивнув на дверь. — Пробрались из крепости...

— Вот и связь с гарнизоном! — радостно вздохнул Колузаев и потер руки:

— Как вдарим! А — а?! — озорно огляделся он. — Перво-наперво телеграф. Нужно сообщить в Москву.

Разговор оживился.

— Разнесем из орудий телеграф-то?

— Ну, мы ж не в телеграф-таки палить будем, а по баррикадам.

— Жителей побьем сколько...

— Всех не побьем, Кто-то да останется. Или шо прикажете: договариваться с буржуйскими подголосками? — вспыхнул Колузаев.

С рассветом 20 января орудия крепости и батарея железнодорожных мастерских начали обстрел мятежных красноармейцев, укре-

пившихся на центральных улицах города. Уже к полудню мадьяры и рабочие выбили их из Ташкента, ликвидируя мелкие группы, не успевшие отступить с основными силами полка. Победители бродили по Госпитальной улице, подбирая оружие, расстреливая отставших и добывая раненных.

* * *

За сутки больница Валентина превратилась в грязный фронтовой лазарет. Палаты и больничные коридоры были забиты ранеными. Не хватало

кроватей и вновь поступивших укладывали прямо на полу, подстелив голый матрац, старое одеяло или просто солдатскую шинель.

Медикаменты и перевязочный материал закончились. В помещении больницы стоял кислый запах лекарств и крови, усиленный едким смрадом табака. Солдаты курили махру тут же, так как многие не могли выходить на улицу из-за ранения.

Врачи, фельдшеры и сестры мужественно делали свое дело, спасая от смерти, боли и заражения огрубевших в убийствах людей. Красноармейцы беспрестанно матерились. Порой так громко, что сестры вздрагивали от стыда и делали ругавшимся бесполезные укоры. Раненные выясняли между собою, кто из них виновен в произошедшей бойне. Они злились и грозили друг-другу расправой. Порой их стычки заканчивались рукоприкладством. Так что врачам и сестрам приходилось разнимать и успокаивать разгоряченных пациентов. Только тяжелораненные не участвовали в разборках. Им было всеравно. Их стоны и крики раздавались то тут, то там.

Попытка Валентина обратиться к властям города за помощью ничего не дала. Соборная площадь, на которой стоял Дом правительства обросла баррикадами. Над ними то и дело с воем проносились артиллерийские снаряды, заставляя сердце замирать от страха.

Валентин сунулся было к одной из баррикад в минуту затишья, но его не пропустили, объяснив, что комиссары расстреляны и власти в городе больше нет.

Но власть объявилась сама. Ближе к вечеру, двадцатого января, в больницу вошел крупный хромой мужик, которого Валентин хорошо знал. Это был нерадивый работник больничного морга Андрей, детина с кулачищами синими от татуировок. Прогульщик и пьяница, которого он давно собирался выгнать. Но наркомат здравоохранения, куда бегал жаловаться на главврача Андрей, все время возвращал его в больницу.

— Ты где шатаешься? Опять пьян?! — накинулся Валентин на Андрея, — немедленно вынеси труп из первой палаты!

— Заткнись, контра! — на скуластом лице вошедшего заиграли желваки. Он вытащил из фанерной кобуры, висевшей на боку, маузер и ткнул им в лицо профессора.

— Порешу, сука! — волна перегара обдала доктора.

Тут только Валентин заметил, что Андрей вооружен, а в коридоре мелькают люди в матросской форме.

— Товарищ дохтор! — вмешался в разговор вошедший матрос. Он выглядел старше других и, видимо, был за главного. — Мы от революционного комитета. Из мастерских. Власть в городе временно наша, — матрос отстранил Андрея и закрыл главврача.

— Чем могу служить, позвольте узнать? — протирая запотевшие очки, взглянул на него Валентин.

— В мастерских полно раненных. Надо разместить.

— Где?! Вы посмотрите!.. — Валентин развел руками. — И чем прикажете лечить?

Комитетчик отошел в сторону, стал совещаться с товарищами. Через минуту вернулся.

— Напротив больницы пустует здание. Кадетский корпус. Так, Андрей? — повернул голову матрос.

— Угу!

— Свезем раненных туда.

— Но, позвольте, там нет никаких условий. Как я буду оперировать?

— Не переживайте, дохтор. Главное перевязать, ну, там кровь остановить. Остальное как-нибудь потом. Не барышни — потерпят. Вот город утихнет...

– Потерпят. Ясно тебе? – буркнул обескураженному профессору Андрей, явно желая подняться в глазах товарищей. – Вопрос решенный! Понял?

– А лекарства? Бинты? – не унимался главврач.

– Э – э, Андрей! – окликнул старший служителя морга. – Бери двух ребят и дуйте в арсенал. Посмотрите, что с медикаментами в пакгаузе. Тащите все сюда.

– Угу! Есть! – Андрей поднял свое мощное запястье, похожее на лапу, к виску и неуклюже козырнул, при этом смерив доктора пренебрежительным взглядом. Он явно гордился собою. Еще бы, стать вдруг на голову выше профессора, приказывать ему, – это вам не хухры-мухры.

К вечеру в маршировальном зале бывшего кадетского корпуса лежали и сидели до сотни раненных. Тут же валялись ящики с медикаментами первой помощи: бинтами, перекисью, йодом, стерилизаторами. Все ящики были взломаны и спирт из них украден.

Суетились медсестры, на скорую руку обустривая огромное холодное помещение. Кое-кто из солдат уже белел бинтами и спал, привалившись к стене зала, не обращая внимания на боль, шум и холод.

Наступила ночь, а Валентин продолжал осматривать раны и делать записи, определяя у каждого солдата степень повреждения и очередность операций.

Рабочий день казался бесконечным. Не придти сегодня домой, не вдохнуть с наслаждением знакомые теплые запахи гостиной, где шотландской рукой Лизы накрыт стол. Он знал, что его терпеливо ждут после каждого дежурства. Но сегодня, увы... Перед глазами всплыло исхудавшее лицо жены. Как она? Ни позвонить, телеграф молчит вторые сутки. Опять эти запахи. Возникло почти физическое ощущение аромата горячего бульона. Валентин вспомнил, что сегодня еще не ел. Ох, уж эти запахи...

– Господа, закончим осмотр, устроим в ординаторской чаепитие, – предложил Валентин.

Медики повеселели.

Часам к трем ночи кое-какой порядок в новом здании был наведен. Оставив дежурную сестру и сиделку на посту, Валентин с коллегами наконец-то возвращались в больницу, радуясь долгожданному заслуженному отдыху, предвкушая горячий чай. Разговорились.

— Две больницы для Ташкента, с его населением, крайне мало. Как думаете, Валентин Феликсович? — обратился к профессору его ассистент доктор Фингельгард.

— Я того же мнения, сударь, — поддержал разговор Валентин. — Только откуда набирать медицинский персонал? Нас же по пальцам перечесть можно. А университеты в Москве давно закрыты. Война.

— Да — а! — протянул кто-то, соглашаясь с услышанным.

— Разве что Эскулапий нам поможет, — пошутил профессор. — Призовем его, как древние римляне, на моровую язву? А — а?

Все рассмеялись

— Прекрасная мысль, Валентин Феликсович! — весело отозвался Фингельгард. — А что нам остается? Выбора нет...

— Есть! — удивил и озадачил всех Валентин.

— Какой? — уставились на главврача коллеги.

— Открыть свой университет. Здесь, в Ташкенте.

Шедшие на секунду остановились, потом обступили профессора и заговорили разом.

— А что! Замечательная идея!

— Господа, мы можем это сделать!

— Виват! Думаю, в наркомздраве нас поддержат!

Фингельгард взял Валентина за руку и потряс ее:

— Коллега, идея и впрямь прекрасная! Но до университета ли нам сейчас? Разруха кругом, хаос!

— Господа, господа, надо все обсудить!

— Остановитесь, господа! Остановитесь!

— Что?

— Прислушайтесь! Вы слышите? Нет, вы слышите?

— Что — о?

— Не стреляют!

Врачи замолчали и замерли. Они стояли посреди ночной улицы и напряженно вслушивались в ее глухоту. Не верилось. Казалось, вот-вот стрельба накатится новой волной. Но шло время, а волны не было. Один-два дальних хлопка, и снова тишина.

Радостные и взволнованные, врачи распахнули больничные двери.

Раненных в вестибюле уже не было. Их перевели в здание бывшего кадетского корпуса. Но на лестнице, ведущей на второй этаж, держа в синем кулаке дымящуюся самокрутку, сидел Андрей. Возле него теребили кисеты два матроса из тех, что приходили в больницу днем. При виде вошедших они встали и двинулись навстречу.

— Ты есть арестованный! — ткнул Андрей профессора толстым пальцем в живот.

— Взять! — скомандовал он матросам и те ловко схватили доктора под руки.

Коллеги Валентина оторопели от неожиданности.

— Позвольте! — закричал Фингельгард и шагнул вперед. — Что происходит?!

— А ну, ша — а! — Андрей взвел курок маузера и поднял дуло.

Валентина грубо вытолкали на темную улицу и повели, подгоняя прикладом в спину.

* * *

За окном Кремля брезжил рассвет. Встряхивая головой, чтобы прогонять сон и подпирая толстый подбородок ладонью, Яков Петерс, заместитель председателя ВЧК, читал секретную шифрограмму.

«Москва. Кремль. Ленину. Свердлову. В ночь с 18 на 19 января в столице было белогвардейское вооруженное восстание во главе с бывшим военным комиссаром Осиповым.

Были введены в заблуждение рабочие, солдаты гарнизона и Правительство, чем и объясняется успех восстания в первой половине дня. В ночь Правительство, желая выяснить положение дела, на автомобилях поехало во 2-ой полк, где был штаб Осипова. Здесь

были зверски расстреляны следующие члены Правительства: председатель Тур ЦИКа Вотинцев, председатель Совнаркома Фигельский, управляющий делами Малков. Кроме того были захвачены и убиты комиссар путей сообщения Дубицкий, председатель Чрезвычайн. Следст. Ком. Фоменко, председатель Ташсовета Шумилов, член исполкома Першин.

В защиту Советской власти первыми выступили отряд тов. Колузаева, школа инструкторов, партийные дружины с жел.дор., весь гарнизон крепости во главе с тов. Беловым.

20 числа в 6 часов утра было сделано первое наступление на белогвардейскую банду. Наступление продолжалось до 7 часов вечера, после чего белогвардейцы начали отступать.

В 3 часа ночи оставшиеся части Осипова отступили, захватив два грузовика, 2 орудия, несколько пулеметов, деньги и ценности в банке. Меры к поиску приняты. В городе порядок восстановлен.

Во время господства белогвардейцев буржуазия ликовала, ходила с флагами за Учредительное собрание, обещала народу хлеб и керосин. За кровь лучших товарищей отплатим кровью буржуазии».

Петерс отложил шифрограмму и задумался, прикрыв глаза и откинувшись на спинку стула. Затем потянулся и снова склонился над столом. Шифровку ему передал лично Феликс Дзержинский. Он поручил своему заместителю разработать рекомендации для ташкентских товарищей по скорейшему наведению в городе революционного порядка и предотвращению дальнейших попыток ликвидации Советской власти в Туркестане.

Петерс имел опыт подобной работы. После захвата большевиками власти в Петрограде, будучи членом военно-революционного комитета он разработал специальную операцию по уничтожению в городе «контрреволюционного потенциала». Под его руководством ЧК провела масштабные аресты и массовые казни мирного населения, не принимавшего новоявленную власть.

Смысл этого дьявольского акта сводился к тому, чтобы выловить и ликвидировать физически всех до одного, кто хоть отчасти не согласен с разгромом Учредительного собрания.

Требовалось внушить населению города страх, принудить к покорности. Для непопулярных в народе большевиков не было иного способа удержаться, только истребив физически как можно больше недовольных людей. Что и было сделано.

Петерс изложил тогда свои соображения в «Инструкции по производству осмотра Петрограда». Он разбил город на несколько районов. Каждый район закрепил за конкретной войсковой частью. Дальше район делился на участки, в которых военными отрядами под присмотром ЧК «проводился поголовный осмотр всех жилых и не жилых помещений. Задержанию подлежали все лица, имевшие при себе оружие, дезертиры, непрописанные граждане, все бывшие полицейские чины до околоточных включительно, бывшие жандармские офицеры и унтер-офицеры, а также все подозрительные граждане».

Чтобы сплести ловчую сеть как можно мельче и не дать проскочить в нее «контрреволюционному потенциалу» Петерс выделил в «Инструкции» в особую главу осмотр «всех до единого храмов всех переисповеданий. А также колоколен, чердаков, подвалов, сараев, складов и площадей».

Особенно хитроумным ходом в своем «изобретении», чем Петерс гордился, он считал эффект «мешка». То есть все районы города, все участки и крупные здания накрывались войсками одновременно. Так что перебежать из одного подвала в другой могла разве что мышь.

О судьбе тысяч несчастных людей, попавших в «мешок» Петерса, мы так никогда и не узнаем. Но нетрудно догадаться.

Яков спрятал шифрограмму в стол и велел дежурному принести карту Ташкента. Исполненный желания повторить свой опыт он углубился в изучение далекого азиатского города.

Товарищи по партии из Средней Азии нуждались в помощи. И уже к исходу дня была подготовлена ответная шифровка, повторяющая основные положения «Инструкции», с учетом особенностей Ташкента. План по вразумлению недовольных жителей крупного восточного города был готов. Помощь Кремля не заставила себя

ждать. И вскоре Колузаев получил радиogramму, на время переговоров с Москвой перенесший свой штаб на почтамт.

Действовать ташкентские коммунисты начали сразу. Они собрали депутатов от рабочих, гарнизонных солдат крепости, отрядов самообороны мусульманской бедноты, школы красных политруков и милиции.

— Товарищи! — Федор Колузаев огласил повестку. — У нас один но важнейший вопрос — последствия событий 19 — 21 января в Ташкенте.

Охарактеризовав обстановку, как победу над белогвардейским мятежом, председатель перешел к главному:

— Нам необходимо жестоко ответить на предательскую вылазку буржуев и белогвардейщины. Так ставят вопрос лично товарище Ленин и Дзержинский. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия рекомендует ряд мер по укреплению Советской власти и искоренению контрреволюции в Туркестане.

Колузаев бодрым голосом зачитал полученную из Москвы радиogramму и рекомендации, изложенные в ней.

— Правильно! Пора кончать белую сволочь! — поддержал председателя сотрудник наркомата путей Саликов. — Иначе не вылезем из войны!

— Уничтожить всех, кто представляет опасность! — согласился другой депутат. — Давно пора!

Собравшиеся одобрительно зашумели и подняли руки, голосуя «за».

Так с единодушного одобрения делегатов, был создан штаб по проведению контрреволюционной операции и выбран трибунал из шести человек, наиболее проявивших себя при подавлении мятежа.

Собрание закончилось принятием постановления:

«Первое: обязать всех рабочих и служащих предоставить свидетельство того, чем он занимался 19 — 21 января.

Второе: уволить всех ответственных лиц и принять вновь на должность при наличии двух рекомендаций от проверенных партийных работников. Срок повторного приема на работу до 1 февраля 1919 года».

Дальнейшие события развивались стремительно и драматично. Началась вакханалия – кровавый пир победителей. Хватали всех, кто был одет не по-рабочему. Пальто с дорогим воротником или военной шинели царского покроя было достаточно для подозрения и ареста. Причиной могло стать пенсне, выдававшее интеллигентность его хозяина, чтобы бросить в пасть революционного Молоха очередную жертву.

Улицы обезлюдили. Жители забаррикадировались в домах и квартирах, превращая жилье в крепость. Но это не спасало. Военные вламывались, вынося двери, если их добровольно не отпирали и чинили расправу над перепуганной беззащитной «контрой».

Круглосуточный судебный конвейер ревтрибунала не обременял себя долгим следствием. Оно начиналось и заканчивалось двумя-тремя вопросами:

– Кем служил при царском режиме?

– Где был во время мятежа?

Ответ на второй вопрос нужно было подтвердить документально.

Но уже на первом вопросе «контрреволюционный потенциал» выдавал себя с головой и подписывал свой смертный приговор. Что мог ответить попавший в ловушку титулярный советник или штаб-ротмистр, полицмейстер или чиновник управы, депутат бывшей Думы?

Так были пойманы и «обезврежены», то есть расстреляны несколько тысяч образованных горожан. Часто убивали прямо на улице. Как, например, застрелили на крыльце аптеки мальчишку-гимназиста, пытавшегося от страха бежать. За «неподчинение» забили прикладами главу «Красного креста» шведа Клеберга и сестру милосердия этой миссии, бывшую с ним. Со шведа сняли дорогие сапоги и бросили труп на улице. Другого раненного «интеллигента» погребли в яме, выкопанной далеко за городом жертвами. Молодой человек без сознания пролежал, присыпанный землей, несколько часов на этой ужасной постели, а ночью выбрался из-под слоя земли и вернулся домой. Мать, увидев голого окровавленного сына, потеряла рассудок. Сестра обмыла юношу и перевязала раны.

Но на утро по доносу соседей пришли большевики и расстреляли всех.

Грабежи и изнасилования стали формой возмездия «мироедам». С особенной жестокостью надругательства над людьми чинили в жилом квартале возле театра «Колизей», где стояли дома зажиточных горожан. Здесь истребляли всех поголовно, а имущество делили и прятали. Грабь награбленное! Вот она – вершина, апофеоз революционной морали «угнетенных масс», торжество «справедливости» в их понимании! Нападавшие изливали на людей высокого социального статуса свою завистливую злобу. За то, что мечтал на них походить, но ничего не умели сделать для этого. Ненависть переполняла души тех, кто «наводил порядок». Именно ненависть и зависть стали их внутренней сущностью, сжигающей души страстным огнем. Когда человек срастается с какой-либо страстью, то страсть начинает диктовать ему мысли и поведение. И человек, обураваемый желанием, не мучается угрызениями совести. Их просто нет у него. Свою порочность он ощущает, как силу. Потому что страсть соединенная с насилием над ближним плодоносит – накапливающимся имуществом, растущей властью, увеличением количества удовольствий. А раз так, значит я – революционер – на верном пути. И поступки мои, и мысли – правильные. Даже убийство ближнего, мешающего плодоношению моих страстей, становится благом для меня. Потому что оно – убийство – справедливое возмездие богатым за мою нищету. Ведь именно они виновны в ней.

Чувствуете, как внутри человека, живущего без Бога, рождается оправдание собственным порокам?

А теперь представьте тех, кто бродил по городу и убивал людей. Одного... третьего... десятого... сто двадцатого... Каждый день. Каждую ночь. На убийство, как на работу!

Известно, что особенно свирепствовал в «революционном правосудии» некто Толстиков, рабочий из мастерских, получая за каждого отправленного в могилу изрядную порцию спирта.

Когда палачей отпускали «отдохнуть», что видели они перед глазами, закрывая их от усталости? О чем рассказывали в своих семьях

близким? Как проживали предсмертные крики жертв, их панику и поплаи?

Думаю, что палачам было нелегко. Несмотря на кипевшую в их головах революционную кашу из лозунгов и догм, восторга перед пождями-кумирами и экзальтацию перед сказкой о светлом будущем, души палачей корчились от мук еще при жизни. Пытаясь утопить совесть в спирте, они сутками не приходили в трезвое состояние. Основную расстрельную работу выполняли венгры из гирнизона крепости. За что им было обещано скорейшее возвращение на родину. Несчастных горожан заводили в крепость, приказывали раздеться, забирали одежду и...

Но отличились в борьбе с «контрреволюцией» не иноземцы, а свои – ташкентские.

Русский Толстиков лично убил около семисот человек. Когда от крови и спирта он потерял человеческий облик, его увезли подальше от глаз в горы, в дом отдыха Чарвак, где полоумный изувер так и остался до конца дней своей несчастной жизни.

Другой палач, рабочий Колгатъев, тоже расстрелявший ни одну сотню мужчин, женщин и детей, вскоре также сошел с ума.

«Не убий!» – сказал в нагорной проповеди Христос. Многим коммунистам, чтобы понять эту заповедь пришлось пройти страшную дорогу: от преступления к мучительным навязчивым ночным кошмам, от них к сумасшествию. Но, даже потеряв рассудок, палачи боялись оставаться в одиночестве. Звуковые галлюцинации, крики умирающих людей преследовали их, лишали сна и покоя. Они боялись закрыть глаза и часто по ночам подолгу скулили и выли от кошманных видений.

Ну, а те, чей рассудок выдержал? Что происходило в потаенных глубинах их душ? Что прятали они там, когда, оскаливаясь в улыбке, принимали ордена и грамоты за верность делу революции? Ни есть ли возмездие свыше, их почти поголовная гибель в тридцатые годы в таежных лагерях Сибири? Горе тем, кто не творит заповеданное Господом!

Избитый до полсмерти окровавленный Ташкент, склонился в позе покорности. Излив свой «праведный гнев», большевики заняли,

наконец, положенное им «по-справедливости» место — на вершине власти.

Установилась холодная, тихая зима. Лужи застывшей крови долго оставались на мостовых и тротуарах.

* * *

Валентина втокнули в огромное складское помещение, пристроенное к паровозному цеху. Тускло горела единственная лампа, подвешенная на стене напротив. В полутьме виднелись фигуры людей, но разглядеть их лица Валентин не мог, пока глаза не привыкли к полумраку. Только одно он отметил сразу: большинство арестантов — солдаты. На новенького никто не обратил внимания. Каждый был занят своими переживаниями. Люди не разговаривали, курили, сидели на разбитых ящиках или подпирали стены.

Под лампой Валентин угадал железную дверь, массивную и покоившуюся. За ней слышалось гудение механизмов и людские голоса. Пленник уставился на дверь. Мыслей не было. Вдруг дверь со скрипом отворилась. Из ярко освещенной комнаты внутрь склада вошли вооруженные матросы. Они схватили первого попавшегося пленника-солдата и потащили за собой. Дверь с лязгом захлопнулась.

Валентин успел рассмотреть людей, сидевших в освещенной комнате за длинным столом. Они что-то писали и складывали бумаги в стопку на середине стола. Двоих профессор узнал.

Прошло минут двадцать. Дверь снова заскрипела и все повторилось.

Минут час... три... пять. Рассвело. А дверь, словно железная пасть, приводимая в движение невидимым жевательным механизмом, открывалась через четкий промежуток времени и, шелкнув, глотала человека в свое освещенное нутро, и никак не могла насытиться. Никто назад не возвращался.

— Чево там?! А — а? Не знаете? — дернул Валентина за рукав молодой солдат. Он был без головного убора и прятал лицо в поднятый воротник шинели. В его голосе звучал испуг. Солдатик уста-

ишлся на взрослого бородатого господина и ждал ответа, как будто просил милостыню.

Валентин пожал плечами.

– Куда всех отправляют? А – а? – не унимался красноармеец.

– Не знаю, молодой человек, – Валентин понимал, что паренек растерян и ищет защиты.

– Не волнуйтесь, скоро выяснится, – попытался он ободрить юношу.

– Постреляют? А – а? – продолжал досаждать солдатик, будто Валентин знал ответ, но не хотел говорить.

– Ну, не думаю. Разберутся, наверное.

– А че разбираться! – кто-то из толпы примкнул к разговору. – Мы есть хто? Нам приказали. Военный комиссар самолично дал команду. Наше дело солдатское – приказы не обсуждать. Вот и стреляли.

– Да, что было-то, братцы? – подхватил разговор кто-то в глубине склада.

– Хрен их разберет! А мы теперь крайние! Так, что ли?!

– За что помирать будем, а?!

Арестованные зашумели. Тревожное ожидание стало бурно расти, превращаясь в панику. Люди словно очнулись. Они почувствовали запах смерти.

– Мы-то в чем виноватые?! – этот зов к справедливости, разоблаченных страхом людей, слился в единый крик отчаяния. Арестованные бросились к железной двери под лампой и стали бить в нее кулаками, требуя немедленного ответа.

Вдруг дверь взвизгнула и распахнулась от встречного удара. Десятка полтора красноармейцев и матросов, держа винтовки наперевес и угрожая штыками, ввалились в цех из освещенной комнаты.

– Молчать! – заорал один из них. – Постреляю, суки!

Следом за красноармейцами в цех вошел человек в кожаной куртке:

– Всем сесть! Руки за голову! – скомандовал он срывающимся голосом и выстрелил в потолок из маузера.

Валентин узнал бывшего работника больничного морга Андрея. За ним теснились солдаты, щелкая затворами.

— Ша — а! Гниды! Трибунал разберется, кто виноватый! — процедил Андрей, наступая на толпу и размахивая маузером.

Арестованные отшатнулись и присели на корточки.

— Еще раз пискнете — пуля в лоб! — погрозил Андрей своим синими кулачищем и вышел.

Дверь под лампой сделала глотательное движение и захлопнулась.

Томительное ожидание, словно бесконечная нить пряжи, потянулось дальше, наматывая клубок тревожных предчувствий. Прошло еще не меньше пяти часов, прежде чем дверь, наконец, проглотила Валентина.

— А — а — а! Контра! А ну, подь сюды! — обрадовался Андрей, разглядывая своего гонителя горящими глазами.

— Валентин Феликсович! — из-за стола поднялся щуплый молодой человек лет двадцати шести. — Вы? Тут? Как?

Это был Андрей Солькин, председатель краевого комитета партии большевиков. Валентин знал его семью, отчима Николая Шумилова, главу ташкентского Совнаркома. Прошлым летом профессор оперировал жену комиссара.

— Сейчас я выпишу вам пропуск и вы уйдете домой, — засуетился Солькин и потянулся за бумагой.

— Това — а — ариш председатель ревтрибуна — ала! — протянул недовольный работник морга и заворчал что-то себе под нос. Остальные тоже покосились в сторону Солькина.

— Допросить бы надо, по форме, — возразил один из них.

— Подозреваете, что профессор бегал с винтовкой среди мятежников? — задал вопрос Солькин. И добавил: — Он лечил раненных бойцов. И девятнадцатого! И двадцатого! Лично могу засвидетельствовать.

— Всеодно, контра! — пробубнил Андрей. Положив на стол свои синие кулаки, он пристукнул ими с досады.

Солькин проигнорировал недовольство подчиненных и выписал Валентину пропуск по городу.

Профессор сунул бумагу в карман, повернулся и шагнул к железной двери за спиной.

— Нет, нет. не сюда! — остановил его председатель трибунала. Он вышел из-за стола и повел доктора вглубь освещенной комнаты, откуда ответвлением тянулся длинный коридор со множеством дверей по обе стороны. По коридору сновали солдаты, неся в охапках шинели, гимнастерки и портянки, от которых шел нестерпимый запах грязного тела.

Все это сортировалось по комнатам и сваливалось в кучи на полу.

— Кристоф! — окликнул Солькин проходившего мимо красноармейца.

— Я! — вытянулся рыжий боец, бросив под ноги свою ношу.

— Возьми двух человек и проводите господи..., э — э — э, товарища доктора домой.

— Эсть! — козырнул мадьяр.

Красноармейцы вывели Валентина наружу, на территорию мастерских. Это был широкий внутренний двор, заваленный всевозможным железнодорожным хламом. Торчали полусгнившие шпалы, ржавые колесные пары, прогоревшие котлы паровозных топок, кучи костылей, отслужившие срок рельсы, валялся на боку мятый пассажирский вагон с выбитыми стеклами. Плавильные заводы России не работали и железные дороги приходили в упадок.

Петляя по лабиринту свалки, солдаты выбрались на открытую площадку. Справа в полусотне метров в заборе виднелись кованые ворота. А напротив них, посреди свалки, чернел высокий деревянный склад, покрытый ржавыми металлическими листами. У распахнутых ворот склада стояли грузовики. Валентин бросил беглый взгляд внутрь и... похолодел. В складе лежали кучи голых трупов. Красноармейцы закидывали их на грузовики и прятали под брезент. Так вот куда уходили солдаты туркестанского краснознаменного полка, поднявшиеся по приказу военного комиссара республики на защиту Советской власти. Бедные обманутые люди, ничего не понявшие в двухдневной дурацкой перестрелке. Кто в кого стрелял? Зачем? Почему? А для чего им что-то понимать, ведь это «масса», как любил называть простых людей лидер большевизма.

Масса из которой можно слепить все, что угодно скульптору или использованную и пришедшую в негодность, ее можно выбросить за ненадобностью.

Отвращение охватило Валентина. Но ни к этим изуродованным телам, а к тем людям, что копошились над трупами, к Солькину, Шумилову, к Андрею, ко всем комиссарам, к новой власти.

Нельзя оправдать убийство. Это самое гнусное преступление. Почему убийство одного человека карается, а убийство сотен тысяч подается в наше сознание как борьба за социальную справедливость, счастье, свободу и равенство? Убийство — это всегда несправедливость, одного человека по отношению к другому. Это проявление звериной природы нашего тела и безбожия нашего духа — самых низменных сторон потаенного содержания неверующей души. Оттуда, из мрачных глубин душевной бездны, хлынули на Россию бесы, потопившие страну в крови. Есть в этом явлении одна странность: почему теорию «справедливого» переустройства общества мы взяли у немца? Почему чужая немецкая мысль дала обильные всходы и урожай на русской почве? Наверно, это останется загадкой навсегда. Быть может следующие поколения русских мыслителей смогут ее разгадать. Не знаю.

* * *

В больнице главврача встретили с ликованием. Его обступили, расспрашивая о подробностях ареста. Теплые рукопожатия то и дело стискивали ладонь доктора.

Валентин был краток, отвечал сухо. Ему не хотелось заново проживать страх и унижение.

— Благодарю, господа! Благодарю! — повторял он. — Все обошлось! Все обошлось! Благодарю!

В назначенный час по лечебному расписанию профессор вошел в операционную. Он был как всегда спокоен и сосредоточен. Будто и не пережил только что бессонную ночь под дулом смерти.

Новость о счастливом возвращении главврача обсуждали весь день. Кое-кто из пациентов, не скрываясь, молился. Для них благо-

получный поворот в судьбе доктора превращался в надежду на собственное исцеление.

Нервное напряжение ночи все же измотало. К концу дня Валентин обессилел. Он обронил зажим и операционная сестра, подавая другой, заметила дрожь в его пальцах.

— Коллега, — обратился Валентин к Фингельгарду, — заканчивайте самостоятельно.

Пошатываясь, он покинул операционную. Едва омыв руки, тут же повалился на диван и уснул.

Сон был тревожным. Ему привиделась жуткая картина: будто он стоит за городом на смрадной ташкентской свалке, усыпанной мертвыми человеческими телами. Было холодно и пасмурно. Закутившись в рваное старое пальто, дрожа от холода, Валентин бродил среди убитых, отыскивая знакомых. Его окликали протяжными стонами. Оборачиваясь, он находил еще живых, что корчились от боли. Валентин спешил на помощь, стараясь обработать раны. Но все движения его тела вдруг стали медленными и неловкими. Он не мог справиться с непослушными руками и наложить самую простую повязку. А люди оживали, страдающих становилось все больше. Эти несчастные хватали за полы пальто и не отпускали, моля о помощи.

Валентин попытался освободиться, отшатнулся и наступил на чью-то убиенную плоть. Тут только он заметил, что босой и почувствовал ледяной холод трупа, обжигающий стопу. Сердце замерло от страха и бессилия. К горлу подступили слезы отчаяния. Упав на колени, он обратил лицо к небу:

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных! — кричал Валентин, что есть силы.

И проснулся от собственного крика. Тотчас сел, приглаживая волосы на голове и бороде, приходя в сознание.

— Вы звали? — заглянула дежурная сестра. Ясенецкий покачал головой. Он опустил лицо, стараясь не смотреть на сестру, смущенный тем, что напугал ее криком.

— С вами все в порядке? — сестра стояла в дверях и не уходила.

– Все хорошо, все хорошо! – скороговоркой выпалил доктор, стараясь не выдать своего смущения. Он поднял с пола оброненные очки и выпрямился. Спросил, чтобы рассеять неловкую ситуацию.

– Который час?

– Четверть восьмого, – сестра не уходила и все еще смотрела на главного врача вопросительным взглядом.

– Утро? – хотел уточнить Валентин, сбитый с толку сновидением и усталостью. Ему казалось, что он вышел из мастерских минут назад. Но сон улетучивался, доктор потянулся и пришел в себя окончательно.

За окном чернело не утро, а зимний вечер. Врачи разошлись, в больнице было тихо и пусто. Профессор вышел на улицу и с наслаждением вдохнул свежий чистый воздух, наполнивший тело и разум ощущением бодрости и силы.

– Благодать-то какая! – глянул он в небо. Мерцание звезд, вечное и бесстрастное, навело размышления о суетности и скоротечности всего земного, нелепой бессмыслице того, что здесь происходит с каждым человеком в страданиях, болезнях, лишениях и потерях. И так до смертного одра. Но созерцать этот мир, какие бы мучения нам не выпадали – это счастье.

Валентин решил навестить своего старого друга, настоятеля железнодорожной церкви протоиерея Михаила Андреева. Они познакомились в первый день по приезду Ясенецких в Ташкент. Когда его семья сошла с поезда, Анна попросила зайти в церковь мимо которой они проходили, и поставить свечку за благополучный исход путешествия. С того дня Валентин не пропускал воскресные праздничные богослужения, несмотря на занятость. После литургии по вечерам у отца Михаила собирались верующие из местной интеллигенции. Обсуждали городские новости, пели церковные песни, беседовали на богословские темы. Сложился клуб, церковное братство из образованных прихожан, близких по духу.

Но сегодня никого у батюшки не было. Отец Михаил встретил Валентина один, на крыльце, раскрыв руки для объятия.

— Валентин Феликсович! Слава Богу, живы! Я знаю, вы побывали в лапах этих бесов, — друзья обнялись, протоиерей благословил своего приятеля.

— Слава Богу! Слава Богу! — повторял и повторял обрадованный священник, провожая друга в дом.

Когда его сердце немного успокоилось, он присел и заговорил:

— Время-то какое, — отец Михаил вздохнул и, не дожидаясь ответа, добавил: — Но как же вы пришли? Вечер уже. А патрули? Они повсюду.

— Мне выписали пропуск. Доктор может понадобиться и среди ночи.

— Ах, да, да! — разгладил редкую бородку протоиерей. А у меня... его голос дрогнул и оборвался.

Он встал и заходил, в волнении размахивая руками:

— У меня!... Представляете!... В церковь с винтовками... Нет, вы представляете? В царские врата — сапогами!... Сапожищами! Они перерыли, супостаты проклятые! Прости, Господи! — священник перекрестился трижды, кланяясь на образа. В его глазах заблестели слезы.

Чувство негодования передалось и Валентину. Ему стало жаль протоиерея. Вспомнились свои недавние переживания: арест, лампа над железной дверью, трибунал, склад с кучей трупов.

— Под престол — штыками! Штыка — ами! Представляете? — продолжил возмущаться отец Михаил. Наконец он опустил руки и не в силах говорить дальше умолк.

Гость и хозяин, подавленные тем, что с ними произошло, задумались, каждый о своем.

— Такова природа власти, — желая утешить друга, первым прервал молчание Валентин, — насилие. Не правда ли?

— Зеленый чай есть. Доктор Слоним оставил, — не реагируя на слова гостя, отозвался настоятель и захлопотал у стола.

— Нуте-с, — пригласил он и, повернувшись к иконе Спасителя, висевшей на стене, пропел:

– Очи всех на Тя уповают, Господи, и Ты даеше им пищу во блговремении, отверзаеши Ты свою щедрую руку и исполняеши всякое животное благоволение.

Потом разлил чай по чашкам.

– Природа власти, говорите, дорогой профессор? – переспросил отец Михаил, возвращаясь к вопросу, который, как показалось Валентину, он пропустил мимо ушей.

– Соглашусь. Ни одна власть, даже самая гуманная не обходится без насилия. За неисполнение законов – карает. Люди во все времена страдали от власти и будут. Но что творится вокруг нас? Разве это наказание за

нарушение закона? Это избиение за инакомыслие. Это убийство несогласных!

И добавил, помолчав:

– Зло и мучения нам за грехи наши. Достойное принимаем по делам нашим.

– А не потому ли, что общественный уклад далек от совершенства? – возразил Валентин.

– Уклад? – отец Михаил выделил это слово и собрался что-то ответить, но Ясенецкий опередил его новым вопросом:

– Почему же Господь так устроил наш мир – несовершенным?

– Господь? – в свою очередь спросил священник. И ответил: Нет, нет! Это не Господь!

– Так кто же?

– Мы сами! Понимаете, сами! Потому что вольны выбирать, как нам жить: по велению страстей или по заповедям. Вот и выбираем насилие, а не любовь.

Немного подумав, протоиерей продолжил свою мысль:

– Любви нужно учиться. Всю жизнь. А жестокость в нас с рождения. Господь же отвергает все, что связано с насилием. Помните, как однажды к Нему подошел некто из народа и сказал: «Учитель, скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство». Господь же ответил человеку тому: «Кто поставил меня судить или делить вас?»

Священник процитировал евангельский стих и продолжил развивать свою мысль:

– Господь желал другой власти. Другой! Он желал власти над свободными сердцами, исполненными любви. Но мы выбрали насилие.

– Я, отец Михаил, в последнее время много размышляю о природе власти, – подхватил мысль собеседника Валентин. – Особенно когда наблюдаю раненных красноармейцев. Совершенно оболваненные. Они хотят ограбить богатых и все поделить между собою. По их убеждению в этом и состоит социальная справедливость. Личность совершенно отсутствует. Есть биологические единицы, сложенные в «массу», как говорят их вожди. Просто стадо какое-то, простите за грубость.

– Однако «стадо» убеждено в обратном, что они передовые люди – революционеры общественной жизни, – возразил настоятель и поднял встречный вопрос:

– И где же тут Бог? Христос даровал нам свободную волю. Он не действовал принуждением. И вот результат, – развел руками отец Михаил, – что выбрали люди? Взгляните за окно! Взгляните...

– Да, из свободного выбора сердца исходят и убийства, и ложь, и любовь, – согласился Валентин.

– Зная это, Господь зовет нас очистить сердца от зла, чтобы они стали храмами Духа Святого, ибо «разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас», – опять привел строки из Писания отец Михаил.

– Только очищенные сердца и смогут исправить общественные неустройства, – заключил он. – Только очищенные!

– Да! – согласился профессор.

В раздумьях о противоречивости человеческой природы, о сути добра и зла Валентин ушел домой. Он еще не знал, что совсем скоро одна из противоборствующих сторон этой сути изменит его жизнь совершенно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Сатана летел над миром. В поисках пристанища. В очередной раз. Потому что опять хотел оставаться незамеченным. Узнанный, он тут же сбрасывает личину, боясь потерять силу и начинает поиск новой

плотской оболочки, к которой прикипает так, что без него жизнь человека-донора становится безрадостной и бессмысленной.

У Сатаны нет постоянного имени. Он многолик. Это его форма самосохранения. Способность приспосабливаться породила бесконечный синонимический ряд из слов-оттенков свойств этого аморального духа. Лукавый, Нечистый, Вельзевул, Искуситель, Князь бесовский, Злой ангел, Мефистофель, Воланд, Люцифер, Лживый дук, Князь мира сего – попробуй, распознай в себе ласкового приспособленца, угодливо подающего кубок с наслаждениями. Кубок, который никогда не осушить до дна. Потому, что он все время пополняется и дает новые оттенки радостных ощущений.

В кубке сладчайшее вино, приготовленное для плоти нашей. Вино из зрелых плодов страстей. А плодоносят страсти круглый год – и зимой, и летом – всю человеческую жизнь.

Сатана опустился на крышу дома в небольшом провинциальном городишке и заглянул в окно. В углу маленькой комнаты на кровати спал человек. Он был молод. И у него была мечта.

Человеческая мечтательность – наилегчайшая брань для Сатаны. Нечистый учуял приятный запах жертвы, приземлился и стал разглядывать мечту юноши.

Молодому человеку снился удивительный сон. Он ехал по главной улице столицы мимо красочных зданий и богатых домов в дорогом лимузине, в белом смокинге и таких же белых перчатках. Его приветствовали тысячи горожан. Встречные мужчины с почтением кланялись, а дамы бросали восторженные двусмысленные взгляды, украдкой отправляя воздушные поцелуи. У юноши кружилась голова от любви к себе. Он улыбался. И был счастлив. Лимузин подкатил к роскошному дворцу. На парадной мраморной лестнице сверкал золотой трон, ожидая его, своего хозяина. Юноша ступил на мрамор...

Искуситель подсмотрел сон, рассмеялся и влез в окно. Он осторожно подошел к спящему и мысленно заговорил с ним:

– Хочешь, все деньги мира будут твоими? Тебе станут доступны диковинные заморские яства, как простой черный хлеб. Лучшие

женщины не посмеют отказать, хочешь? Ты будешь царствовать в роскоши и богатстве. Хочешь?

— Я только об этом и мечтаю! — заворочался юноша.

— Чтобы добиться всего этого, — Сатана поднял указательный палец, — нужна власть над людьми. Нечистый произнес это поучительно, как наставник обращается к неразумному новичку, в первый раз севшему за парту.

— Я знаю, — сокрушенно вздохнул юноша. — Но как добиться власти, если я из обедневшей семьи? Нет у меня ни влиятельных родственников, ни денег, ни связей.

— Ни денег, ни связей, — передразнил Сатана, кривясь и гримасничая. — Остается всю жизнь корпеть в захудалой конторе каким-нибудь адвокатишкой? Да? — продолжал иронизировать он.

Юноша обиженно поджал губы. Потом произнес обреченным голосом:

— Я знаю, жизнь моя будет безрадостной и никчемной, как у насекомого. Как у большинства людей. И зачем я только родился?!

— Хочешь, я тебе помогу? — прервал тоскливую речь собеседника Лукавый.

Глаза молодого человека заблестели.

— Поможешь? Каким образом?

— У меня есть волшебное зелье. Стоит его приять и твоя душа наполнится такой силой, такой одержимостью и устремленностью к мечте, что остановить тебя не сможет никто. И ничто: ни страх перед темным правосудием, ни страдания, ни лишения. Днем и ночью, во сне и наяву ты будешь работать ради власти. Ты будешь продвигаться к ней с каждым новым поступком. И даже не побоишься рисковать собственной жизнью. Одержимость на пути к власти станет твоей сущностью. Возможно, ты погибнешь на этом пути, а возможно — нет. И тогда, — Злой Дух снова поднял указательный палец, — власть — твоя! Мечта стает явью! Решай!

— Лучше погибнуть, чем жить, как насекомое, — не раздумывая, выпалил юноша. — Только научи меня скорее, что нужно делать, какие поступки совершать, чтобы добиться власти?

— Обязательно научу. Для этого я и выбрал тебя.

– Почему меня?

– Ты не такой, как все! Ты выше других! Ты умнее! Ты – избранный! Разве сам не чувствуешь этого? – по лику Сатаны скользнула едва заметная усмешка.

– Да, я такой! – тихо, но гордо произнес молодой человек.

– Вот и докажи, что ты не насекомое. Если согласен, начнем приготовления?

– Согласен! – юноша, взволнованный предложением гостя, хотя как можно скорее двинуться к мечте.

– Тогда приступим! – Дьявол взмахнул руками и перед ним появился широкий стол, накрытый коричневой простыней. Под ней угадывались инструменты, наподобие медицинских.

Нечистый скинул простыню. Помимо инструментов на столе оказались стеклянные колбы с какими-то непонятными надписями.

Юноша потянулся к столу, исполненный любопытства:

– Что тут написано?

– Тебе не следует знать! – Дьявол оттолкнул его руку.

– Почему?

– Если ты узнаешь из чего я приготовлю для тебя зелье, оно утратит силу.

Сатана тщательно пересмотрел содержимое стола и выбрал три крупные темные склянки. Он поставил их в ряд и шепотом прочитал название каждой, творя заклинание: *invidia tactus; spiritus patricii gloria ae*. Потом достал шприц, набрал понемногу содержимое каждой из колб.

Юноша смотрел на приготовления, как замороженный, не дыша. Он испугался. Но ожидание чуда, которое вот-вот произойдет, перевернет его жизнь, пересиливало страх.

– Это не больно? – дрожащим голосом спросил он, когда Дьявол закончил приготовления и подошел, держа шприц наготове.

Сатана рассмеялся:

– Это радостно! – проговорил Нечистый. – Сейчас поймешь сам. Закрой глаза и не открывай, пока я не прикажу.

Молодой человек повиновался. Лукавый опустил шприц и уколол своего избранника прямо в сердце. Он ввел часть инъекции, с удо-

помощью наблюдая за пациентом. Затем вынул шприц и повторил то же самое на головном мозгу человека.

Все это время юноша лежал спокойно на кровати в углу комнаты, пребывая в приятных видениях, и ничего не ощущал.

— Открывай глаза! — скомандовал Лукавый.

Юноша поднял веки.

— Все? — спросил он. — А я и не почувствовал ничего.

— А что ты чувствуешь в своем сердце теперь? — в свою очередь заинтересовался Сатана.

— Я чувствую себя окрыленным. В сердце горит нестерпимое желание скорее достичь власти и насладиться ею.

— А какие мысли в твоей голове?

— Я теперь понимаю, для чего живу. Хватит мечтать! Пора действовать!

— Молодец! — похвалил Сатана. — Расскажи, как ты намерен действовать? Что думаешь предпринять для достижения власти? — ироничная улыбка снова скосила его лик.

— Ну — у... наверно... — юноша замялся. Он растерялся, поймав себя на мысли, что не знает ответа на вопрос.

Дьявол расхохотался.

— Ты пойми, одного желания мало. Даже если оно и жжет нестерпимо. Чтобы достичь власти требуются легионы единомышленников, готовых идти за тобой даже на смерть, повинаясь приказу. Они готовы жертвовать собою, прокладывая вождю дорогу к мечте.

— Как же их собрать? — в душе юноши поднялось недоумение.

— И здесь без меня не обойтись, — хохотнул Дьявол. — Я дам тебе Слово, оно таится в моей Книге о природе Добра и Зла в душе человека. Прочитай и ты узнаешь, по каким законам живет и развивается душа. Я — Князь мира сего! Я творю тайны земной жизни. Я дам тебе три убеждения. За тобой пойдут, руководствуясь словом, которое ты произнесешь. Это слово люди назовут — правдой!

Сатана взмахнул рукой в очередной раз. На столе появилась раскрытая коричневая книга.

Юноша протянул руку, взял книгу, стал перелистывать и читать:

– Глава первая: справедливость и несправедливость. Мир людей поделен на богатых и бедных. Богатые нажили состояние грабежом и обманом. Это злые люди. Бедные – честные, добрые и работающие. Они много трудятся и не обманывают ближних. Богатые отбирают плоды труда бедных и пухнут от обжорства. Бедные голодают и тем самым несправедливость...

Дьявол наклонился к юноше и положил лапу на плечо:

– Запомни главное: смысл прочитанного можно пересказывать только безграмотным людям. Простым языком. Так ты найдешь сторонников. Твоя задача организовать их в легионы и вооружить.

Юноша еще полистал Книгу и остановился:

– Глава вторая: устройство души. Ее виды...

Дьявол внимательно следил за своим избранником. Он опередил любопытство молодого человека, запустившего пальцы в страницы главы:

– Изучив этот раздел, ты поймешь, из каких душ делать сторонников, кого остерегаться, а кто лишь рабочий материал на пути к власти. Поймешь также, кто для тебя смертельно опасен.

Лукавый забрал книгу из рук юноши и положил на стол. Затем спросил:

– Ты готов следовать моему учению?

– Да! Я готов!

Тогда нужно решить третий и последний вопрос. Он – главный:

– Разве для достижения власти недостаточно того, что я узнаю из Книги?

– Нет!

– Почему?

– Непобедимое желание власти у тебя есть. Науку о том, как собирать легионеров ты найдешь в Книге. Можно начинать, не правда ли? – прищурился Сатана.

– Ну, да! Я так и думал!

– Тогда ответь на простой вопрос, как быть с людьми, которые уже властвуют, чье место ты собираешься занять? Ты придешь к ним и объявишь: «пожалуйста, уходите вон, я достойней вас?» – Дьявол хохотнул.

Юноша озадачился новым неожиданным поворотом разговора.

— Действительно! Значит, все бесполезно? Да — а? — у самого себя спросил он.

— Нет! — резко возразил Сатана. — Нет! И еще раз — нет! Не — бес — по — лез — но! — по слогам и громко произнес он. — Сделай последний, самый трудный шаг в своей душе на пути к власти и все препятствия будут сметены!

— Какой? — застыл в удивлении и ожидании ответа молодой человек.

— Пойми и согласишься, есть один-единственный способ забрать власть — это убить соперника! — Дьявол сделал паузу, затем глянул в глаза ученику и зашептал:

— Будешь убивать — будешь властвовать! Это одно и то же!

От услышанного юноша оторопел. Холод пробежал у него по спине, вызывая дрожь. Он начинал понимать и осязать природу власти.

— Не бойся! — успокоил Лукавый. — Ты придумаешь много красивых, модных и научных слов, чтобы оправдать убийство. Целые толпы. Ты сумеешь объяснить всем, что твои преступления вовсе не преступления, а борьба за счастье обездоленных.

— Тогда другое дело, — пришел в себя юноша. И признался:

— Я чувствую, как нестерпимая жажда власти толкает меня на этот шаг!

— Значит, ты готов! — улыбнулся обрадованный Сатана. — Мое дело еще никогда не подводило. Итак, наши приготовления закончены! Слушайся отныне своего обновленного сердца и разума, читай Книгу, убивай и обретешь мечту! По рукам?

— По рукам! — ответил обрадованный юноша и пожал протянутую ладуну.

— За все, что я тебе дал, у меня есть просьба. Обещай ее выполнить, — как бы невзначай бросил Нечистый, не выпуская кисть жертвы.

— Обещаю! — юноша смотрел на Нечистого с восторгом. Он готов был ринуться к мечте.

— Когда взойдешь на трон — уничтожай церковь! Это единственное место, где люди смогут спрятаться от нашей с тоб... — Дьявол поперхнулся и поправился, — от твоей власти. И где я ничем не сумею тебе помочь. Помни об этом!

Юноша кивнул головой и... проснулся. Он сел, полный странных ощущений от необычного сновидения. Сон был так похож на явь, что молодой человек слегка ужаснулся, когда почувствовал в сердце и голове легкое покалывание. Впрочем страх был так мимолетен, что не оставил после себя следа в сознании. Он улетучился с первым вздохом.

Юноша встал. Маленький, лысый, несмотря на молодость. Он запел что-то радостное себе под нос, картавя слова. И стал собираться. Сегодня его ждали в революционном подпольном кружке на заводе, где молодой человек вел агитационную работу против правительства. Он повертел в руках шляпу, примеряя ее, глянул в зеркало и недовольный своим видом бросил шляпу на полку. Затем нахлобучил кепку, какую носят рабочие и улыбнулся. Кепка, этот пролетарский штрих в одежде, делала его «своим» среди рабочих.

Юноша пришел в восторг от собственной хитрости. Он сунул под мышку томик «Капитала» на немецком языке и шагнул к двери. Навстречу мечте.

Вдруг он остановился в дверях, словно что-то вспомнил, обернулся и оглядел комнату. На неприметном столике в углу лежала раскрытая коричневая книга. Юноша кинулся к ней, схватил дрожащими пальцами и прочитал:

— Глава вторая: устройство души. Ее виды, — прошептал он и, не веря своим глазам, потрогал буквы.

— Значит, это был не сон! — потрясло его.

Он сел и, забыв про все на свете, стал лихорадочно читать.

* * *

Очередное заседание коллегии ВЧК затянулось далеко за полночь. За окнами Кремля уже брезжил рассвет, а большевики еще не выработали решения, не могли прийти к единому мнению.

Вопрос обсуждался наисерьезнейший – уничтожение на всей территории бывшей царской России и в зарубежье Русской православной церкви.

– Политбюро, товарищи, и лично Владимир Ильич ставят перед нами конкретную задачу – уничтожение религиозного миропонимания. Нужна модернизация сознания народа, – строил общую задачу Феликс Дзержинский. – Мы должны в кратчайшие сроки провести огромную работу по дискредитации и истреблению попов и духовенства. Нужно расчистить площадку в умах людей для коммунистического мировоспитания. Товарищи Троцкий и Ленин прямо указывают на это. Если мы не уничтожим в головах людей бога и не поставим на его место коммунистическую научную систему, объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии, то большевистская власть окажется под угрозой.

– Прямая физическая расправа может отвергнуть людей от советской власти. Слишком сильна вера в бога у народа, – продолжал возражать комиссар Уншлихт, сверкая стеклами пенсне. – Мы уже столкнулись с этим. Вот последние оперативные сводки внутренней агентуры.

Он поднялся из-за стола, порылся в папке и достал заготовленные заранее бумаги. Поправив пенсне, комиссар стал читать:

– Смоленск, Шуя, Ростов – на – Дону, я уже не говорю о Москве и Петрограде – повсюду люди требуют вернуть в школы преподавание Закона Божия. Они против изъятия церковных ценностей и национализации имущества монастырей. В Омске, Тобольске, других городах Сибири красная гвардия разгоняла тысячные демонстрации с поясной оружием. Есть жертвы. И немалые. С обеих сторон.

– Что вы предла – а – гает – те? – перебивая Иосифа Уншлихта, подключился к дискуссии с легким прибалтийским акцентом Яков Петерс, заместитель Дзержинского.

– Прямая атака на церковь сейчас нецелесообразна. Я настаиваю на этом, товарищи! – Уншлихт провел ладонью по тщательно выбритой голове, словно пригладил невидимые волосы.

– Не соглашусь! – на сей раз Уншлихта перебил поднявший Феликс. Он сделал это резким движением, чем заставил оппонента замолчать. Дзержинский закурил и нервно заходил по комнате взад вперед, размахивая рукой с папиросой, словно вычерчивал свою мысль в воздухе.

– Мое мнение: церковь разваливается. Надо помочь ей. И политику церковного развала должны вести мы – ВЧК, а не кто-то другой. Именно чекисты, – подчеркнул он.

– А почему бы нам, советской власти, не привлечь попов на свою сторону? – задал вопрос собравшимся член коллегии Евгений Тучков, молчавший до сих пор.

– Лавировать для разложения поповщины? – ответил вопрос на вопрос Дзержинский. – Ну, нет!

– Именно это я и предлагаю, – голос Тучкова прозвучал настойчиво.

– Разве кто-то не в курсе? – председатель коллегии окинул взглядом подчиненных, – Троцкий уже сформулировал позицию Политбюро. Хочу напомнить его мысль о том, что церковь стоит сейчас лицом к лицу с пролетарской революцией. Какова может быть дальнейшая судьба? Есть два пути: открыто контрреволюционный и – «советский» – на чем настаивает Тучков, – указал на комиссара, зажатой в пальцах папиросой Дзержинский. – Но, товарищи, идеология «советского» духовенства соглашательская. Это приспособленчество. Если «советское» крыло церкви разовьется и укрепит, то она станет для социалистической революции опаснее церкви в нынешнем виде. Ибо принимая покровительственную «советскую» окраску, – Дзержинский выделил слово «советскую», – духовенство откроет себе возможность проникновения в передовые слои трудящихся, которые составляют нашу опору. Такое духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня. Опаснейшего! – снова сделал акцент председатель ВЧК. – Надо сегодня же повалить контрреволюционную часть церковников, в коих рук фактическое управление церковью, – закончил он свою речь.

— Нужна дискредитация духовенства в глазах народа. Гнев народа... Сами знаете... Это развязало бы нам руки..., — Уншлихт посмотрел на Дзержинского и умолк, ожидая ответа.

— А вот это уже мысль, — председатель коллегии притушил папиросу, вдавливая ее в пепельницу, и тут же закурил новую. — Но для сбора компромата нужна агентурная сеть в среде церковников, — констатировал он.

— Причем обширная, — подал голос в поддержку комиссар Беленький. Он все время писал, низко склонившись над столом, вел протокол заседания, по просьбе Дзержинского, который не приглашал на особо секретные совещания стенографисток.

— И так думаю, Феликс Эдмундович, — Беленький выпрямился, — для работы по ликвидации духовенства потребуется специальный отдел? — Беленький поднял безбровое лицо, на его лбу собрались частые морщины.

Дзержинский перестал ходить по кабинету, сел во главе стола и шепнул в кулак свою острую бородку.

— Специальный секретный отдел, — произнес он в раздумье и объявил, — Считаю, да!

— Итак, товарищи, по выработке решения, — снова склонился над столом Беленький. — Феликс Эдмундович, я записываю: пункт первый — создание секретного отдела по борьбе с враждебной деятельностью церковников? — окинул он взглядом членов коллегии.

Собравшиеся зашумели, выражая согласие.

— Осведомители — это хорошо. Но информация лишь половина дела. Нужна вербовка самих священников. Чтобы их же руками... Вот тут, пожалуй, и нужно опереться на согласное стать «советским» духовенство, — продолжил заседание Дзержинский. — Мы должны поставить отдельных попов открыто связать свою судьбу с советской властью. Их поддержка декрета об изъятии церковных ценностей позволит нам довести «советскую» церковь до полного организационного разрыва со старыми церковными иерархами. До собственного нового собора и выборов новой иерархии.

— Правильно!

— Умно!

– Именно так!

Собравшиеся оживились. Удар по церкви изнутри, явно суля победные дивиденды. Создав сеть осведомителей и агентов внутри церкви, возможно было направить ее по пути, какой нужен советской власти.

– Владимир Ильич предложил мне после изъятия ценностей привести десяток-другой показательных расстрелов поповской братии для устрашения. Что вы думаете? – уставшим голосом произнес председатель заседания.

– Это по-революционному!

– Давно пора!

– Ну, вот и хорошо, – Дзержинский пристукнул ладонями по столешнице и поднялся, разминая плечи потягиванием. – Мы уже подготовили список для этой акции.

Он наклонился к тумбе стола и достал красную папку с надписью «совершенно секретно».

– Во – от! – протянул председатель, выбирая нужную бумагу. Митрополит Петроградский Вениамин; архимандрит Сергей Шейн; протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христоф Надеждин; иеромонах

Макарий Телегин. Ну, и еще кое-кто из тех, что особенно сопротивлялись изъятию ценностей, – Дзержинский сунул папку обратно в ящик стола, бросив быстрый взгляд на подчиненных. – Возражений нет?

– Нет!

– Нет!

– Расстрелять!

Члены коллегии подняли руки, единодушно голосуя за резолюцию, предложенную председателем.

За окном Кремля таяла глухая ночь. Горожане, уставшие от революции, голода и нервного перенапряжения, забылись спасительным сном. Но революция бодрствовала. На секретном совещании комиссары готовили программу по истреблению священников. Они рассуждали об этом деловито, напрягая фантазию и воображение. Там, где мясник подходит к разделке будущей жертвы, еще не убиенной, не

же обреченной. Он разделяет тушу сначала в своем воображении, пока точит нож, ставит ведро под кровь и внутренности, которые вот-вот выпустит наружу. Проверяет топор. Одевает халат. Привязывает скотину покрепче. И...

Дзержинский устало зевнул и с хрустом потянулся. Потом с усилием потер щеки, прогоняя сон, и продолжил рассуждать:

— Это будет нашим конкретным ответом на решение Политбюро и ЦИКа партии о том, что мы должны дать решительное и беспощадное сражение духовенству и подавить его сопротивление с такой силой, чтобы они, как сказал товарищ Ленин «не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

— Вот уже конкретная работа для нового отдела, — согласился, зевая, Уншлихт. — Кстати, Феликс Эдмундович, давайте решать, кто возглавит его.

Дзержинский окинул взглядом припухших глаз присутствующих. Взял очередную папиросу, сжал ее в зубах и процедил, прикуривая:

— Я думаю товарищ Тучков. Он уже проводил похожую работу на Урале, в Уфе. Теперь нужно расширить этот опыт в масштабах страны.

Евгений Тучков глянул на председателя уставшими от бессоницы глазами, поднялся из-за стола и вытянулся по стойке «смирно».

— Что скажете, Евгений Александрович? — Дзержинский усталым жестом пригласил Тучкова сесть.

— Если партия считает...

— Хорошо, — остановил его Феликс.

— У нас есть конкретные соображения по работе отдела? — спросил он, прикрывая ладонью зевоту, и потрясая головой.

— Ну — у, думаю, есть, — медленно поднялся новоиспеченный начальник секретного отдела.

— Мы готовы вас выслушать, — председатель ЧК откинулся на спинку стула и дымнул папиросой. — Садитесь! Рассказывайте!

— Как мы делали на Урале, — начал Тучков. — Была сформирована и отдельную организацию группа духовенства, которой совет-

ская власть стала оказывать покровительство. И среди попов началась борьба за власть.

Нужно выявить оппозиционное духовенство и здесь. Провести с ними совещание, объединить недовольных патриархом. Дума при поддержке руководителя московских чекистов Федора Медведя повторить это в столице не составит труда. Надо на совещании через священника, завербованного заранее, побудить церковную оппозицию принять резолюцию о том, что руководители старой церкви заняли антинародную и антигосударственную позицию, и в лице патриарха Тихона по существу призвали верующих к непризнанию советской власти, фактически к мятежу. Спасение же от мятежных попов состоит в том, чтобы немедленно принять практические меры по обновлению церковной иерархии при помощи поместного собора, который должен решить вопрос о судьбе патриаршества, о конституции церкви и ее новом руководстве. Ну, а уж делегатов собора мы подготовим.

Вот так, чекистом по имени Евгений Тучков, был изобретен и озвучен механизм «новой церкви», с помощью которого в скором времени будет создано обновленческое движение в Русской православной церкви по всей стране.

Пройдут годы и, чудом избежавший сталинских репрессий чекист Тучков напишет в своих мемуарах: «До создания обновленческих церковных групп, все управление церковью находилось в руках бывшего патриарха Тихона, а отсюда и тон церкви давался явно в антисоветском духе. Момент изъятия ценностей из церкви послужил как нельзя лучше к образованию противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом и по всей СССР.

До этого времени, как со стороны органов ЧК, так и со стороны нашей партии внимание на церковь обращалось исключительно с информационной целью. Поэтому требовалось, для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом — создать такую осведомительскую сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всей церковью, что нами и было достигнуто...».

Нет там правда, как на ладони, от самого высокого богоборческого начальника тех лет. Правда о том, как большевики атаковали и раскололи церковь.

Первая обновленческая группа, назвавшая себя «живая церковь» была организована в Москве. Она заставила патриарха Тихона передать временное управление церковью в их руки, фактически в руки большевиков. Группа состояла из шести завербованных агентов ЧК: двух архиереев — Антонина и Леонида и из четырех попов — Красницкого, Введенского, Стадника и Калиновского.

С этого времени в противоположность антисоветской политике патриарха Тихона начинается политика в духе «советской церкви». И поголовная

замена старых тихоновских архиереев и видных попов большевистскими сторонниками.

А Евгений Тучков был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Кстати, немного о нашем «изобретателе» живоцерковной интриги. Небольшая биографическая справка. В описываемую пору ему не было и тридцати. Деревенский парень из-под Суздаля, село Галайково. Сирота. Воспитывала его старшая сестра. Это была глубоко религиозная женщина и стремилась также воспитать брата. Ей помогли и приняли Женю в церковно-приходскую четырехлетнюю школу, что по тем временам было немалым образованием. О чем думал мальчик четыре года, изучая Закон Божий, останется навсегда загадкой. Но все, что прилипло к нему из религии, это агентурная кличка «Игумен». Да, вот еще: в Москве глава секретного отдела по борьбе с церковью жил на подворье Серафимо-Дивеевского женского монастыря. Монахини обслуживали его семью: обстирывали, варили, мыли полы.

Сюда Тучков перевез старшую сестру. Маленькая юркая старушонка сдружилась с настоятельницей матушкой Анфией и участвовала во всех монастырских богослужениях.

Странно. И цинично. Не правда ли? Уничтожать церковь и поставить ее себе в услужение. Поистине, душа человека — это бездна, а человек — это ложь! Эти слова, написанные в начале романа, потрясают меня снова и снова!

Матушка Анфия вспоминала о Тучкове: «Он бывалочи нам все таки немало помогал другой раз. То ордер на дрова даст, то, глядишь еще чего... Мы уже ему премного благодарны». И любила добавлять, покивав своей старческой головой: «Нет, ничего, но мушкетер был обходительный. Не какой-нибудь фулюган, спаси его, Господи».

Нам лишь остается вслед за матушкой Анфией повторить «Спаси его, Господи!» А мне просить прощения у Бога за попытку судить людей, что жили в то роковое время. Господи, помилуй. Хочется понять, разобраться в душевном состоянии убийц, возмужавших страну, наводивших ужас на население своим цинизмом.

Возможно ли сделать это до конца? Не знаю...

* * *

Валентин вошел в дом. На шум в передней выглянула горничная Лизавета.

Она уже несколько лет жила в семье профессора в услужении, переехав с его семьей в Ташкент из Переславля-Залесского. Дорогая деревенская дева, Лиза стояла в дверном проеме и всхлипывала как ребенок.

— Валентин Феликсович, Анна Александровна не встают весь день! — горничная кивала на спальную комнату и причитала, прижимая крепкие руки к груди. — Не кушали! Все об вас спрашивали!

Валентин поспешил в комнату жены. Анна лежала с закрытыми глазами и, казалось, спала. Ее хриплое дыхание было тихим частым. Иногда она негромко стонала и тогда судорожно стучала ладонью по краю одеяла.

Осторожно ступая, Валентин подошел к супруге и наклонился, разглядывая ее исхудавшее лицо. Усталость и страдание были в нем. Глубокие морщины прочертили лоб, веки ввалившихся глаз подрагивали. Как изменила ее болезнь за последние месяцы, подумал Валентин. Он вспомнил военный госпиталь в Чите, где познакомился с Анной. Высокая черноглазая сестра милосердия, с обветренными ямочками на щеках. Как мило улыбалась она, когда новый доктор представился ей. Ее улыбка привела Валентина в см...

нение и пленила. Он влюбился сразу. Это была его первая, ставшая единственной, любовь. Кротость и молчаливость девушки долго мешали им сблизиться. Причина замкнутости избранницы вскоре выяснилась. Анна, как большинство образованных людей того времени, мечтала посвятить себя служению избранному делу. Гражданский порыв передовой молодежи захватил и ее восторженное сердце. Но настойчивость молодого доктора, жажда материнства, внушившая в каждой женщине, оказались сильнее. С тех пор прошло шестнадцать счастливейших лет. Появились дети. Казалось, впереди еще много-много безоблачных и радостных дней. Но...

Валентин положил руку на лоб больной. Анна горела.

— Дождалась, — хрипло проговорила она, с трудом открывая глаза.

— Думала, не дождусь, — Анна посмотрела на мужа и попыталась улыбнуться. Вместо ямочек на щеках обозначились две глубокие складки кожи, усилившие выражение страдания.

Валентин потянулся к столику с лекарствами.

— Не нужно, — остановила Анна. — Ничего... не нужно...

— Боюсь... — сквозь кашель проговорила она. В ее голосе прозвучало то пустующее равнодушие, которое заставляло Валентина в последнее время чувствовать слабость в ногах. В эти секунды он был не в силах стоять.

— Я... умираю... — спокойно проговорила Анна.

Внутри у Валентина похолодело. Он попытался что-то возразить, но язык прихотился к небу и перестал слушаться. Ватные ноги уронили профессора на стул.

— Боль... заму... уколи... — новый приступ кашля потопил в хрипите просьбу Анны. Она захлебнулась мокротой, кровь окрасила ее губы, стекая по подбородку.

Но Валентин понял, о чем просит жена. Он вышел в кабинет и вернулся с ампулой морфия и стерилизатором. Приготовил шприц и начал инъекцию.

Через несколько минут супруга ободрилась. Даже изнуряющий кашель поутих. Но хрипота и частое тяжелое дыхание не прекращалось ни на секунду.

Прошло какое-то время. Валентин сидел неподвижно, в состоянии легкого шока и смотрел в одну точку на стене. Тревога, которую он испытывал в

последние месяцы, переросла в чувство катастрофы. Это страшное чувство вдруг выросло до невероятных размеров, сдавив сердце словно обручем. Испуганное сердце колотилось в виски и звенело голове, отсчитывая последние часы жизни любимого человека.

Как нелегко смириться с неизбежностью смерти. Даже доктор Ты знал, ты понимал, ты видел, ждал, цепenea от мысли о скорой кончине близкого человека. Но сердце надеялось на чудо и не хотело смириться. Оно молило и молило Создателя отсрочить роковой час. Так было долгие месяцы. Но пришло время встать лицом к неизбежности и принять ее холодное дыхание, от которого трудно прийти к себе.

— Еще впрысни! — услышал Валентин просьбу жены, сквозь пелену оцепенения.

Он встрепенулся. Анна лежала спокойно и пристально наблюдала за мужем. Она что-то шептала, шевеля губами едва заметно. Казалось, читает мысли супруга вслух. Их взгляды встретились. Анна кивнула головой, словно ответила на вопрос в глазах близкого человека, коснулась его руки, успокаивая поглаживанием.

Такой, непонятный для окружающих, диалог случался между ними и раньше. Их души соприкасались каким-то неведомым образом, передавая друг-другу свои чувства едва заметной улыбкой и движением глаз, мимикой губ, вздохом. Этого оказывалось достаточно для молчаливого взаимопонимания. Кто был влюблен знает о чем я говорю.

После очередной инъекции морфия Анна оживилась. Она захотела сказать что-то очень важное. Заволновалась, собираясь с мыслями, спуталась. По ее щекам потекли слезы. Она размазывала их ладонями, а они все текли и текли.

— Самое лучшее, что случилось со мной в жизни, — проговорила она наконец, — это встреча с тобой. Я ни о чем не жалею. Ты помни меня после... — Анна не закончила фразу, голос дрогнул, ее затрясло на лице и шее выступила испарина.

— Сделай еще укол, — хрипло попросила она, почти крича.

Валентин понимал, что доза уже слишком превышена и продолжать нельзя, но отказать не смел. Он вновь взялся за шприц. С удивлением отмечая про себя, что отравляющего действия морфия не наблюдается.

Неожиданно Анна села:

Позови детей! — громко проговорила она.

Поднятые с теплой постели сонные ребятишки шурились и терли глаза, а младший Валя капризничал. Он не хотел просыпаться и отец держал его на руках.

Анна перекрестила каждого. Не спеша прочитала «Отче Наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое...».

Пое! — смиренно проговорила она, легла на кровать и закрыла глаза.

Анна ни о чем больше не просила и, казалось, погрузилась в сон. Она не открывала глаза и не стонала, лишь стискивала зубы, отчего на ее щеках дергались мускулы.

Валентин сидел подле, опустив плечи и свесив руки. Он сгорбился, как от непосильной ноши. А в дверях спальни, боясь пошевелиться, стояла испуганная Лиза. Она уложила детей и вернулась. И комнате висело тягостное молчание.

Под утро, когда в темных окнах забрезжил рассвет и в дом осторожно пробрался новый день, Анна громко застонала. Ее начало трясти, как в лихорадке. Она извивалась всем телом, вцепившись в вязкие простыни с такой силой, что жилы на высохших руках вздулись от напряжения. Потом резко вытянулась, будто хотела встать и упала, открыв рот, издав отчаянный, похожий на крик, последний стон.

Валентин не помнил сколько просидел у ног умершей жены, боясь ни нее, уже бездыханную. Лицо Анны больше не выражало страдания. Оно застыло, обретя выражение покоя.

Где-то, доктору, смерть приходилось наблюдать ни раз. Но к этой профессии своей профессии он так и сумел привыкнуть.

День давно растворил сумерки и залил дома и улицы солнечным светом. Из больницы пришли операционные сестры, обмыть тело и уложить в гроб. Валентин понял, это побеспокоилась Лиза.

Наконец он поднялся. Поблагодарив женщин, вышел на улицу, побрел по городу без всякой цели. Солнечному городу не было ничего дела до той трагедии, что случилась в семье одиноко бредущего доктора. Смерть давно поселилась на его улицах и стала будничным событием. Валентин остро почувствовал это, как горечь обиды и заплакал. Он поднимал лицо к равнодушному солнцу и закрывал глаза, пытаясь высушить слезы, глубоко вдыхая свежий воздух. Город ощущался пустым и чужим, здания казались незнакомыми и неприветливыми.

— Что я тут делаю? — спрашивал Валентин себя и уносился мыслями в далекий родной Киев, где в юности любил бродить по берегам Днепра, читая любимые места Нового Завета, размышляя о жизни, о смерти, о Боге, о человеческой душе.

Он чувствовал, он был уверен, он знал, что душа его любимой Анны смотрит сейчас с неба. Валентин поднял голову и улыбнулся ей в ответ, роняя слезы, стараясь мысленно дотянуться в неведомый новый мир, куда ушла любимая.

Ему вспомнилась мысль немецкого философа Канта, почерпнутая из недавно прочитанной книги «Грезы духовидца». Мысль, которая укрепила доктора в собственных догадках о вечности души. Кант писал о существовании в окружающем нас мире не только материальных существ, но и нематериальных. Он причислял к ним, например: душу, Бога, ангелов, бесов и прочее. Поэтому человеческую душу в земной жизни следует считать связанной одновременно с двумя мирами, из которых она, пока образует со своим телом одно целое, воспринимает ясно только мир материальный. Но душа неразрывно связана со всеми нематериальными существами духовного мира — Богом, ангелами, бесами, воздействующими на нас определенным образом. Заставляя творить добро или зло.

Душа попеременно пребывает то в одном, то в другом мире и воспринимает от потусторонних существ впечатления, которые не всегда осознает, пока наслаждается материальным.

— Да, именно так! — вслух подумал профессор и опять погрузился в размышления.

Трансцендентальная — потусторонняя — жизнь духа была хорошо известна задолго до Канта. О ней говорили древние индийские мудрецы и греческие философы, особенно александрийской школы: Плотин и Порфирий. В средние века о том же писали Парацельс и Жан Гельмонт, Кампанелла.

Искать мир живых существ, вся природа являются собой закон постепенного и бесконечного развития. И невозможно допустить, что абсолютное совершенство, достигнутое в земной природе — духовность человека — не имеет дальнейшего продолжения и развития за пределами земного мира.

Если людям дан закон: будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный, то должна быть дана и возможность осуществления этой заповеди, то есть возможность бесконечного совершенствования духа. А для этого необходимо бессмертие.

Валентин так глубоко погрузился в эту мысль, что заволновался и растерялся, озираясь, ища взглядом душу любимой женщины. Он почувствовал ее присутствие рядом, ведь как неуничтожима материя и энергия в ее физических формах, так неуничтожима и духовная энергия. Господь Иисус Христос прямо засвидетельствовал о бессмертии человеческого: «Всякий живущий и верующий в меня, не умирает навек».

Неожиданно Валентин оказался у дверей больницы. Он вздрогнул и потянул за ручку, вошел внутрь. Коллеги обступили профессора, произнося соболезнования. Но Валентин не слушал их. Он прошёл в ординаторскую, переоделся в белый халат и приказал готовить очередного больного к операции. Чем немало удивил сослуживцев.

Так в работе, раздумьях о бессмертии материи и духа прошёл день.

Вечером, придя домой, Валентин зажег свечу у гроба жены и принялся читать Псалтырь. И вновь его мысли наполнились созерцанием откровений Божьих. Удивительно, в Псалтыри они начинаются с первого слова: «Блажен муж, который не ходит на совет нечести-

вых, и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет день и ночь!».

Блаженный Августин, почитаемый и католиками, и православными, и лютеранами называл псалмы звездами, освещающими земной путь, а 118-й псалом – солнцем. Он настолько был заворожен его откровением, что долго не мог приступить к толкованию псалма.

Не все понятно нам в псалмочтении сразу. Вот и помогают великие мужи узреть зерно истины. Понимание обязательно приходит со временем. «Открой очи мои, и уразумею чудеса от Закона Твоего», – говорится в одном из псалмов.

Те, кто берет в руки Псалтырь, обязательно найдет слова, обращенные прямо к нему. Это вы почувствуете по внезапным толчкам сердца своего. В этот миг гордый человеческий разум склоняется перед осознанием величия Творца, в человеке просыпается ощущение связи с Высшей силой и он – человек – смиряется перед мощью Творца с благодарностью.

В псалмочтении прошла первая ночь. И вторая. Валентин почти не спал. Он провел очередной день в больнице и выполнил две плановые операции. Но не чувствовал себя выбившимся из сил. Погружение в молитву и беспрестанные размышления о Боге странным образом сглаживали душевные переживания, приводили их в русло ровного течения. Так в половодье река, вышедшая из берегов, затопившая поймы и прибрежные леса, возвращается после буйства волнения к своему всегдашнему тихому бегу.

Этому возвращению к будничному ритму помогли слова Псалтыри, поразившие Валентина тем, что были обращены прямо к нему. Он остановился, пораженный, как громом, впуская в свое раненное горем сердце слова «И неплодную вселяет в дом матерью, радеющую о детях».

Как позже напишет профессор в своих воспоминаниях: «Я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софью Сергеевну Белецкую, о которой я знал только, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разгово-

ваши, относящимися к операции. И однако слова: неплодную всесосет и дом матерью, радеющую о детях, — я без сомнения принял как Божье указание возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их».

Валентин едва дождался утра и пошел к Софье Сергеевне, которая с глубоким волнением выслушала, что случилось над гробом покойной. На вопрос, согласна ли она исполнить Божье повеление, ответила, что ей давно хотелось помочь семье доктора, но сама она не решилась предложить свою помощь.

Так, чудесным образом, управил Господь. Софья Сергеевна долго жила в доме доктора, была второй матерью для его детей, но отношение к ней Валентина было совершенно чистым.

Софья Сергеевна дожила до глубокой старости и умерла в доме младшего сына Валентина.

Пылый юноша стремительно шагнул от двери вглубь комнаты, со страхом и трепетом уставившись на коричневую книгу. «Устройство души...» — открыл и прочитал он, нет, скорее прошептал и вздрогнул оттого, что слышит не свой голос, а голос ночного пришельца, что так любезно беседовал с ним. Сердце заколотилось от волнения. Малодушный человек огляделся, но никого в комнате не было. Вцепившись в книгу обеими руками, он стал читать:

«Добро и зло — это смесь для внутреннего сгорания в человеческой душе. Именно смесь из добра и зла приводит в движение мысли и тело, то есть наполняет внешний мир поступками. Первый такт в работе двигателя внутреннего сгорания — это всасывание рабочей смеси. Два следующие — сдвливание и взрыв, приводящий в движение поршень. И последний — выбрасывание отработанных газов. Итем цикл повторяется снова. И так бесконечное число раз.

Душа человека постоянно познает мир. Она всасывает в себя всю информацию, что поступает из окружающей среды. Это и школьные знания, и воспитание в семье, кино, литература, газеты, и прочее, и прочее.

Информация накапливается, спрессовывается, как бы сдвливаясь в сознании, становясь частью нашей сути, и толкает человека

на поступки. Этот выхлоп, эти поступки результат переработки того, что вобрала душа в себя.

Душа дикая, неразвитая, не задумывается над тем, что выбрасывает во внешнюю среду. Она влюблена в себя и свои достижения. Главное для нее получить удовольствие. По ее мнению она центр мироздания, вокруг которого вертится вселенная. Такая душа легко грабит и убивает все, что находится в пределах ее досягаемости, нисколько не стесняясь своим поведением. Ведь она – главная и все обязаны ей уступать и подчиняться. Человек с такой душой считает эгоизм плохим качеством и поэтому откровенно пользуется им без всякого стыда. Его установка – любовь к себе.

Чуть более развитая душа начинает задумываться о том, что она выдает во внешний мир? И уже тяготится в некоторой степени своим эгоизмом. Начинает ощущать эгоизм как зло и стесняется пользоваться им публично, то есть грабить и убивать там, где это могут увидеть и осудить. Но втайне, чтобы получать желаемые блага и удовольствия все больше и больше, продолжает заниматься этим все время своего существования.

Эта душа прячется за ширму морали и нравственности. И умывается своей хитрости, называя ее «умением жить». Возводит это умение в ранг талантливости.

Постоянная раздвоенность – обычное состояние такой души.

Если она ищет выход из состояния раздвоенности, то поднимается на более высокую ступень совершенствования.

Более высокая степень заключается в том, что человек начинает ощущать собственный эгоизм как мерзость. Наступает прозрение, внутренне созерцание своего порока. Человек больше не может терпеть в себе эгоизм. Он борется и отталкивает его от себя. Он не хочет получать блага и удовольствия за счет унижения и истребления других. Он понимает, что желание «получать» необуздано и развивается в душе настолько, что выходит за рамки потребностей, необходимых для существования, превращаясь в безудержную погоню за властью, славой и богатством. Эта погоня заставляет относиться к окружающим с желанием нанести им вред, подвергнуть эксплуатации, использовать, подавить, насладиться горем и страданием себя

полюбовных. Человек, погруженный в собственный эгоизм, ненавидит
людей и всеми силами мешает им раскрыться...»

Юноша читал, затаив дыхание. Перед ним раскрывалась умозри-
тельная картина человеческой природы. Познать ее, значит получить
власть над управлением людьми.

Пот оно! Вот! То, что мне нужно! Архиважно! – волновался он,
читая прочитанное, как голодный хищник долгожданную добычу –
кусками, не пережевывая, давясь. Потому что получил, наконец, то,
что так долго искал – ключи от власти над людскими душами.

Очередное совещание коллегии ВЧК было экстренным и потому
коротким. Едва комиссары расселись за столом, покрытым зеленым
сукном, как Дзержинский приступил к сути дела:

Сегодня, товарищи, получена шифrogramма из Ташкента. В
городе мятеж. Убит Фоменко. Расстреляны члены ЦИКа и Совнар-
кома. Ишеть временно удерживает ревтрибунал из рабочих желез-
нодорожных мастерских. Мы должны срочно отправить в Туркестан
раннего сотрудника, наделив его особыми полномочиями. Необхо-
димо оказать помощь товарищам в Ташкенте.

Владимир Ильич уже знает о мятеже? – тревожным голосом
спросил комиссар Гольдштейн.

Да, – утвердительно произнес Дзержинский. И добавил:

Ленин предложил кандидатуру Петерса. Яков Христофоро-
вич, – повернулся он к мужчине с широким овальным лицом и
густой непослушной шевелюрой, приглаженной кое-как набок.

Он поднялся над столом. Высокий, грузный. Коверкая русские
слова на латышский манер, растягивая произношение гласных, про-
изнес:

Есть! Това – а – рищ председа – а – тель!

Ишь! Готовим спецэшелон! – закончил совещание Дзержинский.

Через два дня, получив необходимый мандат, в котором предпи-
сывается всем органам ЧК и представителям советской власти ока-
зывать всяческое содействие, Яков Петерс отправлялся в Ташкент.

Его сопровождали несколько проверенных в деле чекистов, вооруженных каждый двумя револьверами и гранатами, и две роты стрелкового полка кремлевской охраны. Кроме того на платформе установили четыре орудия. Погрузили еще автомобиль с запасом горючего почти на тысячу верст.

Путешествие предстояло долгое и опасное. Железнодорожное сообщение было расстроено. На южном Урале бесчинствовали Оренбургские казаки, остатки разгромленной армии Дутова. А на побережье Каспия орудовали басмачи.

Однако в богатой биографии Петерса бывали путешествия посерьезней. Еще в юные годы, когда Екубу Петерсу едва минуло восемнадцать, он вступил в террористическую группу «Лиесма Пламя». Шел 1904 год и сын батрака из Газенпотского уезда Курляндской губернии, несмотря на молодость, всю участвовал в революционных разбоях и грабежах.

Бандитские вылазки «Лиесмы» были замечены в соседних с Курляндской губерниях – Псковской и Витебской. Налетчики грабили мужиков в деревнях, насиловали женщин и долгое время удачно уходили от правосудия. Уже тогда партия большевиков помогала «Лиесме» оружием и документами, вырашая из дерзких молодчиков будущих «латышских стрелков». И не ошиблась, как показала первая и, особенно, вторая русская революция.

Был за плечами Петерса и тюремный опыт. В первый раз он упал за решетку в марте 1917 года. Как сообщал начальник жандармского управления Курляндской губернии в департамент юстиции «Суд приговорил Екуба Кристопова Петерса к семимесячному тюремному заключению за кражу».

Дорога до Оренбурга обещала быть спокойной. А вот после, по бескрайней пустыне киргизского края, где почти нет станций. В безмолвном и безжизненном пространстве степи помощи ждать неоткуда. Поэтому несмотря на масштабные меры предосторожности Петерс чувствовал себя неудобно. Он не был труслив. Наоборот, о его дерзости в годы революции ходили легенды. Но сейчас он был на вершине власти, в партийной элите. В его руках лежала возведенная власть, которой мог позавидовать любой восточный тиранин.

власть казнить и миловать без суда, по одному лишь желанию. Такое превосходство над людьми пьянило голову молодого честолюбца, еще не прожившего и тридцати пяти лет. Ему чудилось, что пережить судьбы — его призвание. Он воображал себя героем латышского народного эпоса — Лачплесисом, — разрывающим медведя.

Впереди виделась вечность — в славе и власти. Именно поэтому сейчас больше всего не хотелось умереть от случайной пули.

Петерс немного успокоился, когда в штабной вагон установили четыре пулемета «Максим», по два на каждую сторону железнодорожного полотна.

— Это вам не Сидней-стритт, — похлопал он широкой ладонью ствол одного из пулеметов. Петерс развеселился, неожиданно для себя, чем удивил подчиненных.

Никто из красноармейцев не понял слов комиссара. А переспрашивать побоялись. Уж больно грозен и непредсказуем был их начальник.

А между прочим «Сидней-стритт» была особой страницей его биографии.

После первой попытки государственного переворота в России в 1905 году жандармское управление активно разыскивало «романтика революции» из банды «Пламя». Покушение на жизнь директора шведа в Газенпоте, которое к счастью для последнего закончилось неудачей, было тому причиной. Спасаясь от правосудия, Петерс бежал за границу, сначала в Гамбург, а потом в Лондон, где у большевиков был свой влиятельный человек Федор Ротштейн, агент английской разведки, курировавший работу с русскими революционерами. Он-то и взял под опеку анархиста-боевика. К тому времени в Лондоне собралась целая группа из союза «Пламя», левого крыла латышского отделения РСДРП. Здесь Петерс встретил двоюродного брата Фрица Сваареса, с которым промышлял разбоем ранее. Вскоре у них родилась идея ограбления ювелирной лавки. Оба не привыкли к отсутствию денег. Очутившись в Лондоне, они почувствовали безденежье особенно остро. Но оба знали один-единственный способ жить достойно — ограбить кого-нибудь богатого.

Вся идеология революционеров, начиная от народовольцев девятнадцатого века и кончая большевизмом двадцатого, пришедшим-таки к власти, строилась на этом краеугольном камне житейской философии – грабь награбленное. Ненависть к тем, кто богаче, удивительная по твердости уверенность, что нажитое людьми приобретено несправедливым путем, проще говоря – наворовано, – развязывала руки и служила оправданием для гнева «угнетенных» эксплуататорами простых людей, их самым жестоким деянием.

Получив однажды такую инъекцию марксизма в мозг и сердце, сын батрака или рабочего попадал в болезненную зависимость от «гнева праведного». В душе рождалась иллюзия, что открыт закон справедливого общественного мироустройства. Осознание багряными «чудовищной несправедливости» оставалось довести до кипения и вложить в их руки винтовки, чтобы сделать мир «справедливым».

Воистину – неграмотный человек – тряпка в руках любого образованного проходимца, как сказал один из вождей революции Лев Троцкий. О, товарищ знал людей!

Все должны жить одинаково! Вот самый краткий синопсис марксизма-ленинизма.

Только одно осталось загадкой в этом учении: почему одинаково должны жить тот, кто блестяще закончил университет и сделал научное открытие, двинувшее цивилизацию вперед и тот, кто с детства сбегал с уроков приходской школы, чтобы покурить за сараем, загигиваясь с матом едким дымком? Ведь все, чему такой радетель за справедливость из-под ремня научился к восемнадцати годам – это с трудом складывать буквы и прибавлять односложные цифры.

На первую часть философии «справедливости» оказалось возможным купить миллионы безграмотных, вторая же благополучно пребывала под спудом.

* * *

16 декабря 1910 года на небогатой окраине Лондона старый ювелир-еврей услышал за стеной своей лавки подозрительный шум.

Кто-то долбил стену, осторожно, но настойчиво. Старик приложил ухо и услышал, как в смежной комнате падают куски штукатурки и кирпича. Встревоженный он позвонил в полицию.

Дежурный сержант Бентли во главе четырех констеблей прибыл на вызов. Полицейские постучали в дверь соседней квартиры. Дверь открыл крупный мужчина с густой, торчащей набок, шевелюрой, неподобья уставившийся на гостей.

— Сержант Бентли, скотланд-ярд, — отрекомендовался полицейский, — нам необходимо осмотреть помещение, сэр.

Хозяин квартиры ответил что-то на ломаном иностранном языке. «Русский», — понял Бентли и стал, жестикулируя, подбирать слова, чтобы объяснить цель визита.

Иностранец сделал жест рукой, приглашая столпившихся в передней полицейских подождать, и быстро ушел во внутреннюю комнату. «За переводчиком», — подумал Бентли.

Но едва иностранец скрылся, как из темноты коридора на полицейских обрушился град пуль. Трое были убиты сразу, двое упали тяжело раненные.

Все произошло за считанные секунды. Бандиты скрылись.

Это чудовищное по наглости преступление против полиции привлекло внимание английского парламента. На поиски преступников были брошены лучшие силы скотланд-ярда.

Дело взял под личный контроль министр внутренних дел Уинстон Черчилль.

Через две недели, проводя рейды по городу, полиция получила сигнал от агентуры, что подозреваемый и его сообщники скрываются в доме 100 на Сидней-стритт.

Полиция бросила на задержание преступников огромные силы. Ночью были эвакуированы жители близлежащих домов. Более двухсот констеблей оцепили квартал. Рано утром началась «Осада на Сидней-стритт», как назовут ее досужие репортеры «Дейли телеграф».

На предложение сдаться боевики «Лиесмы» ответили огнем из минометов. Пули рикошетили от булыжной мостовой и разбивали витрины магазинов.

Двинувшиеся было на штурм, полицейские отступили и укрылись, унося десятки раненных стражей правопорядка.

Несколько часов латышские стрелки противостояли лондонской полиции, бессильной перед дерзостью человеческого духа, вскормленного ненавистью к государству процветающих богачей. «Торжество личности над государством» – так охарактеризовал суть терроризма его идеолог Валентин Плеханов. Смертельный фейерверк этого торжества наблюдал испуганный Лондон.

На место трагедии прибыл лично Уинстон Черчилль. Он привлек к операции шотландскую гвардию и батарею артиллерийского дивизиона из казарм Святого Джона Вуда.

Тысячи зевак запрудили близлежащие улицы. Не было никакой возможности разогнать толпу.

А бой все продолжался. После нескольких выстрелов из гаубицы загорелись верхние этажи дома, где укрылись латыши.

Попытка очередного штурма горящего дома не принесла успеха. Неся потери, гвардейцы и полиция отошли. Пожар разгорался, опускаясь вниз. Внезапно один из анархистов высунул голову из окна. Десятки ружей и пистолетов захлопали враз и человек упал внутри дома.

Только когда дом полностью выгорел полицейские осторожно вошли внутрь, найдя там два обгорелых тела. Петерсу и еще двум террористам удалось чудом выбраться из пламени и скрыться.

Позже, выступая с проектом нового билля, направленного против «подозрительных иностранцев», Черчилль подчеркнет: «Мы подражаем людям, не имеющих представления о мирных заведениях нашей страны, людей, прибывающих из стран, где убийства часты, где каждый полицейский признается врагом, а каждое учреждение – тиранией и где грабеж окружен романтическим ореолом».

Какую точную характеристику дал Черчилль ментальности русских революционеров.

* * *

Протоиерей Михаил и доктор Войно-Ясенецкий виделись теперь чисто. Как только выпадало время свободное от больничного дежурства, Валентин спешил на привокзальную площадь к благочинному Михаилу Андрееву в Преображенскую церковь. Здесь волею судьбы образовалось церковное братство. Отстраненные от дел чекистами риди «новых церковников» служители храма Александра Невского и Свято-Успенского собора находили утешение и пристанище в стенах небольшой железнодорожной церковки. Сюда на встречу с опальными пастырями приходили немногие интеллигенты города, уцелевшие после зачистки. Среди них был и Валентин.

Следом за опальными священниками в железнодорожную церковь стали перебираться и прихожане «обновленных» храмов. Они с отвращением рассказывали о новых попах с бритыми лицами, их призывных проповедях помогать советской власти строить первое в мире «справедливое» общество.

Чувства верующих переполняла тревога за дальнейшую судьбу церкви. Глумление и расправа над священниками за отказ сотрудничать рождали страх. Опасность смертной казни за непослушание ощущалась настолько реально, что некоторые служители не выдерживали и отказывались от сана. Каждый такой случай вызывал бурное обсуждение в Преображенской церкви. И не было среди присутствующих человека, который не задавался внутренним вопросом: как жить в это страшное время, что делать, если меч зависнет над тобой?

На одном из диспутов Валентин высказал свою точку зрения на происходящее.

— Господа, — обратился он к собравшимся, — сводить проблему борьбы в России с религией к политике, значит не понимать ее сущности. Это было бы также привратно, как великую борьбу христианства с язычеством изображать как какое-то политическое или социальное столкновение.

Кто-то попытался возразить, но Валентин настойчиво подчеркнул свою мысль.

— Советская власть и борьба против религии и церкви ни есть политика, господа! Борьба идет между безбожием воинствующим и

основой подлинной веры в Бога! Эта борьба зиждется на хамском использовании ветхо-заветной наивности людей, позволяющей беззастенчивые надругательства над тончайшей христианской мистикой. И все это, обратите внимание, прикрито «научностью» их коммунизма.

— Вот вам и чистейший политический прагматизм новой власти, дорогой Валентин Феликсович! Вы противоречите сами себе, милостивый государь! — попытался вступить в спор тот же нетерпеливый голос.

— Погодите, я еще не высказал свою аргументацию до конца, — обратился Валентин к человеку в мундире со срезанными знаками различия. Но бывшего губернского секретаря управы присутствующие отлично знали.

Слушатели зааплодировали, требуя продолжения речи.

— Повторюсь, — вернулся профессор к своей мысли, — советская власть и борьба против религии ни есть политика. Это столкновение двух тектонических плит миропонимания в глубинах человеческой души. Вдоль горизонта их страшного разлома все крошится и гибнет, Кто победит зависит от сил напора и сил сопротивления. Сопротивления! Понимаете? Сопротивления! — Валентин повысил голос на этих последних словах.

— Нас просто перестреляют! И все! — послышалось сквозь аплодисменты, — Что мы можем? Признание обновленчества единственный выход из этого кошмара, в котором мы тонем!

Валентин разглядел нового оппонента. Это был седовласый, полного телосложения протоиерей храма Александра Невского. Он поднялся, обращаясь больше к присутствующему на собрании епископу Иннокентию, и начал нервно жестикулировать, чтобы привлечь внимание к своим словам.

Владыко сидел молчаливый и задумчивый. Он слушал и не принимал участия в дискуссии. Епископ жил предстоящим ему испытанием. Местная власть в лице антирелигиозного комитета ЧК решила устроить архиерею аттестацию на соответствие занимаемой должности. Через два дня, тут же, на подворье Преображенской церкви

готовилось многолюдное собрание. На него свозили, по приказу чекистов, делегатов со всей епархии.

Смелая речь Валентина отвлекла архиерея от тягостных размышлений. Он внимательно посмотрел на профессора. Тот продолжал:

— Для тех, кто хотел бы вдуматься в проблему положения русской церкви в дни ее тяжчайших испытаний я хочу прочесть слова знаменитого христианского апологета третьего века Тертулмана о «бегствах преследуемых христиан».

Профессор раскрыл принесенную с собой книгу:

— Вот что писал Тертулман: многие, оставляя в стороне Божественные увещания, охотнее применяют к себе известное светское изречение, гласящее: кто спасается бегством, может вновь сражаться. Да, но он, по всей вероятности, снова побежит. И когда же и как он победит, раз уже побежден тем, что бежал? Неужели добрым воином своего вождя Христа окажется тот, кто вполне снаряженный апостолами, услышав трубный глас преследований, побежал с поля борьбы? И я, ссылаясь на светских писателей, скажу вам: разве столь позорно умереть? Умереть придется во всяком случае либо в качестве побежденного, либо в качестве победителя. Мне милее человек, которого я должен оплакивать, чем человек, которого я должен стыдиться. Падающий на поле брани прекраснее спасающегося бегством. Ты боишься человека, ты, христианин, которого должны бояться ангелы, ибо ты их будешь судить; которого должны бояться демоны, ибо ты получил власть над ними; тебя должен бояться весь мир. Ибо в тебе будет судим весь мир. Ты во Христа облекся, ибо во Христе крестился. Если ты бежал от дьявола, то значит, ты принизил Христа, который в тебе. Если же ты бежишь от Господа, то этим облекаешь тщету своего намерения перед всеми беглецами. Бежал некогда от Господа гордый пророк, который переправился из Иопии в Фарсис, поставив между собой и Господом море. Но обрел он Господа не на море и не на земле, а в утробе зверя, где в течение трех дней не мог умереть. И даже там, значит, он не мог уйти от Бога. Насколько лучше поступает раб Божий, который, хотя ему и грозит враг Господа, не бежит от этого врага, но, наоборот, презирает его, полагаясь на помощь Божию. И, исполненный страха Божия, тем

более пребывает перед очами Его, говоря: «Се Господь; Он могуч, все принадлежит Ему, где бы я ни был, я в руках Его, да будет воля Его. Я не отступлю и, если Он захочет меня погубить, пусть Сам меня погубит, в то время, как я буду блюсти себя для Него. Я предпочитаю погибнуть по воле Его, чем разгневать Его самовольным спасением».

Валентин закончил чтение. Он захлопнул книгу, снял очки и не проронил больше ни слова. Присутствующие молчали, затаив дыхание. Услышанное взволновало всех. Люди задумались, каждый о своей судьбе.

Пройдет время и слова Тертулмана странным мистическим образом скажутся на судьбе Валентина. Также они окажутся пророческими и для владыки Иннокентия. Но об этом чуть позже.

* * *

Расходились нехотя, в дверях церкви Валентин столкнулся с владыкой Иннокентием. Тот взял доктора под руку и повел на улицу. Стоял жаркий ташкентский вечер. Солнце клонилось к закату. Профессор и пастырь обходили вокруг храма, и епископ горячо жаловался доктору о тех глумлениях над церковью, которые большевики устраивали по всей российской земле. Он взволнованно говорил о случаях, когда закрытие храмов сопровождалось погромами кладбищ и памятников, а церкви превращали в склады и клубы. Об этом с восторгом писала газета воинствующих безбожников, выходившая еженедельно в Москве. Экземпляр такой газеты Иннокентий держал в руке и потрясал им. С опозданием издание попадало в руки владыки и события, описываемые в нем, повергали архипастыря в уныние.

Так Иннокентий сообщил о погромах в Борисоглебске, Кирсанове, Лебедяни, где под бой барабанов и пение интернационала сжигали иконы. А в Козлове, фейерверк, обдавший искрами купола, привел к пожару. Испуганные люди выбегали из церкви, а комсомольцы смеялись над ними. Они плясали и пели матерные частушки.

В Липецке в театре был поставлен спектакль «Три Иисусса», высмеивающий непорочное зачатие.

Комсомол неистовствовал особенно. Для высмеивания религии, по всем российским городам проводились «комсомольские пасхи» и «комсомольское рождество». Молодежь устраивала шествия и демонстрации, похожие на крестные ходы, но вместо икон несла портреты вождей большевизма — «иконы» своих новых богов.

Большевики даже поменяли орфографию для таких слов, как «бездельный», «бездельный», «бездельный», «бездельный», «бездельный» и повелели писать их с буквой «с». Получились слова, прославляющие беса: «бес — полезный», «бес — ценный», «бес — славный».

Валентин слушал встревоженного епископа, не перебивая. Он лишь изредка останавливался и кивал головой, соглашаясь с говорившим. И вновь их прогулка продолжалась вокруг церкви по раскаленным за день камням, которыми был вымощен двор. Тепло от камней ощущалось сквозь подошву обуви. Оно, как показалось Валентину, жгло ноги, будто бы под землей закипал страшный огонь. Пламя рвалось наружу, готовое сжечь и испепелить все вокруг: церковь и людей, столпившихся у ее ворот.

— Так и будет, если не погасить пламя, — подумал вслух Валентин, — либо надо отойти от церкви подальше, в безопасное место.

— Что? — переспросил владыко, не понимая о чем мысли спутника.

Профессор поделился картиной своего воображения. Епископ взял доктора за рукав:

— После того, что я сегодня услышал из ваших уст, я, дорогой доктор, не верю, что вы сможете отойти от церкви.

Архипастырь остановился:

— Ваши выступления я слушаю ни в первый раз. Они похожи на проповеди.

И добавил:

— Обратили внимание, как трогают людей ваши слова?

Валентин смущенно улыбнулся:

— Просто я не могу молчать при виде издевательств над нашей верой.

— Да, да! Я вижу!

Владыко вдруг заговорил громко, на одном дыхании, стискивая руку Валентина, и глядя ему в глаза. Он будто бы произносил очень важные давно найденные слова:

— Послушайте, доктор, вам надо быть священником!

Наступило молчание. Епископ не отпускал руку профессора. Он ждал ответа.

От неожиданности Валентин застыл на месте. Сердце учащенно забилось. Он вдруг представил себя, стоящим на амвоне перед толпой прихожан, произносящим проповедь и почувствовал трепет, какого раньше не испытывал. Читая лекции перед студентами фельдшерских курсов, Валентин сознавал, что делает то, к чему призван. А здесь?! Профессор лихорадочно пытался разобраться в том смятении, что внезапно овладело им. Он прислушивался к себе. Неведомое чувство удивительной радости переполняло его душу и влекло, обещая соприкосновение с родственными душами людей, идущих к Богу, но побиваемых за это. Людей растерянных, испугавшихся, остановившихся, озирающихся вокруг в поисках помощи.

— Если так угодно Богу, я буду священником, — ответил Валентин, неожиданно для самого себя, подчиняясь зову этой неведомой ранее радости. Будто кто-то внутри него произнес эти слова.

— Вот и славно! — Иннокентий осенил доктора крестным знаменем и обнял.

Растроганный таким неожиданным поворотом в своей жизни Валентин тут же сделал признание:

— В моем доме живет женщина, которую я ввел в семью матерью, радеющею о детях.

И рассказал о чудесном повелении Божьем в трагический час его личной жизни.

Епископ выслушал рассказ доктора и ответил:

— Я не сомневаюсь, Валентин Феликсович, в вашей верности седьмой заповеди.

Так закончился разговор, перевернувший жизнь главного врача Ташкентской городской больницы.

Уже в ближайшее воскресенье при чтении часов доктор вышел в подряснике к архиерею, стоявшему на кафедре, сопровождаемый двумя дьяконами и был посвящен в чин чтеца, певца и иподиакона. А во время литургии — в сан диакона.

Через неделю после посвящения в диакона, Валентин был рукоположен во иерея. Иннокентий назначил его четвертым священником собора Сергия Радонежского и поручил дело проповеди.

— Ваше дело не крестити, а благовестити, — напутствовал он.

Слова владыки оказались пророческими. Именно проповедь, исповедание имени Христова стали оружием в многолетней борьбе нового исповедника с разнузданным безбожием пролетарской власти.

На эту борьбу Валентин вышел по доброй воле, с благословения преосвященного Иннокентия. Он вышел на поле сражения как подбает воину Христа — с пламенем веры в сердце, покрытый броней церковного облачения. Избранник чувствовал себя в нем, как древний воин, защищенный доспехами. Воин стоял лицом к врагу, глядя ему прямо в глаза, не отводя взора, предпочитая пасть, но не бежать.

* * *

Голод на Волге гнал в Туркестан массы народа. Люди вповалку лежали на Ташкентском вокзале, оборванные, заросшие, покрытые вшами. Из переполненного сверх всякой меры сыпнотифозного барака городской больницы, ежедневно отъезжала телега, груженная голыми трупами.

А люди все пребывали и пребывали. Перед потоком страдальцев у врачей опускались руки.

Власти же не обращали на это внимания. Они были заняты куда более масштабной задачей, чем борьба с эпидемией и голодом. По всему Туркестану разыскивались и вылавливались те, кто имел отношение к прежнему строю: крупные чиновники царской администрации, депутаты городской Думы, офицеры, купцы и промышленники. «Бывших» расстреливали без суда. Для них не было оправданий, ни снисхождения, ни места в новой «справедливой» жизни.

Кроме того вслед за Россией начинался разгром церкви на окраинах бывшей царской империи. Несла большие потери и Туркестанская епархия. Были закрыты храм Александра Невского на Боткинском кладбище, храм святого равноапостольного великого князя Владимира. Стояла заколоченной, с выбитыми стеклами домовая церковь при Учительской семинарии, построенная по проекту великого архитектора Алексея Бенуа.

Под хохот пьяных чекистов красноармейцы вытаскивали и выбрасывали на улицу послушниц Свято-Никольской женской обители, осыпая их двусмысленными скабрёзностями и матом. Обитель славилась своей иконописной мастерской и школой для девочек. Последняя игуменья Лидия Нагорнова была сослана в Ашхабад в тюрьму.

В монастырь завезли металлические решетки, колючую проволоку и оборудовали бараки для заключенных.

Похожая участь постигла и мужской Свято-Троицкий монастырь.

Опустели обе гимназические, Госпитальная, Иосифо-Георгиевская, преподобного Сергия Радонежского, тюремная церкви.

Оставались в строю лишь Успенский кафедральный собор, да привокзальная Благовещенская церковь, которую много лет спустя все-таки снесут, согнав предварительно сотни агентов НКВД в штатском для охраны этого варварского действия.

Но ни закрытие храмов, ни изгнание на улицу монахов и монахинь несло самую страшную беду, а предательство тех священнослужителей, которые перешли на службу к большевикам. Захват церковной власти при помощи чекистов, уничтожение старой церковной администрации и следом за этим выдвижение себя в иерархи вело православную церковь к развалу. Такого катастрофического предательства, гонений, диких зверств и цинизма русское православие еще не испытывало за всю тысячелетнюю историю.

В этой обстановке, рискуя жизнью, настоятель железнодорожной церкви Михаил Андреев и иерей Кафедрального собора, недавний прихожанин, профессор медицины Валентин Войно-Ясенецкий решили бороться и спасти остатки разбитой Туркестанской епархии. Со стороны это казалось безумием, настолько смелым было решение

двух христиан-интеллигентов «бороться». В обстановке, где любое сопротивление каралось беспощадно. Против системы, настроенной убивать людей по малейшему поводу. Против власти, опиравшейся на штыки, диктатуру и повальный террор. Против людей еще ничего не сделавших ни в экономике, ни в здравоохранении, ни в образовании, но уже создавших самую мощную в Европе (да и в Азии) тайную карательную полицию — ЧК.

«Чрезвычайка» разрасталась день ото дня, как раковая опухоль на больном теле России. Вербовались тысячи агентов, десятки тысяч осведомителей; слежка, доносы, создание секретной лаборатории по производству ядов, ревтрибунал «тройка», покушения, сбор компромата, шантаж — все это появилось в одночасье в арсенале Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

И вдруг кто-то решил «бороться». Безумие! Или отчаянный, осознанный шаг навстречу презируемому врагу? Как последний оставшийся в окопах солдат, среди окровавленных тел сотоварищей, вдруг поднимается во весь рост и идет в атаку, отбросив самое желание жить побежденным, так двое христиан вышли на смертельного врага. Но не с винтовкой или гранатой. Образованный верующий человек имеет гораздо более грозное оружие — СЛОВО Божие! Искусно владея им можно сокрушить легионы врага, расстроить их сознание, вселить сомнение и неуверенность, заставить по-иному взглянуть на то, что творишь в слепоте своей. Задуматься, кто ты есть на самом деле перед Богом и людьми?

Как их далекие древние собратья по вере, первые христиане, которых не могли утратить пасти львов на арене Колизея, два ташкентских пастыря, обнажив перед врагом, разящее как бритва Слово Божие, вышли на бранное поле.

Для Валентина все началось с малого и, быть может, наивного поступка-протеста. В один из дней он пришел больницу раньше обычного. Доктор принес с собой небольшой деревянный ящичек, в котором что-то постукивало при ходьбе. Быстро переодевшись, профессор вошел в операционную и вскоре оттуда раздались удары молотка. Стук слышался недолго, но успел озадачить дежурную

фельдшерицу. Ее раззадорило любопытство. Из процедурной высунулось кругленькое губастое личико с изогнутыми бровями.

— Валентин Феликсович, — окликнула она. — Это вы? — И не дожидаясь ответа, прошагала в операционную, гремя каблуками.

— А — а?.. — На губах фельдшерицы застрял испуганный вопрос. Она громким шепотом осторожно выпустила его в пространство операционной:

— Что вы делаете? Вас расстреляют!

Валентин заулыбался в ответ так задорно, что его черная борода расплзлась в стороны и стала раза в два шире.

— Вот, — указал он на стену и перекрестился, — теперь так. Привыкайте.

Фельдшерица подошла к стене и, озираясь, тоже перекрестилась. Перед ней висела икона Казанской Божьей Матери.

Через несколько дней о «чуждачества» главного хирурга узнали в ЧК. Нашлась-таки сердобольная душа, услужливо выполнившая свой «долг».

Нагрянула комиссия. Чекисты в сопровождении работников нарком здравотдела и агитпропа ввалились в операционную, не церемонясь, несмотря на возмущенное требование сестер не нарушать норм гигиены.

— Што эт-та? — ткнул пальцем в стену новый начальник ЧК Туркестанского края Яков Петерс.

— Казанская Богоматерь, — спокойно ответил Валентин, глядя в налившиеся глаза комиссара.

— Я тебя не спрашиваю, чья-а мат —терь! — зашипел Петерс и лицо его побагровело. — Церковь от-делена от гос-сударства. Тебе наша власть — не указ? — громыхал он.

— Нет, не указ! — профессор смотрел в глаза чекиста, прищурившись, словно смеялся над чекистом. — У нас свобода вероисповедания.

— Вот исповед-дайся дома! — гаркнул комиссар.

— Немедленно убрать! — заорал он и, приблизившись к профессору, прошипел сквозь зубы:

— Я еще ра-азберусь с тобой, тварь!

— Извольте вести себя подобающим образом! — повысил голос доктор, — или вместе с иконой убирайте отсюда и меня!

Он был холоден. Его спокойствие обнаруживало внутреннюю силу говорившего.

— Нат- да будем — уберем! Пожалеешь, та поздно бут-дет! пригрозил чекист и, сорвав икону, бросил ее под ноги.

Валентин снял белый врачебный халат и заявил во всеуслышание:

— Вместе с иконой ухожу отсюда и я!

Он вышел в больничный коридор и направился к выходу.

— А нук-ка вернись! — заорал вослед Петерс.

Присутствующие вздрогнули и застыли, ожидая, что произойдет дальше.

Но окрик грозного начальника, срабатывавший, как молот по наковальне, давя в лепешку волю маргиналов из рабочих окраин, не возымел психологического действия на профессора. Валентин лишь покачал головой и, хлопнув дверь, вышел на залитую солнцем улицу.

Почти две недели не появлялся Войно-Ясенецкий в больнице. Ему звонили каждый день, а коллега-хирург Лев Ошанин приходил справиться не арестован ли главврач. Все ждали расправы. Страх будоражил людей.

Дела в больнице пошли из рук вон плохо. В одиночку Ошанин не справлялся. Все сложные операции были отложены. А тут еще с Ашхабадского фронта прибыл эшелон с ранеными. Красноармейцев распределили по всем трем больницам города, но мест катастрофически не хватало. Новая волна беженцев из Поволжья оказалась вообще без всякой медицинской помощи. Трупы и умирающие лежали прямо у ворот больницы и во дворе. Сердобольные доктора не оставляли людей, но что они могли сделать для несчастных страдальцев, истощенных от голода, жары и безобразных условий существования. В городе вспыхнула холера. Все слушатели краткосрочных курсов красных медицинских сестер были мобилизованы на борьбу с эпидемией. Но сил не хватало. А более всего не хватало грамотных врачей.

В городском Совете знали об инциденте между главврачом и начальником ЧК. И о том, что Войно-Ясенецкий объявил бойкот. Но упорно молчали, не желая уступить доктору в таком наиважнейшем политическом вопросе, как икона в операционной. Упертость властей не покачнула даже эпидемия сыпного тифа, начавшаяся вслед за холерой. Куда важнее было сломить доктора, заставить его подчиниться.

Но неожиданно, вы не поверите, мучители сломались сами. И вот как это произошло.

Однажды среди ночи в больнице случился переполох. У дверей остановился и требовательно засигналил наркомовский автомобиль, блуждая фарами по темным окнам. Из машины на руках вынесли женщину, которая корчилась от боли и кричала так, что разбудила всех. Дежуривший бессменно уже вторую неделю, Ошанин, уставший от бессонницы, кое-как осмотрел больную. Но быстро понял, в чем дело.

— Нужна срочная операция, — сообщил доктор молодому щуплому мужчине в расстегнутой кожаной куртке, который вел женщину, с трудом поддерживая ее. Куртка на его худом теле болталась, как на шесте. Это был глава коммунистов Туркестана, председатель партии большевиков Петр Кобозев.

— Не-е-ет! — завопила женщина.

— Пусть операция, Капа! Крепись! Так надо! Сейчас тебе помогут, — пытался успокоить жену комиссар.

Ошанин отвел мужчину в сторону.

— Подозреваю, гнойная форма аппендицита. Шансы невелики, — огорошил хирург его.

— Что же делать? — растерянный Кобозев смотрел на доктора умоляюще. Его затрясло.

— Нужен Валентин Феликсович. Без Ясенецкого я не справлюсь.

Через десять минут Петр Кобозев уже стучал в двери дома, где жил Валентин. Ему быстро открыли, ночные тревоги были тут делом привычным.

— Валентин Феликсович! — с порога бросился комиссар к профессору, — умоляю вас, помогите! Моя...

— Я в курсе, Только что звонил Ошанин, — не дал договорить ночному гостю Валентин. — Но вы же знаете, я ушел из больницы из-за того, что унизили мои религиозные чувства. Я человек верующий и служу в...

— Доктор! — остановил его Кобозев умоляющим голосом. — Она умрет! Прошу вас! Спасите!

Комиссар дрожал от волнения. Он не мог стоять на месте и все время переступал с ноги на ногу, словно пританцовывал.

— Пусть вернут икону в операционную и оставят меня в покое, я с радостью начну работать, — настаивал на своем профессор.

— Обещаю! Слово коммуниста! — Кобозев преданно посмотрел на профессора. — Завтра же! Лично прослежу! Поедьте, доктор! Скорее! Спасите Капитолину!

Он вдруг опустился на колени, схватил руки профессора и стал их целовать.

— Ради Христа! Помогите!

Слова о Боге из уст главного коммуниста Туркестана вовсе не выдумка автора повествования, чтобы позабавить читателя. Заглянем в биографию растерянного комиссара, она объяснит поведение Кобозева.

Деревенский парень из села Песочня Рязанской губернии, сын зажиточных родителей, которые были обеспечены настолько, что стремились дать достойное образование своему отпрыску.

Сначала Петю определили в духовное училище, а после окончания в Московскую духовную семинарию. Ее он, правда, не закончил. Юноша увлекся революционной романтикой и его выгнали с последнего курса.

Вскоре он был арестован и выслан в Ригу, поступил в тамошний политехнический институт. По окончании учебы инженер-технолог Петр Кобозев работал на Русско-Балтийском вагонном заводе. Но... революция опять увлекла молодого человека и он вступил в Рижскую РСДРП.

Так что профессор столкнулся с духовно и светски образованным умным человеком. Что он делал среди своры безграмотных бандитствующих вырождаков с уголовной ментальностью? А что делали

среди них и вместе с ними другие революционные «умы»? Руководили, направляли. Верховодили, одним словом. Потому что были честолюбивы и мечтали о большой власти.

Как интересны глубины человеческих душ. Если заглянуть в них и понять, что заставляет человека поступать так, а не иначе, о каждом модно написать роман.

Валентин отдернул руку, смущенный порывом взволнованного гостя.

— Хорошо, хорошо! — попытался он успокоить испуганного комиссара. — Едем! Сей же час! Разве я могу не помочь!

Петр кинулся подавать профессору пальто. Никто: ни Валентин Феликсович, ни горничная Елизавета, ни Софья Белецкая, выглянувшая из детской на шум в передней, ни чекист-охранник, сопровождавший главного коммуниста и наблюдавший за происходящим у дверей — не осудил руководителя Туркестанского отдела РСДРП за то, что минуту назад он стоял на коленях и просил именем Бога помощи для близкого человека.

Пришедшее не было лукавой игрой хитрого партийного чиновника. Люди при больших чинах — они такие же, как и мы с вами. Стоит ободрать с них шелуху высокомерия, за которой они прячутся, лишить надуманного преимущества и вот уже перед вами — жалкое беспомощное существо, которое молит о пощаде и скулит от испуга. Но в «шелухе» оно подает себя грозным, богоподобным, владеющим монополией на истину.

Почему? Неужели все дело в наличии или отсутствии «шелухи»?

Для меня важно другое. Как легко послать на смерть чужого незнакомого человека. Их можно отправлять в мир иной тысячами. И как страшно потерять любимого и единственного, который идет рядом с тобой по жизни. Так почему «шелуха» лишена сочувствия к тем тысячам невинных? Они ведь тоже чьи-то близкие и дорогие. В этой точке рассуждений, если попробовать сопереживать чужим людям начинает пробиваться из души родничок милосердия. Поищите его в себе хорошенько. Он звучит, слышите? Только затерялся где-то в густой осоке эгоизма. Не видать. Найти бы! Дай-то Бог!

* * *

Сатана покинул дом юноши и устремился в бездну. Он торопился. Наконец-то встретился человек, одержимый страстью властвовать настолько, что ради нее готов убивать ближних. Дьявол радовался. Он ловко направил

одержимость из внутренней стороны личности наружу. Вывернул личность наизнанку, обнажая ее суть. С помощью искушения смысл защитно-религиозную мораль из сердца и разума пленника.

— В нем больше нет Благодати Святого Духа! — ликовал Нечистый. Он знал, что руками такого пленника, готового на убийство можно сокрушить ненавистный религиозный мир.

— Мы изорвем души православных на лоскуты и пошьем новые, ... — трубил во весь голос Дьявол.

Его радостный гимн разносился эхом во все стороны.

— Мы наш, мы новый мир построим!..

Лукавый спешил. Он хотел поскорее собрать духов злобы поднебесных и вселить их в плененную душу, чтобы через нее бросить бесов на войну с миллионами тех, кто мечтает о Царстве Небесном.

Сатана знал, что за его крестником пойдут. Он дал юноше дар убеждения и Слово, в котором от человеческого глаза скрыта величайшая дьявольская ложь: царство небесное можно построить на земле! Эту ложь люди назовут «Правдой». Правда проста — накапливай земные блага и обретешь счастье. С деньгами и властью ты будешь свободен в поступках, будешь, как Бог! Правда, богатство и власть уже созданы и накоплены. Правда, они у немногих. Это несправедливо. Правда? Нужно отобрать богатства и поделить между всеми поровну. Вот в чем Правда!

Дьявол знал, как закипают страсти, когда такие мысли взращиваются в сердце человека с неразвитой душой. Нечистый искусно и заботливо взрывает самолюбие на этой плодородной и богатой почве. Человек негодует от несправедливости, якобы заботясь о счастье других. Поначалу он не признается даже себе, что старается исключительно ради собственной выгоды, а на остальных ему наплевать.

Дьявол летел долго, источая радость, пока не достиг ворот ада. Здесь он остановился и затрубил, собирая своих покорных прислужников. Первым на зов прилетели высшие чины: Престолы, Начала и Власти. Сверкая красными глазами, рядом с Нечистым опустился Велиал – повелитель порока. Сложив огромные черные крылья, он поклонился Повелителю. За ним возник Асмодей – дух блуда и похоти, князь мстителей, в маске непроходящей двусмысленной улыбки. Вельзевул прилетел вместе с супругой Буфовирт и сыном Милорисом. Все трое серо-голубые, бледные. Лишь темные крылья отливали красным. Властелин ложных богов нес, как знамя, личный отличительный знак – изображение мухи.

Явились Астарот и Аббадон; Бельфесор – беспощадный и безжалостный; Маммона – дух стяжательства и жадности; Адонай, сверкая кожей разных оттенков. Демоны окружили Повелителя.

За верховными приближенными возле Сатаны стали собираться демоны помельче: многочисленные фурии – бесы войны и разрушений. Вместе с ними покинули ад и явились марширующие призраки – искусители и управители толпы.

Не заставили себя ждать инкубы, суккубы и парки, имеющие власть вмешиваться в судьбу человека.

Последними прибыли самые низшие обитатели преисподней – нолы – демоны снов и грез, любимцы мечтателей.

Сатана довольным взглядом окинул легион бесов и громко произнес:

– Радуйтесь! Я нашел душу, способную вместить нас всех! С помощью избранника мы погубим миллионы душ, верующих в Бога.

Мы невидимы и беспомощны лишь до тех пор, пока кто-то не дает нам свое тело. Скоро мы станем видимы и сильны. Мы прославим нашего носителя и обожествим его. Ибо слава человека подражает бунт и восстание против государства и церкви за власть на земле. Мой избранник готов к борьбе за господство над людьми. Радуйтесь! Близится час хаоса!

Демоны и бесы оживились. Они пришли в восторг от услышанного. А Сатана продолжал:

— Мы вселимся в тела людей, подвластных моему избраннику и лишим их души мира и покоя. Отныне они будут недовольны своей жизнью. Будут впадать в уныние и исступление. Страдать и мучиться. Искать виновных в этой горе. Мы поможем людям в их поисках. Мой пленник напишет горы книг о несправедливости мироустройства на земле и ответит на все вопросы недовольных. И тогда... — Дьявол сделал паузу и широко улыбнулся — Фурии! — обратился он к бесам, умеющим разжигать злобу и ненависть, — наступит ваш звездный час — между людьми начнется кровавая бойня: «правые» будут искать и убивать «виноватых». Не упустите свой шанс!

— А ты, — Дьявол указал когтистой лапой на одного из приближенных, — мой верный Маммона, дай людям такую жадность, чтобы они обезумели и потеряли рассудок. Чтобы в их душах не осталось ничего, кроме черной зависти и лютой ненависти к богатым.

Довольный своей речью Нечистый захохотал.

— Искушение богатством человеческая душа не выдерживает. Бедные будут драться насмерть, грабить и отбирать, мстить богатым за свою нищету, наслаждаясь их горем и страданиями.

Эти «виноватые» пострадают больше всех остальных. Слишком долго богатые находились около Бога, строили безнаказанно церкви и монастыри, жертвуя свои имения, земли и драгоценности, чтобы обрести мир в душе. Хватит! — голос Князя лжи затрепетал, как раскаты грома в грозном небе. — Мы наш, мы новый мир построим... — запел он.

Его звонкий призыв понесся далеко во все стороны бездны, отдаваясь эхом в преисподней. Там песню Сатаны услышали и подхватили огненные демоны, никогда не покидающие ада, жадно ожидающие новых жертв. Они пришли в восторг от предчувствия, что совсем скоро чистилище наполнится несметным числом погубленных душ.

К Дьяволу, заискивающе улыбаясь, осторожно приблизился Велиал. Его красные глаза горели, как раскаленные в горне куски железа.

— О, Повелитель тьмы, — обратился он к Сатане, — но как мы сокрушим праведников? Преподобных не искусить ни богатством, ни властью, ни сладострастием.

— Да, — согласился Нечистый и, подумав, ответил:

— Мой верный Велиал, Повелитель порока, в атаку на праведных легион Чистых бесов поведешь ты. Тебе помогут инкубы и суккубы — искусители похоти. Они займутся исключительно святыми. Вместе вы найдете лазейку в их душах.

— А если не... — засомневался Велиал.

— А если не удастся толкнуть праведника в сладострастие, то знайте в чем главная слабость преподобных и святых, пока они во плоти. Плоть не хочет умирать! Поэтому угроза физической смерти творит чудеса. Она ломает человека и ставит его на колени. Испугать земного пастыря физической смертью — значит выиграть крупное сражение, — резюмировал Дьявол.

— А теперь, — Сатана снова окинул взглядом войско, — все за мной! Вперед!

Бесплотные духи злобы поднебесные в одночасье пришли в движение. Скоро бездна между небом и землей опустела. Лишь звенящая тишина осталась на месте сборища демонов. Тишина наполнялась предчувствием, что скоро, очень скоро произойдет что-то очень важное, неминуемое.

Так бывает в раскаленный летний полдень, когда окружающий мир вдруг оглушается внезапным ударом далекого грома. Смолкают и прячутся птицы, даже насекомые перестают трещать и проносятся по воздуху. Все живое замирает в тревожном ожидании, прислушиваясь к еле слышным раскатам. Вот они нарастают, небо затягивается черными тучами, меркнет божественный свет дня. Грядет буря! Все живое цепенеет и становится против воли своей участником наступающего страшного действия, его жертвой.

* * *

— Я — а бы лично рас — стрелял подлеца, не будь он та — ак нужен! — Яков Петерс похлопал широкой ладонью по кобуре револьвера. Он

не забыл случая с иконой в городской больнице и вынашивал план расправы над неугодным доктором.

— Яков Христович, мы миндальничаем с ними. К стенке одного — двух, и вся недолга, — поддакнул грозному чекисту нарком здраводела Гольфштейн.

— Не-эт. Мы сделаем по-другому, — Петерс поднял руку, призывая наркомовцев ко вниманию. Он решил подробно изложить свой план мести.

Врачи, эти остатки недобитой интеллигенции, раздражали чекистов. Комиссары знали, что доктора «контра», которая по-прежнему кривится, как от кислого во рту, при словах «советская власть». Но медиков не

расстреливали. И даже не сажали. Пока. И тому была причина. В городских больницах находились сотни раненных красноармейцев. Доктора выхаживали их, восстанавливая военные силы республики, и заменить медперсонал из «бывших» было нечем. К тому же эпидемия холеры и тифа вспыхивала то в одном, то в другом регионе Туркестана и надо было с ней как-то бороться,

Да и здоровье членов правительства Туркесреспублики нуждалось в постоянном внимании. Эти обстоятельства связывали руки черно-рабочим революции. Однако по мнению нового начальника Туркестанского ЧК настало время проучить «их» как следует за непокорность.

— Я -а предлагаю устроить показат — тельный суд. Открыт- тый. Пусть простой народ скажет, доверя- ает он «им» или не-эт. А мы посмотрим, что с ними дел- лать дальше.

Идея дискредитировать медиков в глазах горожан понравилась всем комиссарам здраводела.

Решено было устроить тотальную проверку всех больниц города, чтобы выявить недостатки и подготовить компромат для показательного суда.

Основной прицел по приказу Петерса сделали на Войно-Ясенецкого, главного врача центральной городской клиники. Однако инспекция, свалившаяся, как снег на голову, серьезных недостатков не обнаружила. Медики трудились на совесть. Раненные крас-

ноармейцы наотрез отказывались подписывать липовые жалобы и, наоборот, всячески выгораживали доктора перед начальством.

Петерс злился и требовал копать дальше. Повод для судебного разбирательства все же нашли. Но не в больнице Валентина, а в клинике профессора Ситковского, ближайшего друга Войно-Ясенецкого.

В эту клинику только что привезли раненных в последних боях под Бухарой. По дороге в Ташкент раны у многих загноились. Жара и антисанитария в вагонах, где обилие мух было настолько естественно и непреодолимо, что никто не обращал внимания на загноение. В грязных бинтах копошились черви. Быстро обработать раны у всех бойцов наново медики не успевали. Красноармейцы вынужденно ждали очереди сутками.

И тут нагрянула высокая комиссия. Ситковского арестовали, обвинив во вредительстве и саботаже.

Обдумывая сценарий предстоящей показательной порки, Петерс решил внести в нее интригу.

— Общественным обвинителем назначить Ясенецкого. Войно, — распорядился он.

— А если?..

— А если не согласится, отпра-вить следом за Ситковским, — Петерс радовался своему хитроумию, его глаза блестели.

Он решил столкнуть старых друзей, заставить одного лгать и клеветать на другого. В глазах немногочисленных медиков Ташкента, знавших о

товарищеских отношениях Ситковского и Ясенецкого, такая подлость несомненно вызовет негодование. Петерс рассчитал верно. Он понимал, что после суда люди с презрением отвернуться от доктора-священника. Что и было конечной целью нового начальника ЧК.

Петерс потирал руки от предстоящего удовольствия. Каждый раз, когда ему удавалось выстроить какую-нибудь каверзу, наподобие той, что он выдумал для Ясенецкого, чекист возносился в собственных глазах. Он осознавал, что умен. Умнее многих других. И любил себя в эти минуты как-то по-особенному: напевал под нос латыш-

ские народные песни, следил за выправкой при ходьбе. И часто смотрелся в дамское зеркальце, что носил с собою в кармане, приглаживая непокорную шевелюру. Он знал, что нравится женщинам. Высокий, крупный, большой начальник – что еще нужно мужчине, чтобы покорять слабые сердца избранниц. Но это уже отдельная история из жизни нашего героя. Скажу о ней лишь одно: история интересная и увлекательная, полная приключений, как и вся жизнь дерзкого латышского боевика, которого повенчали с революцией гордыня и цинизм.

Наступил судный день. Доктора Ситковского вели по городу под усиленным конвоем и в наручниках. Окружившие «врага революции» конные красноармейцы держали шашки наголо. По замыслу Петерса это должно было вселить страх в обывателей и придать вес судебному процессу. Петерс желал, чтобы о суде над доктором заговорили по всему городу. Со страхом. И желательно шепотом. Он так хотел. И у него была власть творить то, что хочется.

Главным обвинителем на суде выступил сам Петерс. Он произнес не слишком грамотную, но громоподобную речь. Были в ней и «белые охвостья», и «контрреволюция», и «явное предательство», и «саботаж» – весь набор агитпроповских штампов тех лет.

После обвинительной речи суд перешел к допросу свидетелей. В качестве эксперта и общественного обвинителя начальник ЧК лично назвал фамилию Валентина.

Петерс ликовал. Ловко закрученная интрига приближалась к своей кульминации.

– Поп и профессор Ясенецкий-Войно, – обратился чекист к профессору, – счита-аете ли вы, что доктор Ситковский виновен в безобразиях, обнаруженных в его клинике?

Петерс чувствовал, что своим прямым вопросом ставит Войно-Ясенецкого в тупик. От конкретного ответа интеллигенту не увернуться. Сейчас прозвучат слова, в которых обнажится принародно подленькое человеческое нутро. Петерс знал людей. Чекист многое повидал на своем революционном веку. Не раз на допросах в подвалах Лубянки он наблюдал, как перед лицом смерти человек падает духом, молит о пощаде, теряя волю и разум. Вцепившись в сапог

палача, целует его, готовый на какое угодно унижение лишь бы не умереть. В такие минуты над человеком можно творить немыслимые издевательства. И он примет их с благодарностью, лишь бы ему сохранили жизнь.

— Гражданин обвинитель, — начал свою речь отец Валентин, — я прошу по тому же делу арестовать и меня.

От неожиданности зал вздрогнул, устремив все внимание на говорившего.

— Да, да! Вы не ослышались! Ибо в моей клинике царит такой же беспорядок, что и в клинике Ситковского.

Собравшиеся, удивленные поведением профессора-священника, зашумели. Петерс поднялся из-за стола. Люди замерли от испуга.

Начальник ЧК сделал знак рукой в сторону говорившего, требуя замолчать.

— А вы не спешит-те, придет время а-арестуем! — побагровел он и добавил повелительным тоном.

— Отвеча-айте на вопрос суда!

Войно-Ясенецкий обстоятельно объяснил, что никаких червей под повязками красноармейцев не было, а были личинки мух.

— Хирургия не боится таких случаев. Я утверждаю это, как эксперт, — констатировал Валентин. — Давно замечено, что личинки действуют благотворно на заживление. Английские медики используют их в качестве своеобразных биостимуляторов.

— Как-кие стимуляторы?! — заорал Петерс. — Откуд-да вы знаете?

Люди в зале оживились. Они прятали усмешки и робко аплодировали профессору.

Глава чекистов сверлил доктора испепеляющим взглядом, желая смутить его своей твердостью.

Но Валентин спокойно продолжил объяснение. Он так убедительно растолковал суть дела, что рабочая часть зала, знавшая доктора и уважавшая его за профессионализм, поверила и одобрительно загудела.

Интрига Петерса затрещала, готовая рухнуть и погрести под своими обломками ее автора. Чекист злился, не находя аргументов для спора с образованным человеком. И зал видел это.

— Отвечайте на-а вопросы суда! — напирал Петерс, лихорадочно ища способ спасти свое все еще доминирующее положение. Комиссар понимал, на чью сторону клонится симпатия зала, но проигрывать не собирался. — Откуда-да вы знаете?! — требовал он.

— Да будет известно гражданину обвинителю, — с достоинством ответил Валентин, — что я окончил не двухлетнюю советскую школу фельдшеров, а медицинский факультет университета святого Владимира в Киеве.

В зале захлопали.

Слова профессора и аплодисменты окончательно вывели из себя всесильного комиссара. Он разразился бранью. Его душило желание немедленно расправиться с неугодным экспертом, который посмел бунтовать и защищать обвиняемого. Петерс желал раздавить человека, посмевшего возражать ему, начальнику ЧК. Так он поступал с людьми с первых лет своей

революционной юности. Так он расчистил себе дорогу к власти. И вот теперь, имея ее, беспомощно наблюдал как эти трусливые, подлые и мерзкие твари, переполнившие по его приказу зал суда, смеются над ним и аплодируют его врагу. Кровь застучала в висках, Петерс едва сдерживал себя.

Как неожиданно мы можем встретить достойного противника. И растеряться перед ним. Эта растерянность не давала чекисту схватиться за револьвер тут же в зале. Интуитивно он понимал, что надо поработать на аудиторию, прежде чем расстегнуть кобуру. И Петерс решил перетянуть собравшихся на свою сторону. Он задал, как ему казалось, неожиданный вопрос, который должен был привести Валентина в замешательство как священнослужителя:

— Скажит-те, поп и профессор, Ясенецкий-Войно, — Петерс был подчеркнуто вежлив, — как эт-то вы ночью молитесь, а днем режете людей?

Однако вопрос не привел доктора в замешательство. После того, как профессор принял священнический сан, патриарх Тихон благословил ему продолжать заниматься хирургией. Валентин не счел нужным объяснять это, а просто ответил:

— Я режу людей для их спасения. А вот во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?

В зале поднялся хохот. Но глава чекистов не сдавался. Это было не в его характере. Он кинулся в новую атаку.

— Как эт-та вы ве-ерите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы вид-дели своего Бога?

— Бога я действительно не видел, — тут же парировал отец Валентин, — но я много оперировал на мозге, гражданин обвинитель и, открывая черепную коробку, никогда не видел там ума. И совести там тоже не находил.

Колокольчик председателя суда и его голос, призывающий к порядку, потонули в аплодисментах и хохоте. «Дело врачей» так блестяще задуманное, провалилось, как гнилая доска под тяжестью камня, придавив обломками уязвленное самолюбие пламенного революционера, присланного из Москвы для организации борьбы с религией. И это сделал врач периферийной больницы, иерей храма с окраины государства. Он рисковал, чтобы добиться победы, как рискует на поле брани простой солдат. Что с того, что брань не военная, а духовная. И там, и тут за человеком по пятам ходит смерть, и не духовная, а самая настоящая — физическая. И там, и тут исход сражения зависит от мужества солдата, его готовности к жертве.

Петерс был посрамлен и повержен. Однако, чтобы спасти престиж ЧК «судьи» всеравно приговорили Ситковского к шестнадцати годам тюремного заключения. Эта вопиющая несправедливость вызвала ропот в городе. Простые люди, рабочие бурно обсуждали «дело врачей», кляня власть на всех перекрестках. И чекисты струсили, они побоялись спровоцировать новые беспорядки. Решение суда было отменено. Через месяц профессора Ситковского стали днем выпускать из камеры на работу. А еще через месяц и вовсе отпустили домой.

* * *

Сатана протрубил с ужасающим визгом:

— В атаку!!!

Легионы бесов выстроились в боевой порядок и двинулись вперед. Начиналось массированное наступление на церковь. В авангарде шли бесы, вселившиеся в чекистов, руководимые специальным секретным отделом. Рассекая внезапными ударами ряды священнослужителей, они прокладывали дорогу наступающим за ними бесам-агитаторам безбожного образа жизни. Как снайперы разили они умы неграмотных людей, за власть над которыми демоны и разожгли войну.

После ударных легионов выступили спецотряды для зачистки захваченной территории. Бесы -ученые обстоятельно и логично обосновывали победу Сатаны, как великое благо для «угнетенного» народа. Бок о бок с ними маршировали бесы- писатели, неся как знамена, книги-сказки о величии рабочего класса, о его неизбежном светлом будущем.

Наступление было таким массированным, что ошеломленная церковь отступала по всем фронтам, неся огромные потери. Люди Бога были в замешательстве. Никто не ожидал столь масштабных и коварных военных действий против православия, после того, как был заключен и закреплён мирный договор на Поместном соборе, на Всероссийском съезде демократического духовенства.

— Взять власть! Немедленно! Сегодня рано — завтра поздно! Значит ночью! — верещал Сатана. И тысячи бесов, облекшихся в бескозырки и шинели, бросались на штурм с винтовками наперевес.

— Вот она — мечта! Уже так близко! — шептал Дьявол своему избраннику. — Сделай последний шаг! Ну же!

— Расстреливать! — в исступлении картавил начальствующий над бескрозырками и шинелями, прислушиваясь к сладкому шепоту Нечистого.

— Обманывать! — требовал он, вызывая к себе бесов в обличие ученых — теоретиков революционного террора, анархии и материального равенства.

— Выдумывать! — приказывал он бесам-писателям, пропагандистам и политпросветителям.

По всему фронту бушевала вакханалия. Бесы-агитаторы и политпросы спешно приколачивали на место сбитых икон портреты

избранника Сатаны и вожakov его легионов. На захваченной территории в церквях насаждалась новая услужливая администрация, из числа перепуганных пленных мирян и попов-предателей.

Очередным тяжелым ударом духов злобы поднебесных стало постановление комиссариата по народному образованию, в котором в декретной форме осуществлялась передача дел воспитания и образования из духовного ведомства в ведомство народного комиссариата.

Наступление усиливало принятие Советом народных комиссаров «Положения о земельных комитетах». Все церковные и монастырские угодья объявлялись общенародным фондом и передавались в распоряжение комитетов.

Следом за этим церковь была атакована декретом о прекращении денежных выдач на нужды храмов.

Другим залпом стал декрет о гражданском браке и метрификации. В нем в ультимативной форме запрещалось венчание и отпевание.

Высшее духовенство пыталось найти компромисс, договориться о мирном сосуществовании новой идеологии и старой религии. Оно просто не знало до конца чудовищного замысла Сатаны. Планом генерального наступления было предусмотрено полное истребление православия в России. Вот выдержки из этого плана, прозвучавшего в декабре 1920 года на одном из соборщ в штабе избранника Сатаны. Его озвучил бесноватый из авангарда наступающих сил чекист Мартын Лацис:

«Наше программное определение отношения к религии совершенно точно и недвусмысленно определило и наше отношение к православной церкви. И ни один здравомыслящий коммунист никогда не думал внести изменение в нашу партийную программу.

Коммунизм и религия взаимно исключаются. По мере приобщения к коммунизму, по мере того, как он внедряется в головы рабочих и крестьян, он вытесняет оттуда всю религиозную дурь. Наша задача – способствовать ускорению этого процесса. Поэтому недостаточно одной коммунистической проповеди, а необходимо сделать все, чтобы унижить церковь в глазах народа, чтобы внести в нее раз-

ложение и тем способствовать ее падению. Эту практическую задачу не может взять на себя ни наша партия, ни церковный отдел Наркомюста. Не может потому, что в этой работе придется прибегнуть к методам, которые не к лицу нашей партии, ни Наркомату юстиции. Для этого у нас существует приспособленный орган – ВЧК, который может проделать эту работу совершенно неофициально. С 1919 года ВЧК взяла эту работу на себя. Задача ВЧК заключается в следующем: не способствуя никакому созданию советской церкви, внести разложение в православную церковь путем создания конкурирующих религиозных общин; оторвать от православной церкви все честные идеологические элементы путем благосклонного к ним отношения и реальных услуг; компрометация видных лиц церковного Собора и Синода; хирургические приемы». (???)

Не ведали иерархи церкви, что для них уготовано. Они продолжали занимать оборону, опираясь на решения Всероссийского съезда духовенства и мирян. Вот доктрина этого Собора:

« От народовластия, какую бы форму оно не приняло ожидаем для православной христианской церкви обновления и последовательности

проведения свободы вероисповедания и культа, равного предоставления всех необходимых в правовом и материальном отношении условий к осуществлению ее задач, с признанием христианской православной веры первой между другими исповедуемыми в государстве религиями».

А в штабе Сатаны уже готовился очередной страшной силы удар, который должен был привести к окончательному разгрому церкви в России. Обстановка в стране способствовала этому как нельзя лучше. В 1921 году разразился голод. Это был результат беспощадного отношения власти к народу. Патриарх Тихон откликнулся на народное горе тем, что обратился к Восточным патриархам, к папе Римскому, к архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому с посланием, в котором призывал оказать помощь стране, умирающей от голода.

Но у Сатаны был свой замысел. Под предлогом борьбы с голодом в Поволжье советская власть обратила взор на церковные ценности.

Было принято Постановление ВЦИК, в котором предлагалось местным советам народных депутатов в месячный срок изъять все ценности из золота, серебра и камней.

В секретном письме от 19 марта 1922 года Ленин предложил членам Политбюро совместно с главными работниками ЧК и Ревтрибунала провести решение об изъятии церковных ценностей «с беспощадной решительностью...». Вот какие требования он выдвинул: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Патриарх Тихон резко выступил против изъятия ценностей и национализации имущества церквей и монастырей. Сразу же после опубликования большевистского декрета Поместный собор принял два документа: постановление и воззвание к верующим.

«Под предлогом отделения церкви от государства, — говорится в постановлении, — Совет Народных Комиссаров пытается сделать невозможным самое существование храмов, церковных учреждений и духовенства. Под видом отобрания церковных имуществ декрет стремится уничтожить самую возможность церковного богопочитания и богослужения».

Церковь, наконец, с ужасом поняла сатанинскую стратегию большевистского правительства.

Духи злобы поднебесные ликовали. Начинался пир победителей: разграбление и насилие.

Первой пала Александро-Невская лавра Москвы. При ее захвате был убит протоиерей Скорбященской церкви Петр Скипетров, пытавшийся увести красноармейцев и помешать им.

После лавры волна разграблений стала стремительно расти и шириться. Нападению подвергались все новые и новые храмы. Нередко захват ценностей сопровождался погромами церквей и кладбищ, издевательствами над священниками. Чекистские методы уничтожения и пыток были столь ужасными, что следственные комиссии белых армий, отвоевывавших города у красных, поража-

лись изуродованным трупам священников; были выколоты глаза, отрезаны носы и уши, раздавлены половые органы, выпущены кишки. Тела не хоронили, не выдавали родственникам, а выбрасывали на свалки, в реки и карьеры.

С весны 1922 года начались повальные аресты священнослужителей. Целые уезды таких епархий, как Пермская, Ставропольская, Казанская и другие оказались без единого священника. Захваченные храмы превращали в молодежные клубы и солдатские казармы. В клубах ставились антирелигиозные спектакли, высмеивавшие непорочное зачатие, а в казармах преднамеренно делали в алтарной части нужники, чтобы на месте престола и жертвенника валялись кучи человеческих испражнений.

Один из вождей наступавших Л. Д. Троцкий писал вскоре после принятия декрета: « В губерниях создать секретные комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должны входить секретарь губкома, либо зав. агит. проп.отделом. В губернских комиссиях в состав привлечь комиссара дивизии или бригады».

Думаю, нет нужды объяснять какая роль в комиссиях отводилась комиссарам дивизий и военных бригад.

Церковь пыталась отчаянно сопротивляться. Во многих крупных городах прошли крестные ходы в виде протеста против захвата монастырей и храмов. Москва, Петроград, Тула, Тобольск, Омск, Пермь – волнения покатались по всей России. Крестные ходы разгоняли с особой жестокостью. В Туле и Омске их расстреляли. Закрывались духовные учебные заведения, епархиальные училища, церковное книгопечатание пришло в упадок.

А кровавый пир Сатаны продолжался. Аресты священнослужителей исчислялись тысячами. Большинство из них после короткого «следствия» приговаривали к расстрелу. Обвинение для всех было одинаковым, оно повторялось, как клише на штамповочном конвейере: сопротивление изъятию церковных ценностей и национализации имущества.

Для уничтожения церковного руководства была проделана и диверсионная внутренняя работа. ЧК разослала в города России

шифrogramму о вызове в Москву духовенства, изъявившего согласие на сотрудничество. Из Петербурга прибыли священники Введенский и Заборовский, а из Нижнего Новгорода архиепископ Евдоким. Прибыли также епископы Антоний Грановский, Борисов и Николостанский. Организация совещания «прогрессивного духовенства» поручалась руководителю московских чекистов Федору Медведю.

В конце марта 1922 года на конспиративной квартире священника С. Калиновского совещание состоялось. Собравшиеся полностью согласились с чекистами относительно борьбы против Патриарха и патриаршего управления и активно включились в нее.

Для окончательного укрепления своего положения и получения канонического права на руководство церковью, «обновленцы» провели Всероссийский поместный собор, где объявили о лишении Патриарха сана, священства и даже монашества с возвращением «в первобытное мирское положение».

* * *

Несла потери и Туркестанская епархия. Война с церковью доказалась и сюда, до окраин Российской империи.

Шла всенощная пасхальная служба в Сергиевской церкви Ташкента. Горели свечи, слышалось пение клироса, раздавались возгласы иподиакона. На столах и на земле, на расстеленных скатертях стояли куличи, лежали узелки с яйцами. Храм не вмещал всех желающих. Люди толпились во дворе и даже на прилегающих улицах.

Вдруг со стороны улицы Пушкинской раздались крики и протяжный свист, послышались звуки раздираемой гармошки. Из темноты перед церковью появилась толпа ряженных. Одетые под священнослужителей, в длинноволосых париках и с приклеенными бородами, они стали кружить возле церкви и между молящимися, и орать во всю глотку: «Бога нет!», «Долой попов!», «Долой иконы!». Надрывалась гармошка, рассыпая матерые частушки под хохот и свист.

Возмущенные верующие попытались отогнать ряженных от храма. Завязалась драка. Пьяные комсомольцы бросались с кула-

ками, топтали куличи и яйца. Крики, мат и свист, хрип гармошки, возмущенные голоса — все слилось в сплошной гул. Служба прекратилась. Люди утирали кровь на разбитых лицах.

На следующий день ташкентская милиция цинично арестовала всех до одного служителей храма «за учиненные беспорядки», а церковь зарыли и заколотили дверь. Похожая участь постигла и другие храмы города. Вскоре их вновь открыли, но... передав управление всеми делами советским церковным обновленцам. Возглавил «советских священников» назначенный чекистами «обновленческий» епископ Николай Коблов, который тут же объявил о создании Ташкентского епархиального управления и потребовал от владыки Иннокентия Пустынского передачи власти в свои руки.

Возмущенная произволом властей епархия негодовала. Вепрем, возлежащим на горнем месте, назвал Коблова Валентин Войно-Ясенецкий. Владыко Иннокентий решил созвать съезд духовенства Туркестанской и Ташкентской епархии, чтобы оказать организованное сопротивление большевикам и их «новой советской» церкви.

Реакция ЧК не заставила себя ждать. Ночной обыск и арест архиерея для «профилактической беседы» с ним поставил владыку в тяжелое положение. На тонкую грань между жизнью и смертью. Нужно было выбирать: либо принести себя в жертву, либо смириться, признав поражение.

Как это страшно, оказаться в подобной ситуации! Как поступил бы я? А вы? Часто, очень часто люди думают о себе неверно, возносятся в собственных глазах, не имея тех качеств характера, которые приписывают себе. И только встав на грань между жизнью и смертью, мы познаем правду о себе, окружающие познают нас. Кто мы есть на самом деле, чего стоим? Острым лезвием этой таинственной грани душа вскрывается и распахивается настежь. В эту секунду в ней больше нет бездны! Она освещается в этот миг до самого дна Божественным светом внутренней своей истины! Ни одного темного уголка! Чтобы человек ни говорил о себе «до» или «после», чтобы о нем не думали окружающие, в этой страшной точке земного бытия, которая грозит стать последней минутой жизни, прячется духовная сущность каждого из нас.

Вернувшись после ареста домой, владыко Иннокентий подошел к иконостасу и упал на колени. Он понял, что не обладает мужеством для смертельной борьбы с гонителями церкви. Иннокентий плакал и просил у Господа прощения за свою слабость.

Поставленный на грань между смертью и жизнью архиерей выбрал последнее, не в силах сопротивляться инстинкту самосохранения. Это было страшное откровение для него, тяжелейшая проверка, которую он не выдержал. Он сделал выбор, который острым укором вонзился в сердце. Укор останется там навсегда, как заноза, о которую будет постоянно цепляться и кровоточить совесть, ища самооправдания и не находя его.

Иннокентий снял рясу и, целуя ее, аккуратно сложил. Потом переоделся в старую поношенную спецовку железнодорожного конторщика. В ней владыко решил бежать из Ташкента. Тайно. Сегодня же ночью.

Иннокентий хотел добраться до Подмоскovie и там, в родной деревеньке Пустынька скрыться от чекистов. Наверно, уверенность, что от ЧК можно спрятаться была наивной. Но человек, над которым завис топор, панически бросается в сторону, чтобы увернуться от удара острым лезвием.

Пройдет время и Иннокентий перейдет в «обновленчество». Затем оставит и его. А закончат дни свои, мучимый совестью и раскаянием, не находя покоя душе своей, через много-много лет простым звонарем в Алма-Атинской Покровской церкви.

Я пытаюсь представить мысли и чувства этого человека, его мучения и страдания, порывы его мятущейся души, его боль. И спешу помолиться. Слезы душат меня! Господи прости и помилуй его! Прости и помилуй всех нас, грешных.

После бегства Иннокентия Валентин Войно-Ясенецкий и Михаил Андреев взяли на себя управление делами в Ташкентской епархии. Они решили завершить работу по организации съезда православного духовенства, начатую беглым епископом.

27 февраля 1923 года в приокзальном храме собрались все священники, отвергнувшие «новую церковь». Они решили организовать и в противовес «обновленческому» Ташкентскому епархиаль-

ному управлению создать Союз приходов Туркестанской епархии, который бы объединил силы традиционной староцерковной братии. Валентин и Михаил надеялись так оградить свою епархию от красной бесовщины.

Власти города были извещены о готовящемся съезде. Но участия в его работе не приняли, поручив чекистам негласное наблюдение. Агентурная работа была проведена мастерски, соглядатаи не упустили ни одного важного момента из происходящего на съезде. Это видно из письма, которое вручило ЧК уже через день по завершении собрания его организаторам. В письме был ответ на запрос Союза приходов о регистрации и утверждении устава.

«... видно, что группа верующих во главе с протоиереем Андреевым намерена сорганизоваться в самостоятельную единицу в форме Союза.

Союз приходов противопоставляется Епархиальному управлению. То и другое учреждение претендует на руководство верующими.

По времени Епархиальное управление возникло раньше и возникновение наряду с ним Союза приходов несомненно включает в себе признаки на оппозицию... Практическим последствием этого может быть деление верующих на группы с развитием в них антагонизма. В результате это явление переходит в сторону опасности для порядка.

При таком положении вещей, на основании пункта 6 Постановления ТурЦ ИКа в регистрации устава отказать, и таковой с момента получения сего письма полагать как юридически, так и фактически несуществующим».

Однако после закрытия Союза противостояние с «обновленцами» не прекратилось. А наоборот, усилилось. Сторонники патриарха Тихона упорно не хотели уступать и всячески обличали деятельность предателей «обновленцев» по расколу православной церкви.

Вот письмо отца Валентина Войно-Ясенецкого одному из руководителей живоцерковников Григорию Брицкому от 25 мая 1923 года: «Мы имеем сведения, что вы, Григорий, и ваши единомышленники из Ташкентского епархиального управления вступили на

совершенно недостойный священнослужителя путь репрессий по отношению к нам и нашим единомышленникам. Поэтому общение с вами, которое до сих пор бывшее для меня возможным, теперь стало совершенно невозможным. Второе, не менее важное основание к тому, чтобы прервать всякое общение с вами состоит в том, что Вы, признав Высшее церковное управление, берете на себя ответственность за все чудовищные постановления собора ваших единомышленников в Москве. С людьми, перед всем миром попирающими церковь Христову, христианское общение, конечно, невозможно.

Все-таки в последний разговор, с мукой сердечной взываю к Вам, отец Григорий, опомнитесь, сойдите с пути гибели и покайтесь перед Господом и людьми!

Думаю, что теперь последний час, когда Бог и люди могут простить Вас!

В. Войно-Ясенецкий».

* * *

Секретно. Начальнику Туркестанского
ЧК тов. Петерсу от спец.агента 15-15,
3сентября 1923 г.
Донесение.

Довожу до вашего сведения, что мною, согласно распоряжению Тур ЧКа установлено постоянное наблюдение за объектом «Мракобес» с 3 августа 1923 года.

Хочу отметить, что за отчетный период «Мракобес» регулярно, по воскресеньям, совершал в Покровском соборе поповские богослужения и выступал перед прихожанами с проповедями. В проповедях он часто высказывал контрреволюционные мысли и суждения против советской власти. Особенно «Мракобес» выступал против изъятия ценностей в пользу голодающих, а также призывал к неподчинению новому епископу живой церкви. Неоднократно в течение августа месяца замечено, что «Мракобес» призывал не посещать богослужений этого епископа. Более того, 15 числа отчетного месяца, после всенощной службы, выступая как обычно с контрре-

волюционной проповедью «Мракобес» назвал лояльного советской власти митрополита «обновленческой» церкви Николая Коблова «вепрем, лежащим на горнем месте». А на следующей проповеди 22 августа он говорил о советской власти буквально следующее: «правду попирает тот, кто, прислуживаясь к советской власти, авторитетом церкви Христовой освящает и покрывает все ее преступные деяния».

Считаю важным отметить также, что это не первый случай, когда «Мракобес» мутит прихожан подобным образом. Даже своим внешним видом он выражает протест против власти трудящегося народа. Так он демонстративно ходит в поповской рясе с крестом на груди. В таком контрреволюционном виде приходит в университет читать медицинские лекции, и не соглашается делать это иначе, как в рясе. Тем самым игнорирует законное возмущение преподавателей и студентов. Более того «Мракобес» приходит в рясе в больницу и не снимает ее на операциях, а над больными читает молитвы и крестит их. В больнице раненные красные бойцы, по моему заданию, пытались снять с врача-попа рясу и отобрать крест. На что последний оказал отчаянное сопротивление. За это красноармейцы побили его крепко, чтобы проучить, как и было задумано.

Однако, в результате такой меры воздействия, несмотря на принятые революционные меры, «Мракобес» оставил хирургическое отделение без медицинской помощи. Он отказывался исполнить свой долг и распоряжение наркомздравотдела, и вернуться на службу. В результате его преступной деятельности раненные остались без надлежащей помощи и двое из них скончались».

Яков Петерс внимательно прочитал донесение и положил его в папку, уже изрядно пухлую. Он задумался: как же поступить с бунтующим доктором-попом. Ликвидировать бы, и вся недолга. Устроить какой-нибудь несчастный случай. Но над личным мнением чекиста давлело распоряжение московского начальства – крупных царских специалистов без открытого вооруженного сопротивления с их стороны не арестовывать и не расстреливать.

Молодую власть рабочих и крестьян, нетвердо стоявшую на ногах, ждала вселенская по масштабам задача – наладить мирную

экономическую жизнь в стране. А без инженеров, врачей, финансистов, ученых сделать это было невозможно. Новой власти катастрофически не хватало образования. Но доставало природного ума, чтобы не расстреливать последнее наследство царской России. С образованными кадрами власть затеяла лицемерную политическую игру. Хитрость заключалась в том, чтобы при помощи царских специалистов вырастить новое, уже советское, поколение научной и технической интеллигенции. А уж потом провести окончательную зачистку кадров.

— Ни-и-че-го, не так-ких ломали! — вслух подумал Петерс.

Постепенно в практику новой власти войдут юридические механизмы преследования неугодных. Они заменят дикие сцены расстрелов за инакомыслие и инакословие. Нас станут ломать психологически: унижением достоинства и лишением свободы за малейшее неверное слово. По всей стране для нас будут построены специальные трудовые лагеря, обнесенные заборами с колючей проволокой. Здесь, в этих лабораториях по модернизации сознания, за пайку черного хлеба и право оставаться еще некоторое время живыми миллионы людей превратят в безголосых рабов, решающих эту «вселенскую по масштабам задачу» — налаживание экономической жизни. Эту задачу назовут красиво — светлое будущее! Оно было обещано детям и внукам этих несчастных лагерных рабов. То есть нам с вами! И вот мы в нем!..

А как видели «будущее» его измученные строители, разгибая окаменевшие спины и кашляя простуженными легкими? Вглядываясь через щели лагерного забора вдаль, что представлялось им — залитый солнцем небосклон или залитое кровью и слезами отечество?

Начальник ЧК поднялся из-за стола, подошел к графину с водой, выпил и вернулся. Венский стул заскрипел под тяжестью грузного тела. Петерс вытер ладонью губы и принялся изучать другой документ. Очередное донесение было лаконичнее первого, однако Петерс посчитал его более важным. Информация поступила от агента, завербованного из ближайшего окружения Войно-Ясенецкого, от человека, дружившего с доктором ни первый год и посвященного в подробности личной жизни врача-священника.

«Сообщаю, что после бегства бывшего епископа Туркестанской епархии Иннокентия Пустынского «Мракобес» вместе с протоиереем железнодорожной церкви Андреевым собираются устроить епархиальный съезд священнослужителей и церковных старост с целью объединить их против «живой церкви».

— А вот эт-та уже серьезно! — заерзал на расшатанном стуле начальник ЧК. — Эт-та бунт! Контрреволюция!

У Якова загорелись глаза и забилося сердце. Он давно искал предлога для расправы с попом-профессором и повод ему дал сам Валентин.

— Сук-ка! Крыс-са церковная! — Петерс шипел ругательствами. Он готов был немедленно отдать приказ об аресте врача и лично расстрелять его. Но как человек волевой Яков никогда не поддавался первому порыву чувств. Он понимал, что Ясенецкий слишком заметная фигура в Ташкенте — ведущий хирург, заведующий кафедрой медицинского института, священнослужитель. Будет вспышка недовольства. Ее, конечно, можно погасить. Но вот распоряжение Москвы относительно высокообразованных специалистов — с ним не поспоришь. И эта главная помеха для вздыбившейся гордыни чекиста, заставляла ее пока только грызть удила.

Петерс встал, кликнул дежурного и вызвал к себе начальника шифровального отдела. Затем, низко наклонившись над столом, быстро написал короткое донесение и протянул его вытянувшемуся перед ним сотруднику.

— В Москву! Срочно!

Председатель ЧК решил подстраховаться. Теперь от Москвы зависела судьба профессора и попа Валентина Войно-Ясенецкого, дерзнувшего собрать и возглавить разрозненное духовенство Туркестана. Петерс грамотно навел прицел. Он хотел получить «добро», прежде чем нажать на спусковой крючок.

Оставались делегаты съезда. Можно было тайно арестовать их всех и предотвратить собрание. Но опыт подсказывал чекисту, что лучше врагам пока не мешать. После съезда в руках ЧК окажется убийственный компромат на церковных главарей. И тогда...

Петерс вызвал начальника агентурного отдела и поставил задачу:

— Установить за-а «Мрак-кобесом» постоянную слежку. Круглые сут-тки!

* * *

— С миром изыдем! — протоиерей Михаил Андреев поднял крест и осенил прихожан знамением. Литургия закончилась, но люди не расходились. Они ждали, что сейчас выйдет отец Валентин и произнес проповедь.

Взойдя на амвон, Войно-Ясенецкий окинул мирян неторопливым внимательным взглядом.

— Сегодня, — начал он негромким ровным голосом, как говорил всегда, — братья и сестры, я хочу поговорить с вами о единстве церкви Христовой. Вы видите, что происходит вокруг церкви нашей. Тысячи храмов по всему лицу земли русской разрушены и уничтожены, а другие осквернены, а другие обращены в овощные хранилища, заселены неверующими и только немногие сохранились. Патриарх Тихон и другие признанные иерархи изгнаны. На их место власть поставила угодных ей проходимцев, которые проповедуют создание «обновленной» советской церкви, отличной от старой, традиционной, якобы изжившей себя.

Отец Валентин поправил облачение, сжал в руке крест, висевший на груди, помолчал и продолжил:

— Мы, православные, веруем во Единую Церковь. На чем основана наша вера? Конечно, на священном Писании, ибо говорит святой апостол Павел в Послании к Ефесянам, что Бог поставил Иисуса Христа Главою Церкви, которая есть тело его. Подумайте, у единой главы разве может быть много тел?

Господь сказал апостолу Петру: «Ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Он не говорил: «созижду Церкви Мои». Он сказал: «Созижду Церковь Мою» — значит, одну, единую Церковь.

Господь говорит нам о единой Лозе, корнями которой питается Церковь Его и эта Виноградная Лоза есть Он Сам.

Прихожане внимали священнику, опустив головы. В храме стояла тишина. Каждое слово из уст проповедника поднималось под своды купола, усиливалось там и возвращалось громким эхом. Речь пастыря казалась идущей откуда-то свыше и открывала сердца для трепетной благодати.

— Господь говорил о едином дворе овчем. Что же не будем верить словам Христовым? Не будем верить в то, что овчий двор, Единая Лоза — Христос? А говоря о Виноградской Лозе, Господь сказал страшные для сектантов слова. Он сказал, что будут на ней ветви засохшие, которые отломятся от этой истинной Виноградской Лозы, что их соберут, в огонь бросят и сгорят они.

Валентин снова сделал паузу. Он оглядел притихших прихожан, пытаясь узреть, понимают ли его и продолжил:

— Прочту вам еще страшные слова Христовы: « Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И не твоим ли именем изгоняли бесов? И не твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю я им: Я никогда не знал Вас, отойдите от Меня, делающие беззаконие.

Предстанут на Страшный суд и сектанты, предстанут и скажут Ему: не во имя ли Твое, собираясь, мы творили добрые дела, проповедовали Евангелие Твое? Но скажет им Господь: не знаю вас, потому что разодрали вы мой хитон, совершив величайший грех раскола церковного».

Верующие понимали своего проповедника и соглашались с ним. Судьба церкви и их личные судьбы сливались отныне в единое и неразделимое целое. Слова священника зажигали разум и чувства волнением, как искры пламени разлетающиеся от костра, они озрали тьму бездны. Падая в души, слова проповеди зажигали лампадный свет истины.

Люди расходились по домам, унося этот свет с собой. Лампады тлели и тлели в их душах. Их драгоценное мерцание уже ничто не могло задуть и погасить.

* * *

Майским утром 1923 года, когда жаркое восточное солнце еще не раскалило камни мостовых, но уже забирало от них последнюю прохладу ночи, в дверь железнодорожной церкви вошел пожилой человек. Он был невысок и сухощав, пышная с проседью борода обрамляла лицо, свисая чуть ли не до пояса.

До начала обедни оставалось больше часа и в церкви почти никого не было. Человек спросил настоятеля и представился:

— Епископ Андрей Ухтомский! Этапирован неделю назад из Уфы.

С недавних пор Ташкент стал местом высылки для неугодного властям духовенства. Почти каждый день из центральной России сюда прибывали ссыльные священнослужители. Для расселения им отделили участок земли сразу за Боткинским кладбищем. Здесь вырос целый городок из землянок и кое-как сколоченных лачуг. Местные жители быстро окрестили новый район «Шанхаем».

В Шанхае претерпевали страдания православные служители всех чинов. Определили сюда и епископа Уфимского Андрея Ухтомского.

В этот утренний час владыко самовольно покинул Шанхай и пришел в город искать связи с местным духовенством. К 1923 году поселок для ссыльных разросся до тех тысяч человек. Охранять такой лагерь и следить за заключенными у местных карателей просто не доставало сил. И обитатели Шанхая часто пользовались этой брешью. Они выходили в город, стараясь не попадаться на глаза милиции.

Епископ был принят с радостью и отслужил литургию вместе с благочинным Михаилом Андреевым и Валентином Войно-Ясенецким.

После проповеди, которую произнес отец Валентин, Ухтомский проникся к нему симпатией, высоко оценив эрудицию и ораторское мастерство иерея.

Встречи стали повторяться и отношения переросли в дружеские.

В одну из таких встреч владыко Андрей рассказал своим новым товарищам:

— Вы знаете, дорогие мои, перед арестом я встречался с Патриархом. Он назначил меня епископом Томским. Но доехать до новой епархии, — Андрей развел руками и покачал головой, — как видите, не

успел. Однако, дорогие мои, Патриарх даровал мне право избирать кандидатов для возведения в сан епископа.

Андрей понизил голос и доверительно признался:

– И если нужно, тайным образом рукополагать их.

– Принять сан сегодня – это принести себя в жертву, – высказался Михаил Андреев, – Расправа неминуема. Расстреляют или, в лучшем случае, сошлют, куда Макар телят не гонял.

– По следам Христа! – вздохнул Валентин, не обращаясь к кому-то конкретно. Обрывок его мысли был не совсем понятен, однако Ухтомский уловил суть и ответил:

– Валентин Феликсович, дорогой мой, а вы не думали о постриге? – епископ подвинулся поближе к иерею, – Вы достаточно умны и образованы, чтобы стать епископом. Я с интересом и любовью наблюдаю за вами.

От услышанного Валентин вздрогнул и умолк. На него вдруг волной накатило то чувство, которое он уже испытал однажды, два года назад, когда владыко Иннокентий предложил ему стать священником.

Валентин поправил очки и внимательно посмотрел на Ухтомского. Он вновь, как тогда, физически зримо ощутил сначала тепло, а потом жар огня через подошвы обуви. Невидимое пламя жгло ноги, будто под землей закипал страшный огонь. Он рвался наружу, как лава вулкана, готовый испепелить и церковь, и людей, находившихся в ней.

– Так и будет, если не погасить, – порассуждал Валентин сам с собою, – либо надо отойти от церкви.

– Простите, дорогой мой, что? – не понял владыко Андрей.

Валентин поделился картиной своего воображения. И в конце произнес:

– Если так угодно Бог, я – согласен!

Все повторилось, как в разговоре с владыкой Иннокентием. Смешанное чувство радости и тревоги наполнило душу. Приблизилось что-то важное, что должно было перевернуть жизнь навсегда.

* * *

Постриг – серьезнейший шаг в жизни верующего. Не имеющий силы веры, колеблющийся, не сможет шагнуть в монашество. Высшая благодать дается немногим. Она дается избирательно. Каждому из нас, православных, стоило бы спросить себя: могу ли я быть монахом? Спросите, и сразу почувствуете, какие сомнения ворвутся в душу. Десятки вопросов постучатся в разум и сердце. Оставить мир? Лишить себя всего земного, что присуще человеку? А мечты? Работа? Карьера? Планы? А близкие?

Атакованный вопросами, на которые нужно дать односложный прямолинейный ответ, разум начинает лавировать, сомневаться, прорабатывать варианты, копаться в каждом сомнении, искать лазейки, через которые можно выскользнуть из односложного решения.

Поэтому постриг – это шаг навстречу Богу для тех, чей уровень духовности выше сомневающегося мирянина. На такой шаг способна только «образованная» душа. Просто молиться Богу и служить ему – это две родственные ипостаси души, но между ними огромная дистанция. Как между звездами и глубинами моря, в которых эти звезды отражаются.

Священнослужители – это талантливые верующие. Именно талант в вере воздвигает их на такое поприще. И самые одаренные среди талантливых – монашествующие.

Валентин принял постриг у себя дома. Опасаясь ареста и расправы, решено было сделать это тайно, ночью.

Перед постригом Валентин долго беседовал с Софьей Белецкой.

– Умоляю! – со слезами просила Софья Андреевна, – ни делайте этого! Дети, университет, больница – как же все это?

– Поймите, голубушка, совесть призывает меня! Я не могу иначе! Не могу безучастно смотреть на то, что творят комиссары с церковью. На ее физическое истребление. Поверьте, сердце болит! И зовет бороться с сатанинской властью!

– Но вы уже священник, разве этого мало?

– Увы! – стараясь успокоить нареченную мать, вздыхал в свою очередь Валентин. – Увы, любезная Софья Андреевна! Я чувствую, что способен сделать большее. Потому избираю новый путь.

– Вас расстреляют! – закрыв лицо руками, нараспев причитала собеседница.

Валентин молчал. Он отнял руки женщины от ее заплаканного лица и удержал в своих.

– Вы прекрасная мать! Богом данная моим детям! Их судьба в надежных руках. Об остальном не беспокойтесь.

– Но я... вас... – встрепенулась Софья в порыве чувств и глянула в глаза Валентина, приблизив свое лицо, – я вас...

Она хотела, отбросив все приличия, признаться и сказать «люблю», но остановилась в смущении и опять закрыла лицо.

Валентин понял ее.

– Вы прекраснейшая женщина! – признался он. – Я ничуть не сомневаюсь в этом. Но... – Валентин помедлил, подбирая слова. – Но думать о нас, о себе – невозможно. Моя совесть зовет меня защищать имя Господа от поругания. Я не могу поступить по-другому.

Обряд состоялся глубокой ночью, когда дети спали в счастливом неведении наивного легкокрылого детства. Не спала лишь Софья Андреевна. Она лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому движению и шороху в комнате Валентина, и понимала, что ее безответное чувство таким и останется навсегда. Слезы лились из ее глаз, но она была рассудительна. Слезы успокаивали душу и приводили чувства в равновесие. Софья восторгалась человеком, который уходил от нее, от ее тайных надежд, уходил навсегда, уходил к Богу, унося свою любовь Ему.

На следующее утро Андрей Ухтомский написал длинное рекомендательное письмо двум ссыльным архиереям, отбывавшим срок под Самаркандом в городе Пенджикент. В письме епископам Волховскому и Суздальскому Даниилу Троицкому и Василию Зуммеру содержалась просьба рукоположить архиерея Луку с наречением титула епископа Барнаульского. Имя евангелиста Луки Андрей Ухтомский дал Валентину после долгих раздумий. Сначала он хотел

назвать его другим именем, но потом нарек Лукой, который был, как и Валентин – проповедником и врачевателем.

Ссылных епископов смущало, что Валентин не был архимандритом, а только иеромонахом и не было наречения в сан епископа. Но учитывая сложность обстановки и борьбу власти с церковью хиротония была совершена.

На войне случается, что младший офицер принимает на себя командование крупным подразделением, управлять которым в мирное время ему не по чину. Война требует талантливых лидеров, способных не растеряться в критической ситуации и повести за собой. Лидеров от природы по складу ума и характера. Именно они выигрывают в сражении. Это промыслительное действо Божие.

Ввиду невозможности отъезда в Барнаул Ухтомский предложил Луке возглавить Туркестанскую епархию. Получив согласие настоятеля кафедрального собора, в воскресенье 3 июня 1923 года, в день памяти равноапостольных Константина и Елены Лука отслужил свою первую всенощную литургию в сане епископа.

Однако тайным для Ташкентского ЧК рукоположение не получилось. уже 6 июня «Туркестанская правда» опубликовала фельетон «Воровской епископ Лука», призывая к его аресту.

* * *

– У-у-у! – студенты гудели, топали ногами и стучали по столешницам кулаками и книгами.

– Долой поповщину!

– Позор!

– Вон из университета!

– Во-о-он!!

Кто-то швырнул скомканную газету. Следом полетели разорванные конспекты лекций по хирургии. Бумажные обрывки падали на голову и к ногам человека в черной рясе и с крестом на груди. Перед беснующимися стоял профессор медицины, учитель, который пришел, чтобы дать знания и профессию детям из простонародья.

– По-зор! Па-зор! Па-зор!! – начали скандировать слушатели медицинского факультета. Ими дирижировал, взобравшись с ногами на преподавательскую кафедру, молодой человек в грубых солдатских ботинках.

Профессор казался совершенно невозмутимым. Он стоял молча, с отстраненным взглядом, словно рассматривал происходящее со стороны. Однако внутренне был напряжен.

– Как объяснить, – тревожился он, – как объяснить слепому, что такое радуга? Как объяснить глухому от рождения, что такое музыка?

Учитель жалел молодых людей. Жалел искренне. В голове вертелись слова из Писания: «Если Господь хочет наказать человека, он лишает его разума». Воистину, так!

Валентин что-то произнес, пытаясь вразумить своих студентов. Но это лишь добавило поленьев в костер негодования. Новый припадок гнева обрушился на священника с ревом и воплями.

– Предлагаю принять резолюцию нашего собрания, – заглушая толпу, орал во всю глотку обладатель солдатских ботинок. Он достал из кармана сложенный лист бумаги, заранее исписанный.

– За открытое контрреволюционное поведение профессора Войно-Ясенецкого мы, студенты первого красного факультета медицины, требуем. Первое: лишить вышеозначенного профессора права преподавать в университете. Второе: выгнать из университета вышеозначенного гражданина, лишив его ученых званий. Третье: поставить в известность о решении собрания слушателей красного медицинского факультета органы ЧК – ГПУ для принятия мер со стороны революционной власти Советов.

– Все согласны? – заглушая шум и аплодисменты, вещал самозванный председатель собрания.

– А-а-а-а!! – заголосили студенты.

– В ЧК его!

– Даешь справедливость!

– Долой!

– Да здравствует красная медицина!

Лекция была окончательно сорвана. Валентин вышел из аудитории, так и не найдя ответы на свои внутренние переживания. Он шел по коридору и с каждым шагом в сердце все громче стучались слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны вы, когда будут вас гнать и злословить во имя мое...».

Руководство университета отклонило «резолюцию» слушателей медицинского факультета. Однако Валентин написал заявление и оставил университет. На последнем научном совете он сидел в рясе и с крестом. С этой поры больше никогда не снимал облачение. Даже в больнице, надевая белый халат поверх рясы. Впрочем, и больницу он тоже решил оставить, чтобы отдать все силы проповеди, обличая «обновленцев» и власть, поддерживающую раскол в церкви.

С этой поры смерть в личине ЧК пошла за новым епископом по пятам, дыша ему в затылок. Она убыстряла шаги, догоняя, и протягивала руку, чтобы схватить. Валентин чувствовал холодное дыхание за спиной. Он знал, что расправа неминуема и жил в ожидании развязки.

Через несколько дней после событий в университете, сидя поздно вечером за рабочим столом, один, в пустой квартире, Валентин представил сцену своего ареста и расстрела.

— И что останется верующим людям? — спрашивал он себя. Захотелось высказать что-то самое важное и главное, чтобы его последние слова запомнили. Рука потянулась к бумаге. Епископ положил перед собой чистый лист и озаглавил его «Завещание». Потом подчеркнул заголовок и стал писать: «К твердому и неукоснительному исполнению завещаю вам: неколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас.

Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попущением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего. Внешностью богослужения не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученными Богом от храмов и отвергнутыми в голод слышания слова Божия. С вепрем и его прислужни-

ками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ним.

Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всем ей смиренно подчиняться...».

Валентин прервал написание и задумался, глядя в темное ночное окно. Перед ним открывалась новая неведомая страница его жизни, такая же непроглядная, как ночь. Быть может эта страница – последняя.

* * *

А в лагере безбожников события в этот день развивались своим чередом.

– Вызывали, Яков Христофорович? – в дверь кабинета начальника ЧК просунулось улыбочиво-настороженное лицо редактора «Туркестанской правды» Горина. Было видно, что он напуган, но прячет свой страх под широкой улыбкой, натянутой через все лицо, от уха до уха.

Улыбался Горин всегда. Здороваясь, при встрече, выступая с трибуны, в очереди в спецстоловой Совета народных депутатов, куда имел пропуск. Горину хотелось выглядеть вежливым и добродушным, располагающим к себе. Эти профессиональные качества, по мнению редактора, необходимы газетчику, как воздух. Без них не разговорить человека, не раскрыть его, а значит и статьи толковой не написать. Но застывшая маска покладистого добрячка делала лицо газетчика глуповатым и вызывало легкую неприязнь.

Колкий, цепляющий взгляд чекиста, брошенный, как выстрел, из-под упавшей на лоб шевелюры, привел Горина в замешательство. На онемевших ногах он проследовал в указанное место и, глубоко вздохнув, придавил тощими ягодицами краешек стула.

Петерс был погружен в бумаги и размышления и казалось не обращает внимания на вошедшего. Перед ним лежала шифровка из Москвы, ответ на недавний запрос об аресте Луки Войно-Ясенецкого.

– Щас! – бросил чекист и снова метнул взгляд на гостя. – Минуточку!

Петерс еще раз пробежал глазами по бумаге. «Подготовить материалы для высылки Войно-Ясенецкого из пределов Туркеспублики, для устранения как главаря староцерковников, продолжающего демонстрации неповиновения своими службами, вопреки установленных новых правил и пользующегося известным авторитетом. Об исполнении доложить для дальнейшего административного надзора».

Дальнейший административный надзор предполагал сопровождение «новоявленного» епископа в Москву, где будет принято окончательное решение о «мерах пресечения».

Начальник ЧК неторопливо перевернул документ, закрыл папку и, молча разглядывая газетчика, стал перевязывать шнуровку.

Горин лихорадочно соображал, зачем его вызвали в ЧК, да еще к самому председателю. Он перебирал в голове все свои поступки и слова за последние дни, ища прокол в поведении.

– Неужели я сделал ошибку? Где? – редактор вспотел от мучительных размышлений. Подозрение к самому себе бегало холодком по спине. – Это конец! – Горин ощутил такую тоску, что хотелось завять и выброситься в окно.

– Тут вот как-кое дело, това-ариш Горин, – спокойный голос чекиста привел редактора в чувства, как ведро ледяной воды. Его лицо вытянулось, изображая внимание. А слово «товарищ» отпустило удавку на замеревшем сердце и оно забилось легче и ровнее.

– Над-до одного контррев-волюционера проп-песочить в газт-те. Показа-ать людям истинное лицо-о буржуазного недобитка. Сможете?

Горин закивал головой:

– Не сомневайтесь! Сможем! Пропесочим!

– Вот и хар-рашо!

– Петерс прошел в угол кабинета, достал из сейфа несколько бумаг и протянул их редактору.

– Ознакомьтесь. Эт-та поможет в работ-те.

Горин привстал и с готовностью принял документы.

Через несколько дней в «Туркестанской правде» появился фельетон «Воровской епископ Лука». Вот он перед вами.

«Жарко облобызав десницу бывшего Андрея Ухтомского, Войно-Ясенецкий в награду заполучил от него назначение викарием Томской епархии под именем епископа Барнаульского. Рукоположения же поехал он искать в богоспасенный город Пенджикент, где в ссылке томятся два других воровских архиерея Василий и Даниил. Эти воровские архиереи чисто воровским образом в Пенджекенской часовне без народа, без свидетелей и рукоположили честолюбивого Валентинушку в воровского епископа Луку. Как назначение, так и рукоположение «Валентинушки» есть действие абсолютно незаконное, как произведенное ссыльными неправомочными архиереями и вне пределов собственных епархий.

На этом дело не исчерпывается. Сделавшись фиктивным викарием ссыльного епископа Андрея и не имея возможности показать своего носа ни в Томске, ни в Барнауле, где его встретили бы как воровского архиерея, наш хитрец Лука решил свить себе епископское гнездышко в Ташкенте.

И вот 3 июня (1923 года), в воскресенье, он предстал в кафедральном соборе изумленному народу и поведал, что хоть он собственно епископ Барнаульский, но так и быть, ради благочестия местных кликуш и усердия славных Воскресенских спекулянтов согласен остаться в Ташкенте, аще то благоугодно будет соборным кликушам и спекулянтам. Крики – «аксия» – «согласны» – были ему ответом. И таким образом Валентинушка Ясенецкий мечтает сделаться потихоньку Ташкентским и вся Туркеспублики архиереем».

Заканчивался фельетон недвусмысленной угрозой расправиться с «воровским епископом».

Горин поставил свою подпись и довольный передал фельетон в типографию для набора.

* * *

Заканчивал завещание и епископ Лука:

«Властью преемства апостольского, данного мне Господом нашим Иисусом Христом повелеваю всем чадам Туркестанской церкви строго и неуклонно блюсти мое завещание. Отступающим от него и входящим с вепрем в молитвенное общение угрожаю гневом и осуждением Божиим».

Епископ подписал завещание и поставил дату: «Смиренный Лука. 10 июня 1923 года».

Он отложил перо и откинулся в кресле, заложив руки за голову. Потом встал и отнес написанное к Софье Сергеевне, отдав ей необходимые распоряжения на случай своего ареста. Белецкая расплакалась. Валентин обнял ее и стал утешать, уверяя, что это простая предусмотрительность и ничего страшного с ним не случится. Так они стояли посреди комнаты, не выпуская друг-друга из объятий. Все было сказано. Но их души не молчали, они продолжали говорить и говорить между собой. Обо всем. Не таясь. Откровение делало их родными и не давало разжать руки.

Вдруг в двери дома раздался требовательный стук. Вошли вооруженные люди. Валентин встретил их словами:

— Я готов!

Он вышел в сумерки ночи, оставляя за спиной все, чем жил доселе: дом, детей, привычную работу, любимую церковь. Сердце сдавила тревога — что дальше? Страх в душе сгушался, как ночная темнота на знакомой улице. Но это не был страх перед людьми, грубо толкавшими его. Это был страх перед новой жизнью, которая ждала его после неминуемого расстрела и смерти, страх неизвестности, в которую он входил через железную дверь арестантского автомобиля. Острая грань между «тут» и «там» больно давила своим острием, готовым рассечь и разделить тело и душу.

— Укрепи меня, Господи! — Валентин повторял и повторял молитву и наблюдал свои чувства разумом ученого, привыкшего анализировать факты и события, отыскивая духовные критерии в их оценке. И как спасительный ответ в голове прозвучали слова евангелиста Луки, имя которого он теперь носил: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать, но скажу вам кого

бояться. Бойтесь того, кто по убиении может свергнуть в гиенну. Ей, говорю вам, того бойтесь».

Эта мысль, эти слова враз заполнили все внутреннее пространство в душе епископа. В одночасье в ней не стало ничего, кроме евангельского откровения. В бездну души хлынул божественный свет. Прочитанное ранее ни раз, и ни два это откровение только сейчас рождало ослепительный свет, как восход солнца рождает новый день. В душе поднималась заря, а вместе с ней радость вечной жизни. Сумерки же таяли, растворялись и исчезали без следа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

– Ну, расска-азывай! – за столом, напротив арестованного Луки сидел, развалившись, довольный Яков Петерс. На широком мясистом лице чекиста играла усмешка.

– Что рассказывать? – Валентин поднял глаза.

– О свя-азях с английской развед-ткой. Фамил-лия Бейли тебе знаком-ма? – Петерс произносил слова с наслаждением, смакуя каждое.

– Вы это серьезно, Яков Христович?

– Гражданин комисса-ар, – поправил арестованного чекист.

– Гражданин комиссар, – извинился Лука, не отводя взора от лица Петерса, на котором то и дело играли мимические мышцы. Они прятали усмешку и делали лицо то гневным, то суровым.

– На-ами установлено, что ты сотрудничал с представит-телем дипломат-тической английской миссии. С его главой Бейли.

Вдруг Петерс перешел на «вы» и резко бросил:

– Признает-те этот факт, гражданин поп?

– Нет, не признаю!

– Та-ак! – Петерс наклонился над столом, грозя раздавить его своим широким туловищем.

– А в свя-азях с оренбургскими казак-ками? – сверлил чекист допрашиваемого колким взглядом.

– С кем?! – от неожиданности святитель поперхнулся.

– Казак-ками? – мимические мышцы на лице комиссара заиграли с новой силой, растягивая злорадную усмешку. Глаза чекиста сузи-

лись и заблестели. Он издевался над арестованным и не скрывал своего удовольствия от этого.

— С казаками? Но, позвольте, зачем? Для чего? — святитель удивлялся все больше выдвигаемым обвинениям.

— Здесь вопрос-сы задаю я! Понял? — снова перешел на «ты» начальник ЧК. Он громыхнул своими тяжелыми кулаками, уложив их на стол, как две булавы, и стал сжимать и разжимать пальцы. Лицо чекиста искривил гнев, но он старался вести допрос бесстрастно, как ему казалось.

— Вы зна-али, что в Фергане стоят английские ок-купационные войска? — вкрадчивым голосом, почти без акцента обратился чекист.

— Да, знал, и...

Петерс не дал святителю договорить, перебил и ответил за него.

— И стремился обеспет-чить поддержку контрреволюционному казат-честву со стороны Англии, наладив конта-акты с английской разведкой.

Святитель был ошарашен обвинением. Он развел руками, не находя слов, и лишь воскликнул, привстав от удивления:

— Позвольте!...

— Не позволя-аю! — чекист стукнул по столу. — Сидеть!

Валентин опустил на привинченный к полу табурет, качая головой от изумления.

— Не тряс-си башкой, поп! Отвечай на вопрос-сы! — атаковал Петерс, видя замешательство профессора. Он помнил, как на суде по делу врача Ситковского Валентин заставил его растеряться. И теперь мстил, загоняя в тупик своего врага.

— Бред какой-то! Кошмар! — епископ развел руками. — Все, что могу ответить вам!

Петерс встал из-за стола и подошел святителю, сжимая кулаки:

— Ты буд-тешь говорить! — заорал он, впереv ледяной взгляд в лицо священника. — Вша-а церковная!

Валентин вскинул голову и глянул на чекиста. Тот замахнулся. Священник поднял руки, скрестив их для защиты от удара. Но удара не последовало. Петерс разжал кулаки, разминая с хрустом пальцы. Вернулся за стол. Он порылся в письменном ящике и достал пухлую

коричневую папку. Стал перебирать бумаги, лежавшие в ней. Потом потряс ими в воздухе, словно взвешивая:

– Вот у нас... на тебя-а... – и бросил бумаги обратно. – Молись теп-перь своему Бог-гу!

– Позвольте вопрос, гражданин комиссар! – волнение Валентина улеглось и он стал выстраивать умозаключения рассудительно, как делал это всегда над операционным столом, стараясь не допустить малейшей ошибки.

– Позволяю! – Петерс вскинул пушистые брови, нависавшие над глазами, как распластанные крылья ворона.

– Как я мог шпионить в пользу Англии и устанавливать связи между Ферганой и Оренбургом, если никуда не выезжал из Ташкента ни разу с семнадцатого года?

Крылья ворона сошлись у переносицы и застыли в раздумье.

– Эт-та не важно, – бросил наконец Петерс.

– Не важно?

– Не-эт!

– Тогда как же я связывался с мятежниками? Голубиной почтой, что ли?

– Бейли са-ам бывал в Ташкенте. Миссия Красного Креста-а, – напомнил Петерс спокойным голосом.

– Но с Красным Крестом сотрудничал наркомат здравоохранения. Я лично никаких сношений с волонтерами не имел.

– Вранье! Ты оп-перировал англичанку, мисс... как ее... эт-ту...

– Петерс пощелкал пальцами. – Э-э-э...

– И на этом основании вы записали меня...

– Вот что! – парировал начальник ЧК, стукнув по столу, призывая арестованного замолчать. – Получ-чено распоряжение из Москвы, – переменял тон чекист. – Москва-а буд-тет решать, что с тобой дел-лять. До вечера посидишь в кам-мере. Ночь на сборы. Утром тебя посад-тят на поезд.

Валентин попытался о чем-то спросить, но Петерс остановил его жестом, давая понять, что разговор окончен.

Он кликнул часового и приказал увести арестованного.

— Мол-ли своего Бог-га, чтобы он спа-ас тебя от московских чекистов, — рассмеялся Петерс вослед святителю, довольный своим остроумием.

Домой Валентин вернулся затемно. Несмотря на поздний час в окнах мерцал свет. Его ждали. Каким-то чудесным образом стало известно, что святителя утром отправляют в Москву. В доме было полно народа. Проститься с доктором и проводить его пришли почти все сотрудники больницы, многие прихожане из уцелевшей интеллигенции, как букинист Иван Павловский, снабжавший святителя духовной литературой. Ночь пролетела в разговорах и сборах в дорогу.

К утру возле дома епископа собралась толпа. Проводить пастыря пришли прихожане со всего Нового города, русской части Ташкента. Тут же крутились милиционеры, прозевавшие собрание. Они орали на людей, требуя немедленно разойтись, и грозили расправой.

Святитель вышел, чтобы отправиться на вокзал. Люди обступили его, прося благословения.

— Прекратить! — горланили милиционеры и расталкивали горожан. Но их не слушали. Скрестив руки, прихожане спешили к владыке.

— Храните верность церкви Христовой! Не давайте разорвать хитон Господа нашего! Не усугубляйте раскола! — напутствовал архиерей.

Кто-то в толпе украдкой распространял отпечатанное ночью на машинке завещание святителя. Листки бумаги передавались из рук в руки и исчезали в карманах, как драгоценная находка.

— Идите в храмы, где служат достойные иереи! — осенял епископ толпу крестным знамением.

Кто-то из милиционеров выстрелил в воздух. Горожане в замешательстве стали озиаться и отходить от пастыря. Милиционеры пробрались к Валентину и, окружив, повели на вокзал.

Поредевшая толпа смиренно шла следом. Но на вокзале провожающие снова заволновались. Они сошли на рельсы перед паровозом и сели на них, не желая отпускать своего пастыря.

Раздался гудок, второй, третий... А паровоз все стоял, выпуская клубы пара и не трогался с места. Машинист требовательно сигналил и орал матом, высунувшись из окна паровозной кабины. Милиция была вне себя, бегая вдоль вагонов, разгоняя людей ударами прикладов и сапог.

Сидя в вагоне, владыко не видел происходящего снаружи. Глубоко погруженный в свои мысли, Лука думал о том, что уготовано впереди. Он снова ощущал страх перед острием той грани, что должна была скоро рассечь душу и тело.

Когда поезд наконец тронулся и мимо окон поплыли купола железнодорожной церкви, епископ припал к стеклу и смотрел, не отрываясь. На куполах, искрясь, играли лучи восходящего солнца. Церковь сияла. По щеке святителя скатилась слеза. Он вздохнул, прощаясь со своей обителью.

— О, мать моя, святая поруганная церковь! — шептали его губы. — Ты сияешь светом правды!

Валентин повторял и повторял, как молитву, не отрываясь от облитого утренними лучами храма:

— Ты сияешь светом правды! Ты сияешь светом правды!

Святитель так просил Господа укрепить душу и тело. И чувствовал врачующее проникновение благодати Святого Духа в раненное сердце.

Поезд набирал ход, выбираясь из Ташкента. Купола просияли в последний раз и скрылись из вида. Епископ отвернулся от окна и прикрыл лицо рукой, чтобы никто не видел его слез.

* * *

В Москве Валентина ждал сюрприз, скрасивший тягостное настроение. На первом же допросе ему предложили:

— Вы известный ученый, профессор, зачем вам вся эта поповщина? Сбрасывайте рясу и будете жить в столице, преподавать в университете. Советская власть крайне нуждается в специалистах такого масштаба.

— Поповщина, как вы изволите ее называть, — возразил Лука, — это религиозно-мистическое сознание целого народа. Тысячу лет Рос-

сия следовала заповедям Господа нашего. Она жила во имя православия, благодаря православию, и продолжает надеяться на него в тот момент истории своей, когда вы топчете веру народа, истребляя ее служителей. Как же я могу перейти вам?

— Неужели мракобесие вам дороже науки? — не унимался молодой дознаватель, искренне недоумевая. — Мы даем вам возможность преодолеть свои заблуждения и стать полезным гражданином новой страны.

Тут из-за перегородки, разделявшей комнату для допросов, вышел другой чекист. При его появлении дознаватель, беседовавший с Лукой, вскочил и вытянулся. Вошедший, как догадался Валентин, незримо участвовал в допросе, подслушивая за перегородкой, и пришел на помощь молодому коллеге.

— Так кто вы советской власти: друг или враг? — спросил он тонким голосом. Старший чекист присел на край стола, поправляя пенсне на большом горбатом носу. Он с любопытством стал разглядывать арестованного.

— И друг, и враг, — смело ответил святитель.

— Как прикажете вас понимать? — горбоносый ткнул пальцем в пенсне. — Извольте объясниться!

— Если бы я не был христианином, то вероятно стал бы коммунистом. Но вы возглавили гонение на христианство и поэтому я не друг вам.

Горбоносый слез со стола и прошелся по комнате. Затем вернулся к собеседнику и посмотрел на него умным изучающим взглядом.

— Вот вы, как священник за идеалы добра и справедливости? И мы за свободу, равенство и братство. Разве эти постулаты не соответствуют духу Евангелия?

Чекист спрашивал, но не дожидался ответа, а развивал свою мысль:

— Учение теоретика пролетарской революции Карла Маркса и Христа разве не совпадают? Разница между нами лишь в том, что вы зовете к справедливости проповедью, а мы — конкретными делами. Ваши призывы к справедливости опираются на слова, наши — на силу и решимость угнетенных масс. Послужите и вы высшей спра-

ведливости конкретными делами. Наукой! — чекист выделил последнее слово звонким восклицанием.

Он внимательно посмотрел на святителя и предложил:

— Подумайте, уважаемый профессор! А в подтверждение нашего расположения к вам вот... — горбоносый сел за стол и стал писать. — Вот вам разрешение неделю жить в Москве. Не выезжая, — уточнил он, — Через неделю сообщите нам о своем решении. Договорились?

Чекист протянул святителю бумагу. Лука взял мандат, бросил взгляд на подпись: «Член коллегии ВЧК Григорий Закс».

— Жду вас двадцать третьего октября к двенадцати. Не опаздывайте, пожалуйста. Надеюсь, вы понимаете серьезность вашего положения. А сейчас можете идти. Вы свободны. Будете проживать по указанному адресу.

Валентин попрощался и поспешил уйти.

— Думаете, согласится? — младший дознаватель высказал свое сомнение.

Горбоносы пожал плечами:

— Поживем — увидим. Хорошо бы склонить на свою сторону.

— А я считаю, враг он и есть враг, товарищ комиссар. Контра! Чего с ним миндальничать? Законопатить в глухомань сибирскую, пусть там посидит — подумает соглашаться или нет.

— Эта «контра», дорогой мой товарищ, делает такие медицинские операции, что местным академикам и не снились. С кем останемся, если всех «законопатим»? Он в Ташкенте ни одну сотню красноармейцев с того света вернул. Такие нужны нам, как воздух, пока у нас не появятся свои профессора, из пролетариата. Лично Дзержинский распорядился поработать с ним. Понятно?

— Так точно!

— А законопатить всегда успеем. Был бы человек хороший, а статья найдется, — съерничал чекист и звонко рассмеялся.

— Наблюдайте за ним круглосуточно, — закончил он разговор.

На указанной для проживания квартире епископа ждал еще один сюрприз. Дверь открыл протоиерей Михаил Андреев, арестованный в Ташкенте в один день с Валентином. Друзья обнялись и принялись расспрашивать друг-друга.

— Кстати, — рассказал благочинный отец Михаил, — я побывал в Даниловом монастыре у Патриарха. Его освободили из-под ареста.

Услыхав эту новость, Валентин начал молиться, произнося благодарение за всякое деяние Божие.

— Слава Тебе, Боже Всещедрый! — перекрестился он и вздохнул с облегчением. — Какая прекрасная новость! Я сей же час иду в Данилов монастырь!

За неделю Лука дважды встретился с Патриархом Тихоном. Они долго беседовали. Патриарх благословил святителя продолжать занятия медициной и пригласил совершить богослужение с ним.

Высший иерарх оставался верным старой русской православной церкви, о которой горячо говорил в своей очередной проповеди святитель Лука, епископ Туркестанский.

Через неделю арестованный явился на Лубянку.

— Валентин Феликсович! — от широкой улыбки горбатый нос Григория Закса опустился до губы и стал похож на клюв орла, занесенный над добычей. — Медицинская кафедра ждет? — спросил он, предвкушая ответ.

— Я могу принять ваше предложение при одном условии, — начал Лука.

— Условию?! — удивился комиссар. — Интересно будет узнать.

— Если я сохраню сан, и мне будет позволено совершать богослужения.

— Условие, значит! — повторил чекист. Улыбка сошла с его лица и оно стало озабоченным. Закс нервно задергался и звонко произнес:

— Коммунизм и религия — две вещи несовместимые! Так что давайте без условий!

— На прошлом допросе вы, гражданин комиссар, утверждали, что учение Карла Маркса и Христа совпадают. А теперь говорите, что коммунизм и религия несовместимы?

— Я говорил о высшей социальной справедливости и ее соответствии духу Евангелия. Помнится, вы согласились со мной? Так?

Ответ святителя на этот вопрос комиссара мне хочется привести дословно, процитировав стенограмму протокола допроса: «... я тоже полагаю, что очень многое в программе коммунистов соот-

ветствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия. Я тоже полагаю, что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом перед правдой Христовой, если бы своим епископским авторитетом одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод. Мой священнический долг учить людей тому, что свобода, равенство и братство священные, но достигнуть их человечество сможет только по пути Христову – пути любви, кротости, отвержения от себялюбия с помощью нравственного совершенствования. Учение Иисуса Христа и Карла Маркса – это два полюса, они совершенно несовместимы и поэтому Христову правду попирает тот, кто, прислушиваясь к Советской власти, авторитетом церкви Христовой освящает и покрывает деяния ее...».

Григорий Закс прервал святителя:

– Хватит демагогии! – голос чекиста зазвенел. – Кто ни с нами, тот против нас! Оригинальный, однако, текст приговора вы произнесли себе сейчас.

Дежурный дознаватель выглянул в коридор, кликнул конвойного и, кивнув в сторону епископа, приказал:

– В Бутырку его!

Сердце Луки билось ровно. Он сделал свой выбор. Еще в Ташкенте. А сегодня лишь обменялся с вершителями судьбы очередным ударом на удар.

Когда епископа увели, Закс поднял трубку телефонного аппарата.

– Дзержинского! – попросил он телефонистку.

– Определите к высылке в Нарымский край, – услышал комиссар вскоре, – посмотрим, будут ли его жаркие южные убеждения такими же стойкими на морозе в тайге.

Сырым октябрьским вечером, уставшим от мелкого нудного дождя, святителя втолкнули в арестантский вагон к уголовникам. Началась долгая дорога в ссылку. Только через два с половиной месяца, через пересыльные тюрьмы Тобольска, Омска, Новониколаевска, Красноярска, 28 января 1923 года Валентин прибыл к месту ссылки в город Енисейск.

В начале двадцатого века Енисейск, разросшийся после «золотой лихорадки Сибири», был довольно крупным уездным городом – центром добычи пушнины и рыбного промысла.

Город был основан отрядом тобольских казаков, как острог, более трехсот лет назад. С тех пор долгие годы через него шло движение землепроходцев на восток и юг. В основном это были ссыльные каторжане. Они расселялись по всей Сибири. Многие заводили семьи и оставались здесь навсегда. Так год за годом, столетие за столетием русские осваивали безбрежное пространство дикой тайги.

К 1917 году в Енисейской епархии функционировало более пяти-сот храмов, включая домовые церкви, молитвенные дома и часовни. На территории епархии работало двадцать церковно-хозяйственных предприятий, воскресные школы, братства, благотворительные учреждения.

После опустошительного пожара, случившегося в 1869 году, когда уцелела едва седьмая часть построек и единственная каменная Успенская церковь, город заново отстроился. Были воздвигнуты Богоявленский собор, Кресто-Воздвиженская, Троицкая, Преображенская, Воскресенская, Выходо-Иерусалимская и Спасская церкви.

Благодаря этому возрожденный Енисейск укрепился в административном отношении и бурно развивался.

Но к моменту приезда Луки церкви были закрыты большевиками, а кафедральный собор передан «живоцерковникам».

Страшная волна богоборчества катилась и по сибирским рекам, окрашиваясь кровью страдальцев, рискнувших встать на ее пути. Так в Троицкой церкви Енисейска коммунисты устроили гараж народного комиссариата, в Воскресенской цех механического завода, в Иверской – клуб, в Успенской разместили спецпоселенцев.

Непокорных священнослужителей города расстреливали. Так были убиты иереи Александр Поливанов, Амос Иванов, Владимир Фокин, Дмитрий Неровецкий. Иоан Пригоровский, Михаил Вологодский, Михаил Каргаполов, Николай Силин, Порфирий Фелонин, Трофим Кузнецов Стефан Семенченко.

Это лишь один из бесчисленных фактов изуверства новой власти в ее богоборчестве. После расправы над старыми церковниками в Енисейскую епархию прибыл «обновленческий» епископ Александр Сидоровский, на место устранившего канонического Назария Андреева.

Неся потери, жертвуя собой, верные служители енисейской церкви упорствовали и не сдавались. После приезда «живоцерковного» епископа они организовали группу «Возрождение» для борьбы с «обновленцами» и вели пропаганду против советской красной церкви. Борьба сопровождалась большими крестными ходами с чудотворными иконами, проведением агитации, созывом нелегальных собраний, неуступчивостью в передаче

церковных кафедр, доходившей до прямых столкновений между «новыми» и «старыми» священнослужителями.

Присланные из Москвы для борьбы с тихоновцами чекисты хватались за головы. У них не доставало сил погасить сопротивление. Местные же шли в ЧК неохотно, опасаясь мести земляков. И эти страхи не были пустыми.

Из-за раздора хозяйственная церковная жизнь пришла в упадок. Содержание общин, духовенства, канцелярий благочинных оскудело. Случаи неподчинения церковному руководству, отказ от сана стали носить массовый характер. Увеличилось число автокефальных приходов, не желавших признавать не только какие-либо новые течения, но и старые церковные власти. Одним словом под ударами сатанистов церковная жизнь разваливалась и затухала.

В такой обстановке в Енисейске появился ссыльный архиерей Лука.

* * *

15 февраля в день Сретенья Господня рано утром над городом зазвонили колокола. Переливаясь и вздрагивая, они робко проверили свои голоса, молчавшие уже четыре года. Сначала вразнобой, словно распеваясь и подстраиваясь один к другому, потом слились в унисон и заголосили радостно и призывно. Первым всколыхнул

небо благовест – самый большой из колоколов, мерно ударяя тяжелым языком. В такт ему выстроили разноголосые переливы подзвонные колокола. Последними, создавая в мелодической линии напряжение, взял самые высокие ноты зазвонный маленький колокол. Он вел недолгую сольную партию и уступил ее благовесту. Потом их партитура повторилась под аккомпанемент всей звонницы.

Колокола взбудоражили город. Люди не верили своим ушам и выбегали на улицы.

- Что случилось? – спрашивали прохожие друг у друга.
- Кажется на Преображенской, – невпопад отвечали некоторые.
- Кто звонит?
- Какой-то ссыльный архиерей!
- Новый?
- Да, с Ручейной!
- Из каторжного барака?
- Ага! – утвердительно кивали знатоки. – Этапирован месяц

тому...

Все больше людей появлялось на улицах. После расстрелов девятнадцатого года, обыватели предпочитали отсиживаться по домам. Но сегодня город враз ожил. Кто-то радостный бежал в сторону церкви, позабыв про все на свете. Кто-то стоял, прислушиваясь. Кто-то ожидал выстрелов, которые заставят колокола умолкнуть. Скоро улица была запружена взволнованными людьми. Такого количества прихожан Енисейск не видел давно.

Переполошившиеся обыватели приходили в себя и двигались к разоренному Спасскому монастырю, к единственной уцелевшей в городе церкви. Толпы мирян текли шумно, выражая забытую радость криками, славящими Бога. А колокольный звон все разливался, наполняя сердца забытой радостью и благодатью.

Начиналось торжественное праздничное богослужение.

Ночью Луку забрали в комендатуру.

– Кто разрешил тебе служить тут? – набросился на него начальник милиции Демид Скурихин. – Прислали на мою голову! Я из тебя эту дурь-то повышибу!

— А кто запретил служить? — возразил Лука. — Разве нам запрещено молиться Богу? Я подчиняюсь только ему и пат...

Епископ не закончил фразу. Неожиданный удар в челюсть сбил святителя с ног. Его стали пинать.

Лука молчал, вздрагивая от ударов всем телом. Он даже не издавал стонов. Только прикрывал глаза. Мелькнула мысль: это со мной уже было. В памяти всплыла ташкентская больница, злобные лица пьяных красноармейцев, которых он выхаживал после ранений и которые по заданию Петерса устроили похожую расправу над главврачом.

— Упертый, сука! — услышал Лука сквозь звон в ушах.

— Обломаем! — тяжело дыша, кряхтел кто-то.

— Тварь церковная! Сдохнешь здесь, если еще хоть раз... — на святителя плюнули. Потом еще.

В следующее воскресенье небо над Енисейском вновь наполнилось колокольным звоном. Мятежный епископ собирал верующих на очередную литургию. Однако архиерея больше не тронули. Слухи о его избиении расползлись по городу. Люди негодовали. В адрес властей посыпались угрозы. Местные промысловики и охотники имели оружие, несмотря на запрет. Их вызывающее поведение было для милиционеров небезопасным. Скурихин струсил. Карательных отрядов в городе уже не было. После зачистки девятнадцатого-двадцатого годов красноармейцы из дивизии внутренней службы ушли в Красноярск. И хотя в распоряжении Скурихина оставалось до полсотни конных ополченцев из местных крестьян, прятаться за спинами мужиков, в душе не порвавших с Богом, было опрометчиво.

В Красноярск начальнику ЧК по восточной Сибири комиссару Вольфраму полетела срочная депеша от председателя уездного исполкома Федора Бабкина: «Довожу до вашего сведения, что при-
сланный на поселение для отбытия наказания профессор В.Ф. Ясенецкий-Войно, он же архиерей Лука, самочинно, без позволения открыл Иверскую церковь на подворье бывшего

мужского монастыря и возобновил богослужения. При этом Луки ведет активную пропаганду против лояльной к власти «живой»

церкви, запрещая прихожанам идти на богослужения в Успенский собор к обновленческому епископу.

Хочу отметить, что контрреволюционная агитация вышеозначенного Луки возымела действие и прихожане все до одного оставили обновленческий собор.

Также бывший буржуазный профессор не стесняется в выражениях в сторону власти рабочих и крестьян, называя ее «богом данной в наказание за грехи».

Лука быстро завоевывает доверие политически неграмотных промысловиков и колеблющегося элемента. Рост влияния вышеозначенного Луки угрожает свести на нет усилия местной народной власти по укреплению новой коммунистической живой церкви.

Жду ваших указаний к дальнейшему исполнению административного надзора над В.Ф. Ясенецким-Войно (он же Лука)».

Кому-то может показаться странным, почему власти Енисейска отступили перед епископом, ожидая вердикта от своего начальства. Дело не только в нехватке милицеских сил против населения.

Для строительства «новой» жизни по всей стране искали остатки образованных специалистов, особо подчеркивая в секретных документах «необходимость лояльного отношения к ним». Кухарки не справлялись с управлением государством. Тут их вождь Ульянов-Ленин, утверждая, что «каждая кухарка будет управлять государством», надо признать, дал маху. Перед работой, которая требовала интеллекта и специальных знаний и навыков, «кухарки» стояли с разинутым ртом от растерянности, как над кастрюлей, из которой сбегает кипящее молоко.

Поэтому в состав того же ревкома Енисейского уезда уговорили войти,

«проявляя» всяческую «лояльность» ссыльного бухгалтера Отто Гюбнера,

германского подданного. Срочно амнистированный политзаключенный

Алексей Петрович Иванов возглавил жилищно-земельный отдел. А

секретарем финансового отдела революционного комитета уговорили

потрудиться вообще «контру» – бывшего секретаря бывшей царской земской управы.

Так возвращали многих, случайно выживших в кровавой мясорубке, устроенной большевиками для «бывших» специалистов. И не только в Енисейске.

Вот протокол заседания Московского ревкома от 3 апреля 1920 года. В нем черным по белому записано: «Слушалось телеграфное сообщение губернского отдела юстиции о том, что в Красноярске не имеется кандидатов в народные судьи. Постановили: на должность народного судьи назначить бывшего царского мирового судью Александра Михайловича Шмуклера. Предложить тов. Шмуклеру немедленно вступить в отправление должности».

О проблемах с медицинскими работниками в Енисейском уезде вообще говорить не приходится. Таких работников считали на пальцах одной руки. А в уезде свирепствовали тиф, трахома, сифилис, Беспомощность власти перед эпидемиологической ситуацией хорошо иллюстрирует постановление ревкома от 1 марта 1920 года: «предложить циркулярным распоряжением приять все меры к выполнению населением санитарных правил...».

Святитель чувствовал слабость комиссаров и... атаковывал. Однажды он пришел в Енисейскую больницу:

– Я профессор Ташкентского университета. В монашестве мое имя Лука. Прошу позволения оперировать. Не зарплату получать, а о-пе-ри-ро-вать, – тщательно выговорил архиерей оторопевшему от изумления главврачу. Тот смотрел на стоявшего перед ним странного вида коллегу в рясе и с крестом на груди, как на человека ненормального.

Уловив растерянность местного доктора, Лука заговорил с ним на сугубо медицинские темы, чем успокоил, но озадачил еще больше. Поп и вдруг – медик, – как это возможно, недоумевал главврач.

Однако общий язык был найден и Лука начал вести прием больных, а затем и делать операции, изумляя своими знаниями и мастерством медиков местной больницы. О чудесном докторе по городу

пошла молва. Исцеленные люди, еще недавно считавшиеся безнадежно больными, рассказывали о необычном докторе с восторгом, обожествляя его имя.

Однажды святитель сделал операцию трем слепым от рождения братьям. Экстракция врожденной катаракты вернула им зрение. Слухи о чудесном исцелении распространились по всей округе со скоростью молнии. Из далеких сел, из тайги в Енисейск потянулись коренные жители – эвенки, селькупы, кеты, среди которых особенно сильно свирепствовала эпидемия трахомы. Это вирусное заболевание приводило к завороту век и слепоте. Гостиный двор Енисейска был переполнен. Пришлые ставили чумы прямо на улицах и жили неделями в ожидании очереди.

Лука работал как одержимый. После больницы он переносил прием к себе на дом, на Ручейную улицу. Едва поспав, святитель начинал новый рабочий день, иногда среди ночи, до вечерней темноты следующего дня, пока не выбивался из сил. Но число пациентов росло и росло. И вскоре запись на прием растянулась на четыре месяца.

Святитель даже не подозревал, что благодарные селькупы и эвенки превращают его имя в своем фольклоре в миф «о великом белом шамане».

Эта легенда живет и в наши дни, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение. И сегодня, где-нибудь на паромной переправе или в затерянном станке у костра старик-эвенк расскажет вам о «белом шамане с Великой реки»: придет шаман с белой бородой и увидит, что ты слепой, прикоснется шаман и охотник становится зрячим.

Когда через несколько месяцев в городе образовалось многолюдное стойбище и стало невозможно проехать, а кое-где и пройти, терпение ревкома лопнуло в очередной раз, изливая на святителя брызги гнева.

– Тебе церкви мало, твою мать! – орал начальник милиции так, что в уголках рта пенилась слюна.

– Кто разрешил заниматься практикой? Да еще у себя дома?

— Я не занимаюсь практикой в том смысле, который вы вкладываете в это слово,— отбивался Лука. — Я не беру денег. А отказать в помощи, увы, не имею права. Я давал Гиппократову клятву.

Скурихин крыл матом и бегал по кабинету, как ужаленный, но кулаки в ход не пускал.

— В камеру! — приказал он в конце-концов дежурному милиционеру и стал думать, как дальше поступить с арестантом, которого за несколько месяцев пребывания в ссылке узнал и полюбил весь город и вся округа. От досады и бессилия комиссар долго чесал голову, с силой взъерошивая давно не стриженую копну волос.

Когда утром следующего дня нарочный привез с почтой распоряжение из Губ ЧК, с милицейского языка соскочил неожиданный контрреволюционный вздох облегчения:

— Слава Богу!

В распоряжении предписывалось: «не применяя насилия, которое бы причинило профессору физический вред, изолировать означенного от гражданского общества, выслав в отдаленную деревню уезда, где бы он не мог заниматься «пропагандой» и «практикой».

Скурихин разложил карту уезда. Долго елозил по ней пальцем и наконец ткнул желтым от махорки ногтем.

— Хая!

Начальник милиции нашел самую отдаленную деревню. Хая отстояла от Енисейска, аж, на триста верст.

* * *

Обновленчество в церквях Сибири переживало в начале двадцатых годов победоносный период. Образованием живоцерковных епархий руководила Сибирская коллегия ЧК. В июне 1922 года в Томске под руководством протоиерея Петра Блинова обновленческая группа заявила о создании Сибирского церковного управления, которому обязаны подчиняться все приходы на территории Сибири.

Однако рядом с этой группой выросло и боролась с ней за безраздельную власть над церковью другое новоцерковное объединение «Союз

церковного возрождения», под управлением епископа Сафрония. Он также организовал Сибирское высшее церковное управление, но в Новониколаевске. И принуждал глав сибирских епархий объединиться под его властью.

Между «советскими» попами разгорелась жесткая борьба за власть. Раскол в расколе — эта тавтология как нельзя лучше характеризует положение дел в сибирской церкви послереволюционных лет.

Чрезвычайка — Сибирская ЧК — поддерживала и Томск, и Новониколаевск. Комиссары потирали руки от удовольствия. Борьба со старой церковью набирала обороты, но и формирование новой тонуло в болоте интриг, зависти и доносов, заискиваний перед большевиками. Что и требовало от чекистов руководство Москвы. Стратегическая задача вырубить под корень и новую церковь, после того, как она поможет одержать победу над традиционным православием решалась успешно.

Коварство чекистов не знало предела. Под предлогом устранения внутреннего конфликта в живой церкви сибирская ЧК арестовала все руководство Высшего церковного управления Сибирской митрополии в Томске и передало управление церковью в Новониколаевск.

Волны борьбы за власть над церковью, поднятые честолюбивыми священниками, катились и в низовья великой сибирской реки, к старинному казачьему острогу.

Енисейская епархия имела свою богатую и давнюю историю. Она была учреждена в середине девятнадцатого века. Ее первый архиерей Никодим Казанцев много сделал для духовного и культурного развития губернии. Его перу принадлежат труды по истории освоения приенисейского края, в том числе о первом святом мученике Василии Мангазейском.

Последующие пастыри продолжили эту благодатную работу. К революции на территории епархии действовали приходские и домовые церкви, молитвенные дома, миссионерские учреждения, воскресные школы. Существовали пять монастырей, устраивались две женские обители.

Но к лету 1918 года жизнь коренным образом изменилась. Неприятие населением края большевистской власти вызвало бешеную

агрессию комиссаров. Началась, как и по всей стране, массовая ликвидация неугодных – красный террор. Сопротивление топили в крови. Край забурлил. Начались стихийные восстания по всему Енисею. И церковь не стояла в стороне. Кровавая бойня несогласных закончилась только через два с лишним года. Разоренная жизнь края, замеревшие города, пустые деревни, сиротство и безпризорщина, голодное существование стали ее победным триумфом.

Енисейская епархия осталась без архиерейского управления и многих расстрелянных священников.

Разгромленные остатки церкви атаковали вчерашние дьячки, получившие из рук красных инквизиторов индульгенцию на высокие должности и устройство новой религиозной жизни советского коммунистического покроя.

Старая православная церковь сделала последнюю отчаянную попытку самосохранения, избрав нового иерарха. Но тщетно. Оставаясь верным патриарху Тихону, рукоположенный во епископа иеромонах Амфилохий Скворцов, был тут арестован и сослан на Соловки.

Суровые испытания выпали на долю Енисейской епархии. Обновленцы раздирали ее на две новые: одну – от Томска, другую – от Новониколаевска.

Тысячелетнюю православную русскую церковь расшатывали, как огромную благовествующую колокольную, подрывали основание, стремясь повалить и разрушить.

* * *

Глухой таежный уголок, заросший кедром и сосной, подступавшими к самому берегу речки Чуны, встретил Луку унылой вековой тишиной. Деревенька, замерев под снегом, молча выглядывала из сугробов, словно притихший таежный зверек, высунув наружу маленькие глаза окошек. Сугробами было занесено все: поленицы дров, копны сена, жерди редких заборов, покосившиеся черные амбары. Толстые белые шапки придавливали крыши немногочис-

ленных низеньких изб. Казалось, что они вот-вот проломаются под тяжестью слежавшегося снега.

Вместе со святителем в Хаю привезли двух монашек из разоренной в Енисейске Иверской женской обители. Ссылных поселили в большой рубленой избе, вход в которую вел по старательно прокопанному снежному туннелю.

Приезд епископа стал для деревеньки событием, равным появлению Патриарха в заброшенном скиту. Он тут же оказался в центре внимания, окруженный всеми почестями, какие только могли оказать ему крестьяне.

С первого дня Лука вместе с монахинями начал у себя в избе богослужения. И с этого же дня духовная жизнь деревни перевернулась и потекла по широкому православному руслу. Радостные люди: и стар, и мал — набивались в избу святителя, как рыба в садок. Они стояли, прижавшись к стенам и друг-другу, и, затаив дыхание, внимали слову епископа.

Именно здесь, в Хае, Лука сделал для себя важное наблюдение: в каком бы захолустье не жили люди, как бы малочисленна не была их община — они тянутся к Богу, как редкие ростки из холодной земли к небу, едва их пригреет, приласкает и приголубит, как свет солнца, слово Спасителя. И еще: именно здесь живут самые надежные хранители церковных традиций. Можно разорить и испепелить города, взорвать их уклад, изменить образ мыслей людей, живущих там. Но отсюда, из глухих деревень, как из потаенных невидимых родников, тонкой звенящей ниточкой потечет в обнищавшие города живая вода совести духа человеческого.

Радость таежной деревеньки была недолгой. Через два с половиной месяца, в начале июня за Лукой прибыл посыльный милиционер из Енисейска. Он привез постановление о том, что ссылные должны вернуться.

От Хаи до ближайшего районного села Богучаны сто двадцать верст проехали верхом на лошадях. Потом на лодках по Ангаре и Енисею. Путешествие было утомительным. Таежный гнус буквально заедал людей и животных. Часто лошади ложились и катались по траве, чтобы избавиться от укусов. Править ими в такие

минуты было невозможно. Одной из монахинь, не успевшей соскочить, лошадь серьезно повредила ногу.

Уставшие люди немного встрепенулись, когда до Енисейска оставалось версты две-три.

— Причаливай! Давай к берегу! Давай-давай! — вдруг приказал милиционер.

Ссылные вопросов не задавали. Они сошли на берег и развели костер. Потом поднялись на высокий обрыв и под открытым небом, созерцая божественную красоту заката, отслужили вечерню. Милиционер стоял в сторонке, но всю службу крестился. Потом долго умолял каторжан никому не рассказывать об этом.

Когда лодка ткнулась в дощатую пристань Енисейска, была уже глухая ночь. Конвойный доставил арестантов в ревком. К удивлению святителя его встретил сам Скурихин. Он не спал, был свеж и бодр. Начальник поздоровался с епископом и долго тряс ему руку, расспрашивая о трудностях пути. Потом сопроводил в камеру, бряцнул ключами, открывая двери, и объявил:

— До особого распоряжения!

Только через полтора месяца, проведенных в тесном полутемном мешке камеры, святитель вновь встретился со своим «дружелюбным» опекуном.

— На допрос! — вывели конвоиры епископа из камеры.

Скурихин сидел за столом и, напрягаясь, читал документы, шевеля при этом губами. Он вертел бумаги в руках и тут же подшивал их. Среди постановлений и распоряжений на столе лежала телеграмма начальника ЧК по Восточной Сибири комиссара Вольфрама: «Секретно. Запретить Луке Ясенецкому служить в храмах. Поторопитесь с высылкой в Туруханск».

Не поднимая лица и не глядя на вошедшего, начальник объявил:

— В Туруханске нету доктора. Будешь врачевать там. С полного согласия властей. Собирайся!

И добавил, отложив бумаги:

— Скинешь рясу — кончится ссылка. Освободишься скоро. Понял? Лука ничего не ответил.

Просторы Сибири велики. Затеряться здесь дело нехитрое. Даже для целого поселка. И дорог коротких на этой бескрайней холодной планете тоже нет.

Баржа с заключенными, в трюме которой сидел святитель Лука, тащилась от Енисейска до спрятавшегося где-то в неведомой тайге Туруханска больше двух недель. Уже знакомые епископу однообразные таежные пейзажи медленно проплывали мимо, навевая тоску и сонливость. Святителю, привыкшему к напряженному ритму рабочего дня, было трудно, он уставал от пустоты безделья. Скрашивало бремя бесконечной дороги чтение. У Луки было с собой Евангелие на немецком языке, подаренное ссыльным эсером Пятковым на пересылке в Красноярске. Вместе их этапировали из Москвы и на Енисее разлучили.

Святитель заново перечитывал Писание, открывая для себя в некоторых стихах новые смыслы. Бездонная глубина Божьего Слова – это удивительная особенность Евангелия. И в десятый, и в двадцатый, и в сотый раз перечитывая знакомые места, вдруг ловишь себя на том, что вот здесь, в этой строчке, в этом слове тебя озарила новая мысль, мимо которой ты доселе беспечно пробежал глазами и умом. Ты останавливаешься, удивленный приобретению, поражаясь тому, что эти слова обращены конкретно к тебе, а не к кому-то еще. Душа переполняется восторгом, а разум смущен, потому, что понимает – это с тобой так разговаривает Господь. Дух твой бежит в небо по открывшейся неожиданно тропе, навстречу благодати, что снисходит в эту минуту.

Добывая драгоценные камни, человек погружается в землю. Он копает все глубже и глубже в своем желании обрести вожаемое сокровище. Его подгоняет алчность. И вдруг в руке оказывается алмаз. Что делает дальше такой человек? Затаив дыхание, любуется камнем, разглядывает, восхищается и, озираясь, прячет добычу в карман.

Копавший словесные пласты Писания поднимается все выше и выше, подгоняемый жаждой обрести истину. Он находит все новые

и новые алмазы, любитесь ими и радуется, что теперь есть чем поделиться с людьми. И человек не прячет их, а носит на открытой ладони.

Такое оно – Божье Слово!

На одной барже с заключенными плыли в Туруханск по своим надобностям и жители прибрежных поселков. В разговорах с ними святитель многое узнавал о новом месте ссылки. Часто их рассказы напоминали легенды.

Давным-давно на девственном берегу Енисея высадился монах. Звали его Тихон. Он искал пустынножительства. И построил монах часовню и келью. И стал он жить в радости и молитве. Но к православному Тихону начали притекать люди, как и он, ищущие спасения, склонные к монашеству.

Долго ли, коротко ли, но вокруг часовенки на берегу таежной речки собралось немало народу. И решили они построить храм в честь Живоначальной Троицы, и основать монастырь.

Братия упросила Тихона принять сан и стать во главе. Уступив просьбам, монах отправился в Тобольск, где в ту далекую пору уже была архиерейская кафедра, и через несколько месяцев вернулся с указом об образовании монастыря.

С тех пор минуло почти три века. Обитель выросла и стала центром духовного влияния в крае. Укреплялось и ее материальное положение. Монастырю отвели места лова рыбы, землю и сенокосные угодья. А в конце

17 века братия получила по духовному завещанию крупнейший в Сибири солеваренный завод и соленые ручьи.

Но расцвет духовного влияния монастыря наступил, когда иеромонах Тихон перенес в монастырь мощи Василия Мангазейского – первого святого Сибири.

Монастырь открыл школу для обучения эвенков, остяков и кетов русскому языку. Началось активное православное просвещение коренного населения. Школа просуществовала до революции.

Для Туруханска монастырь стал градообразующим началом. Он собирал вокруг себя людей, давал им работу, образование, питал духовно. Поддерживая оказавшихся на севере Енисея русских

людей, налаживая связи с местным населением, обитель превратилась в оазис православия в таежной пустыне.

Пароход, тянувший баржу, радостно загудел, когда на широкой речной излуине показались деревянные постройки. Среди соснового редколесья, выступая от берега в речное русло, чернела пристань Туруханска. Дощатая, как и повсюду на Енисее. Строили такие из лиственницы, росшей в тайге в изобилии. Тяжелая смолистая древесина твердела в воде, превращаясь со временем чуть ли не в камень.

На пристани под навесом из таких же почерневших досок толпились люди. Еще больше их было чуть поодаль, на взгорке. Они всматривались в приближающийся пароход и показывали на него руками.

Едва баржа начала приваливаться своим ржавым боком к мостку, на вершине берегового откоса в одночасье выросла огромная толпа, словно люди прятались в засаде, ожидая сигнала. И теперь хлынули на пристань.

Масса народа, как черный земляной оползень, потекла вниз, заполняя отмель.

— Што тама? — спрашивал обеспокоенный вахтенный матрос, вглядываясь в берег.

— Случилось чеве? — кричал он, ища ответа у пассажиров баржи и не находил его.

Капитан буксировщика молчал в недоумении. Такого он еще не видел, чтобы весь город собрался на пристани, как на губернской ярмарке.

Заключенных выгружали последними. Неся в руках деревянные чемоданы, закинув на спину узлы с нехитрым скарбом, они вереницей сходили на берег.

Когда на трап поднялся высокий бородатый человек в священническом облачении, толпа ожила. Люди сгрудились и черный оползень из человеческих тел навалился на заскрипевшую под тяжестью пристань, грозя проломить ее и утопить в реке.

Засуетились встречавшие арестантов милиционеры. Они стали расталкивать людей, орать, поднимая винтовки и замахаясь прикладами.

– Дорогу! Дайте дорогу! Пропусти!

В толпе поднялся ропот недовольства.

В этой толчее Лука шагнул на пристань, ощущая на себе взгляды сотен глаз. Вдруг люди обступили его со всех сторон, ломая живой коридор из милиционеров. Разом, как по команде тысячная толпа опустилась на колени, прося у архиерея благословения.

Слава о великом докторе, опальном святителе, гонимом за истинную веру, приплыла в Туруханск намного раньше, чем привезли в ссылку его самого.

Растерявшиеся конвоиры умолкли, сбившись в кучку в сторонке. Они пронзали толпу острыми, как штыки, недовольными взглядами, но не решались что-либо предпринять, пока владыко разговаривал с людьми. И только когда встречающие поуспокоились, арестантов повели в город.

Жители провожали пастыря от пристани до двери ревкома. Толпа гудела и бурлила, как Енисей в половодье, переполняя русло улицы по которой вели священника.

Святителя поместили в пустую квартиру, где ранее проживал заведующий больницей. Коллектив больницы – фельдшер, да молоденькая сестра, только что окончившая курсы, – помогли профессору обустроиться.

Уже на следующий день по приезду в Туруханск ссыльный доктор принимал больных и провел две сложные операции с большим чревосечением.

А через два дня в Красноярскую коллегию СибЧК ушел первый донос на святителя. В нем сообщалось о том, что « профессор ведет прием больных в рясе, благословляет пациентов, а во время операций ставит на теле крест йодом и читает молитвы. Тем самым ведет среди населения буржуазную поповскую пропаганду и продолжает контрреволюционную деятельность».

А еще через неделю Лука сидел в кабинете автора доноса, председателя Туруханского революционного комитета Ефима Бабкина, который, не стесняясь, крыл профессора-епископа матом:

– Кто разрешил, сука! – вжав голову в плечи, Ефим метался по кабинету, как разъяренный тигр по клетке. Он бросался к священнику и, приблизив оскаленное лицо, хватал арестанта за горло:

– Тута тебе ни Енисейск! Ты у меня, б...ь, будешь тута послушным, как олень в нартах! Понял?!

Спокойствие умного интеллигентного человека, отсутствие страха в его глазах бесило Ефима больше, чем ряса и благословения в больнице.

– Плевать, что стрелять тебя не велено! – цедил Бабкин сквозь зубы. – Тута закон – тайга! Понял, твою мать? Тута я – твой бог! Понял?! И закон, тоже я!

– Я не могу отказать больным людям в благословении. Это мой архиерейский долг. Впрочем, если вы напишите распоряжение и повесите его на дверях больницы, я перестану, гражданин комиссар, – спокойно отвечал Лука.

Ровный голос святителя лишь подливал масла в огонь. Ефим вспыхивал, как костер от охапки сухого валежника.

– Я тебе на лбу повешу! Тута! – Ефим с силой ткнул пальцем в голову святителя. Потом повалился на стул, стараясь отдышаться. Буря эмоций, совершившая опустошительный набег на комиссара, лишила его сил. Бабкин сидел неподвижно и казался совершенно безучастным, задумавшимся о чем-то своем. Через некоторое время, вспомнив о Луке, повернулся к нему и сказал:

– Иди! Лечи! Но только попробуй еще!.. Понял?!

Выпроводив епископа, председатель ревкома уселся за письменный стол, стоявший у окна, и уставился в стекло, разглядывая улицу. Было безлюдно и пасмурно. Бабкин задумался. Воображение комиссара будоражила одна идея, озвученная на последней краевой партконференции. И Ефим мысленно в деталях прорабатывал ее воплощение в жизнь.

Суть идеи заключалась в следующем: в приенисейской туруханской тайге создать спецтерриторию, где неплохо бы разместить всех

ссылных изолированно, подальше от города. Это позволило бы выбросить за борт, как мусор, всех врагов новой власти, мешающих строительству «справедливой» жизни.

– Как хорошо бы сейчас этого попа туда! – размышлялся Бабкин. – И всех церковных недобитков, что бродят по городу. В тайгу. Под охрану. И никаких проблем. Под конвоем на работу. Под конвоем с работы. Чуть пошел в отказ – пуля в лоб. Красота!

Скоро, очень скоро эта мечта обретет физические формы в виде деревянных бараков и сторожевых вышек над ними. Именно возле Туруханска будет построен первый в истории Советской России лагерь для инакомыслящих. Изолированный, за высоким забором, под круглосуточной вооруженной охраной с собаками. Как и мечталось комиссарам. Потом второй, третий, десятый... Чтобы хватило на всех, кому не нравится советская власть. Количество лагерей потребует специального аппарата управления. В Красноярске будет создано краевое управление лагерями. А в Москве – Главное управление лагерей при ГПУ-НКВД – Гулаг.

Вы только представьте: ни тысячи, ни сотни тысяч, ни миллионы, а десятки миллионов людей будут отправлены туда «на исправление сознания». Исправлять будут трудом на лесоповалах, в рудниках и карьерах, в шахтах. За лагерную пайку черного хлеба и миску баланды.

Так зародится и развернется по всей стране победоносное строительство социализма.

Как и в Енисейске очередь к доктору росла день ото дня и растянулась на два месяца вперед. Особенно много пациентов было среди коренного населения. Эпидемия трахомы гуляла по всему Енисею от Саянских гор до Ледовитого океана. Имея с собой набор офтальмологических инструментов, Лука возвращал зрение сотням отчаявшихся людей. Легенда о «белом шамане» обрастала новыми удивительными подробностями чудесных исцелений. Легенда шла таежными тропами от стойбища к стойбищу. О «шамане с Великой реки» повествовали, украшая рассказы музыкальными ритмами древних героических сказок – нимнгананах. «Белый шаман» уподоблялся герою этих сказаний – великому Доге, древнему шаману.

ходившему по Большой реке до океана. Там Доге поднимался на небо и воевал с громами за души своих сородичей. До сих пор в морозную ночь можно видеть на небе след лыж легендарного Доге, сверкающий бесчисленным множеством звезд Млечного пути.

* * *

На развалинах Туруханского монастыря еще теплилась жизнь. Храмовый комплекс был разрушен, но среди развалин, покрытых бурьяном, оставалась стоять небольшая деревянная церковь Святой Троицы. Туруханский исполком, не успевший сжечь ее, передал церковь в распоряжение обновленцев.

Монахи монастыря были давно расстреляны, а немногочисленные скрывшиеся, разбрелись кто куда. При храме оставался одинокий старик — иподиакон, который, опасаясь за свою жизнь, безропотно принял опеку Красноярского живоцерковного архиерея.

Люди в храм не ходили. Более того, при встрече с безбородым, гладко выбритым «новым» попом смеялись и плевали в его сторону.

Все изменилось с появлением Луки. Епископ сразу по приезду к месту ссылки начал молитвенные богослужения на дому. И скоро его квартира уже не вмещала всех желающих. Прихожане стали уговаривать святителя перенести богослужения в уцелевшую монастырскую церковь. И однажды привели с собой старика-иподиакона, который принес ключи.

Лука долго беседовал с гостем о положении дел в православной церкви, о расколе и живоцерковниках, о грехе, в который впал служитель по слабости своей.

Священник слушал иерарха и плакал, закрыв лицо дрожащими руками. А потом, кланяясь прихожанам, каялся, утирая слезы.

— Бог простит! Бог простит! — в этих искренних возгласах прощения, обращенных к растерянному старику, не было осуждения. Кто из нас не оступался, не падал, не проявлял малодушия перед лицом опасности, тот пусть первым бросит камень в заблудшего.

Растроганные и обрадованные тем, что все возвращается на круги своя, прихожане решили выход архиерея в оживший храм обстав-
лять торжественно.

Уже на первую службу к крыльцу архиерейского дома подали сани, устеленные коврами, а в небе над городом зазвучали «запрещенные» колокола.

После утрени радостные горожане расходились по домам в праздничном настроении, славя пастыря, который навел порядок в церкви.

А в Красноярск, в Губ ЧК летело очередное секретное донесение о непокорности попа-профессора.

Бабкин больше не вызывал святителя в ревком. Он делал вид, что ничего не происходит, ожидая указаний из Красноярска.

В работе и богослужениях время пролетало быстро. Валентин Феликсович чувствовал подъем сил. В короткий срок он стал в Туруханске «своим». Благодать наполняла душу епископа. Казалось, уставшая душа наконец-то обретает желанное равновесие и покой. Но, увы, иллюзия продолжалась недолго.

В один из декабрьских морозных дней на прием в больницу пришла с ребенком жена Ефима Бабкина. Доктор осмотрел подростка и назначил лечение. Потом привычно пересел за письменный столик кабинета, где вел записи в медицинском журнале.

— Как зовут ребенка? — спросил святитель.

— Атом.

— Как, как?! — изумился Лука. Он вскинул голову, отрываясь от записей. Очки упали на кончик носа и чуть не соскочили на пол. Профессор замер от удивления.

— Атом, — ничуть не смутившись, повторила жена комиссара.

Профессор отложил ручку, так и не обмакнув ее в чернила.

— А почему вы не назвали его «поленом» или «дверью»? — не скрывая иронии, спросил он.

Бабкина поджала губы, на ее щеках полыхнул огонь. Она торопливо одела сына и шагнула к двери.

— Изуродовали ребенка! — покачал головой Лука вослед. — Какое сумасшествие! Ай — яй — яй! Прости их, Боже! Не ведают, что творят!

Жена комиссара ничего не ответила, лишь с силой прикрыла за собой дверь.

Рассказ о беседе с врачом вызвал у Бабкина бурный припадок гнева. Он метал матерые слова, как страшные молнии, кляня «арестанта», который осмелился унижить жену председателя революционного комитета.

— Ну, ничего! — кипел Бабкин, — будет и на нашей улице праздник! Трогать его не смейте, видите ли! Специалист! А! Незаменимый! А-а! Ничего, тронем! Сволочь поповская! Незаменимых у нас нет! Я тебя враз, сволота! Еще как тронем!

Председатель разговаривал сам с собою и грозил кулаком в пустоту. Выпустив клубы гневного пара, он сел за стол, отгребая в сторону все, что на нем стояло: стаканы, подсвечник, чернильный прибор — и, достав из ящика чистые листы бумаги, бросил их перед собою.

Заскрипело перо, словно его пытались сломать: «Секретно. Губернскому уполномоченному ЧК. Красноярск. Для сведения и принятия мер».

Писал Ефим с трудом. Он не любил это «буржуйское» занятие, но должность обязывала вчерашнего крестьянина развивать кисть правой руки.

И Ефим старался. Низко наклонив голову, слегка высунув язык от напряжения, он рисовал прямые, как спички, буквы.

В письме Ефим просил «дозволить расширить меры воздействия на реакционера, распространяющего ложные слухи, представляющие опиум для народа, являющиеся противовесом материальному мировоззрению, которое осуществляет перестройку общества к коммунистическим формам...».

И ловко ввернул главное, от чего в сердце вновь вспыхнула жажда мести: «...насмешки в адрес ревкома и лично моей семьи. Имя моему сыну «Атом» дано мной в ознаменование нашей переходной эпохи». А также добавил, что «особое распоряжение ГубЧК в отношении профессора не дает ему права безнаказанно проводить пропаганду, пользуясь защитой своей медицинской наукой».

После трех недель разбирательства с Луки взяли подписку о запрете богослужений.

Начальник Туруханска был доволен бескомпромиссным вердиктом из Красноярска.

— Больше мы не станем заглядывать тебе в рот и терпеть твои выходки! — объявил он святителю.

Валентин Феликсович написал заявление и ушел из больницы, чем привел в замешательство здравотдел. Ефима Бабкина просили «вернуть» профессора и больше «не трогать» его. От такой просьбы комиссар пришел в состояние очередной бури, которая на этот раз настигла-таки святителя.

В ближайшее воскресенье после визита в ревком Лука, как обычно, вошел в монастырскую церковь, чтобы отслужить литургию. Святитель понимал, что теперь он не останется безнаказанным, но был бескомпромиссен.

— Миром Господу помолимся! — начал он службу.

Из храма епископа вывел милицейский конвой. В кабинете Бабкина Луку ожидал прибывший из Красноярска чекист. Он бросил на стол перед Валентином Феликсовичем мандат Красноярской Губ ЧК.

— Ознакомьтесь! — чекист был лаконичен и суров.

Святитель взял бумагу, прочитал: «7 ноября 1924 года. Енгуботдел ЧК постановил; избрать меру пресечения для В.Ф.Войно-Ясенецкого высылку в деревню Плахино в низовьях Енисея, в 230 километрах за Полярным кругом».

— Полчаса на сборы! — процедил чекист. Мышцы на его скулах перекачивались от напряжения. — Иначе!.. — он не договорил, сжал зубы и стал сверлить профессора взглядом. Ладонь его руки легла на кобуру.

Этого короткого, как выстрел, предупреждения было достаточно, чтобы Лука оценил решимость вооруженного человека, стоявшего перед ним почти вплотную.

Святитель поспешил на крыльцо, возле которого виднелись запряженные сани. Вокруг них бегал молоденький, почти маль-

чишка, милиционер. Он поправил упряжь и подскочил к священнику:

– Умоляю вас, владыко, скорее уедем отсюда! – горячо зашептал молодой человек. – Садитесь! Тут... – он на минуту замолчал, оглядываясь, – Небезопасно! Садитесь же!

На крыльцо вышел Бабкин. Он самодовольно улыбался:

– Довезешь до Селиванихи. Там передашь Афиногену, – распорядился Ефим и сунул в руку милиционеру аккуратно сложенный лист бумаги, скрепленный сургучом.

– Приказ ясен? – повысил он голос.

– Так точно!

– Повтори!

Милиционер козырнул и повторил приказание.

– Исполняй!

Сани тронулись, спешно оставляя позади рывком и стоявшего на крыльце Бабкина, который следил, чтобы возница не свернул на Ручейную улицу к дому святителя. Луку преднамеренно лишали возможности собраться в дорогу.

Гонимый еще одним борцом за народное счастье, епископ в одночасье оказался на льду Енисея, в суровой морозной мгле, без запаса теплой одежды и пищи.

И опять унылая однообразная дорога потянулась бесконечной нитью. Холодный ветер с севера – «сивер», как называли его местные жители, гнал и гнал по льду змеевидную поземку. И днем, и ночью. С ровной силой. Не утихая ни на минуту. Не было решительно никакой возможности спрятаться от его ужасных объятий. Лица людей, их одежда покрылись инеем. А круп уставшей лошади, морда и ноги – заиндевелой коркой, отчего шерсть казалась неестественно белой. Лошадь без конца выгибала шею и шла то вправо, то влево, пытаясь спрятать морду от леденящего дыхания «сивера», сани то и дело петляли, путая след.

– Но-о! Пшла-а! – орал милиционер, удерживая измученное животное.

От холода святителя трясло. Он чувствовал как замерзают пальцы на руках и ногах, и двигал ими не переставая.

— Батюшка, согреемся? — кричал милиционер. Он спрыгивал с облучка и бежал рядом с лошадей, пока хватало сил. Святитель выбирался следом из саней и трусил позади повозки, часто падая. Он был грузен и в длиннополой одежде. Упав, Валентин тут же разгорячено вскакивал и догонял сани, подхватив полы ряссы.

Бег согревал и спасал от переохлаждения. Но не надолго. Едва путники успевали отдышаться, «сивер» вновь пробирался под одежду. И опять, махая руками, отбиваясь от него, как от надоевшего врага, люди прыгали в снег, изо всех сил работая ногами.

Так они доехали-добежали до первого станка на своем пути.

В жарко натопленной избе святитель, не снимая одежды, повалился на лежанку из оленьих шкур и сразу уснул. Ему приснился Ташкент. Валентин шел по Госпитальной улице к своему другу Михаилу Андрееву, подставляя лицо жаркому летнему солнцу, и жмурился от яркого света. Впереди виднелась привокзальная церковь, но вместо колокольного звона, над ней слышался свист паровозного гудка. Валентин перекрестился, отгоняя наваждение. Он вошел в церковь и, подойдя к аналою, обратился с молитвой к Спасителю. Но вместо светлого лика Христа увидел в киоте главной иконы искаженное злой усмешкой лицо Ефима Бабкина. Валентин отшатнулся в ужасе и повернул назад, пытаясь разглядеть, что происходит в церкви. Но солнце, заливая храм, нещадно слепило глаза. Прикрываясь рукой от яркого света, профессор пробрался к выходу, где на крыльце стоял его друг протоиерей. Валентин дотронулся до него и ощутил перед собой каменное изваяние. От страха он бросился бежать, но почувствовал, что ноги сделались ватными и перестали слушаться. Вдруг под сводом церкви запел ангел: «Нечестивые поставили для меня сеть, но я не уклонился от повелений Твоих. Откровения Твои я принял, как наследие на веки, ибо они веселие сердца моего. Я приклонил сердце мое к исполнению уставов Твоих навек, до конца...».

Валентин пытался бежать на онемевших ногах. Он задыхался от усилий, но не мог сдвинуться с места. Пение приковывало внимание, словно ангел не хотел отпускать слушателя. Он пел и пел со свистом, не переставая: «Вымыслы человеческие ненавижу, а Закон

Твой люблю. Ты покров мой и щит мой: на слово Твое уповаю. Удалитесь от меня беззаконные, и буду хранить заповеди Бога моего».

Мерный голос ангела успокаивал. Страх и смятение в душе прошли. «Укрепи меня по слову Твоему и буду жить, не посрами меня в надежде моей, поддержи меня и спасусь, и в уставы Твои буду вникать непрестанно».

Святитель сделал отчаянное усилие и шагнул с крыльца. Ташкент, церковь, ангел – все разом исчезло. Он проснулся и осторожно ощупал лицо. Оно горело, обожженное морозным ветром. На железной печке посреди избы свистел чайник. У окна за грубым столом из неструганных досок перед свечкой сидел хозяин станка и вслух читал Псалтырь.

– Не посрами меня в надежде моей... – доносились до Луки негромкие слова.

Хозяин станка, пожилой охотник, проживший в тайге всю жизнь, оказался гостеприимным и набожным человеком. Он хлопотал вокруг «высокого» гостя, стараясь всячески угодить епископу, и делал это подчеркнуто вежливо.

Охотник подарил святителю меховые рукавицы и потрепанную, но вполне исправную заячью шубу.

До следующего станка ехали веселее. «Сивер» поутих и пробежки за санями стали реже.

Через полмесяца таежного марафона добрались до Селиванихи. В деревне их встретил угрюмый широкоплечий старик, похожий на медведя. Он был весь закутан в длиннополую мехом наружу одежду, какую носят эвенки. Милиционер сунул старику письмо от председателя ревкома и тот, разворачивая бумагу, стал по-медвежьи бурчать, недовольный тем, что его потревожили. Было видно, что он не любит незваных гостей. Однако старик поздоровался с Лукой и протянул ему руку.

– Разве ты не знаешь, что с архиереем так не здороваются? У него просят благословения, – воскликнул епископ.

Старик опустил руку, снова что-то проворчал недовольным голосом и отошел, указав на комнату, где прибывшие могли разместиться.

В станке помимо старика хозяина жили еще четверо мужиков – его сыновья. Крепкие широкоплечие, как на подбор. И такие же замкнутые, и недружелюбные, как их отец.

Милиционер рассказал святителю, что Афиноген с сыновьями «держит» Енисей километров на сорок вверх и вниз по течению. Они присвоили себе исключительное право рыбачить и охотиться в этих местах. И следили за тем, чтобы никто не нарушал их запрет. Думаю, для многих охотников встреча с семьей Афиногена закончилась драмой, о которой знает только глухая тайга.

Ранним утром следующего дня, не дав святителю выспаться и поесть, Афиноген объявил, что надо ехать «далее», и что сани готовы.

Милиционер попрощался и, радуясь скорому возвращению в Туруханск, ушел запрягать свою лошадку, гнедую напарницу по беговой эстафете. А епископа повез «далее» младший сын Афиногена Фролка.

Лошадь шла медленно, опустил голову и свесив жиденький хвост. Она казалась неповоротливой и угрюмой, как все обитатели Селиванихи. Фролка сидел молчаливо и ничего не делал, чтобы пошевелить животину. На просьбы Луки поторапливаться он никак не реагировал. Только оглядывался, слово проверяя, на месте ли арестант и, не проронив ни слова, снова застывал неподвижно.

– Погоняй! Скоро ночь! – толкал Лука кучера в спину.

– А-а? Сево? – шепелявил Фролка, недоумевая, почему его потревожили и опять замирал, свесив большую бороду на грудь.

Пожалуй, первый раз в жизни Валентин поймал себя на мысли, что он злится. И причиной его гнева был этот неуклюжий медведь-молчун.

Сумерки начинали красить небо в синий цвет. Мороз крепчал, как это бывает к ночи.

– Далеко ли до станка? – тревожился Лука.

– А-а? Сево? – оборачивался Фролка. Он махал своей огромной рукавицей куда-то вдаль: – А вона! – и опять умолкал.

– Я согреюсь и ты отдашь мне вожжи. Сам буду править, – не выдержал Валентин. Он скинул с окоченевших ног заячью шубу,

спрыгнул с саней, чтобы пробежаться. Сделал два-три прыжка, поприседал и собрался потрусить за санями.

В этот момент Фролка вдруг ожил. Он хлестнул лошадь и она пошла крупной рысью, выбивая копытами клочья мерзлого снега.

— Ты куда?! — закричал епископ. — Стой! Сто-о-ой!

Фролка оглянулся. Он оскалился и, схватив саквояж святителя, швырнул его далеко в сторону. Потом стал нахлестывать лошадь с новой силой.

Валентин припустил изо всех сил, силясь догнать убегающую повозку. Чувство тревоги поднялось в его душе, как сноп взрыва. Лука понял, произошедшее не шутка дебелого охотника-отшельника, а продуманная месть Ефима Бабкина.

Ледяной воздух сбивал дыхание. Святитель задыхался от бега. В груди кололо от холода. Он остановился, глядя на удаляющуюся лошадь, на выпрямившуюся фигуру охотника, вскидывавшего руки с вожжами.

Лука в испуге огляделся. Из почерневших сумерек на его уставились молчаливые кустарники, словно недоумеая, для чего одинокий человек остался на ночь в их неприветливой компании, на замерзшей реке, не имея ни огня, ни пищи, ни хорошей теплой одежды.

Валентин растерялся. Он не знал, что ему делать. Первым порывом было желание вернуться назад. Но он тут же прикинул, что за день от Селиванихи отмеряно верст двадцать. И там Афиноген, по приказу которого Луку выбросили на снег. Двигаться вперед? Но сколько до ближайшего станка? Хватит ли сил?

Испуганный епископ стоял посреди замерзшей реки. Тишина звенела в ушах. Было слышно только как в груди колотится встревоженное сердце.

Наконец Лука взял себя в руки.

— Фролка поехал не в Селиваниху, — поразмышлял он, — Значит так до жилья ближе.

Выломав из прибрежного куста сухой ствол тальника, Валентин соорудил посох и подержал его на ладони, взвешивая. Получилось, увесистое орудие защиты. Это прибавило уверенности. Обрадован-

ный тем, растерянность прошла, не переросла в панику и он справился со страхом, Лука зашагал по санному следу.

Подобные психоэмоциональные состояния, когда в сложной ситуации нужно быстро принять правильное решение, случались с Валентином и раньше, во время операций. Однажды коллега-хирург Башуров, проводя обширное чревосечение, задел артерию у больного и в нее попал воздух. Пузырьки стали двигаться с кровью к сердцу. Через секунды пациент должен был скончаться из-за ошибки доктора. Врачи замерли в шоке. И тут профессор Войно-Ясенецкий пережал артерию чуть выше и рассек участок с воздухом. Потом умело сшил порезы. Помедли он в растерянности и все могло закончиться по-другому.

Темнело. Воздух наполнился леденящим дыханием надвигающейся ночи. Стараясь согреть лицо, Валентин прикладывал к щекам то одну, то другую широкие рукавицы. Он вдруг живо представил чувства какого-нибудь отшельника, живущего на пустынном берегу таежной реки, который пробирается в этот час, как и он, к зимовью. Уставший и продрогший, он надеется на тепло печи и неторопливый ужин.

— А на что уповать мне в пути моем? — мысленно спросил святитель. И ответил сам себе: — Только на Бога!

В сердце зазвучала молитва. Потом другая. Валентин шептал их, вспоминая все, что знал.

Наступила ночь. Темная и непроглядная. Санного следа стало не видно, епископ брел наугад, проваливаясь в снег и спотыкаясь. Ночь поглотила очертания берегов, земля и небо слились в одну сплошную черную завесу. Святитель все чаще останавливался и отдыхал, опираясь на посох, пытаясь разглядеть что впереди.

Темнота мешала сосредоточиться на молитвенном обращении к Богу. Мысли блуждали. Перед глазами вспыхивали разные эпизоды жизни. Лука видел детей. Они бежали, встречая его после дежурства в больнице. Что с ними теперь? Придется ли увидеться снова?

Временами вспыхивали в сознании образы друзей-гимназистов, выпускной бал, голос директора, выкликающий его, рукопожатие, подарок от Киевской гимназии — Новый Завет. Валентин так физи-

чески зримо ощутил книгу в руке, что пошевелил пальцами, убеждаясь, кажется ему это или нет.

Он шел и вспоминал, как Слово Божие много лет назад определило его жизненный путь — медицинская помощь страждущим. Слово Божие привело и в священнослужители. И вот теперь спускается вниз по замерзшему Енисею, глухой морозной ночью. Куда? Быть может навстречу смерти? Такой ли виделась дорога после рукоположения?

— А разве я ждал другого? — спрашивал себя Валентин. — Разве не понимал, что происходит с церковью? И не думал, что должен сделать все для ее спасения? И что за этим последует? Понимал! Думал! И ждал!

Память вытолкнула из подсознания сцену избиения ташкентскими чекистами.

— Уже тогда все было предопределено, — в мыслях епископа не было сожаления. Он принимал свои новые страдания. Потому что ожидал их. Свершилось то, что должно было свершиться.

— Господи, укрепи мя! — вслух произнес Валентин и, сняв рукавицу, перекрестился.

Мороз тут же схватил за пальцы своей игольчатой лапой. Ощущение, что плечи и спина закоченели, отвлекло епископа от размышлений. Он дрожал всем телом. Лука зашагал быстрее, пытаясь согреться мышечной работой и побороть озноб и холод. Это не помогало. Тогда он побежал. Но очень скоро дыхание сбил ледяной воздух. Святитель остановился и сел на снег.

— Если сейчас я замерзну и умру, одно хочу знать, — был ли напрасен мой земной путь? — Валентин мысленно обращался к Богу. — Зачем все это было со мной? Зачем?

Валентин ждал ответа. Он хотел услышать его сию же секунду. Но ответа не было. Перед глазами замелькали лица больных, врачей, чекистов, друзей священников, словно за одну секунду мимо прошла вся жизнь.

— Зачем? Зачем? Зачем? — стучало сердце, взбудораженное отсутствием ответа, не готовое безропотно принять смерть, как волю Божию.

Святитель почувствовал, что засыпает.

– Ну, вот и все! Вот и все! Зачем?! – прокричал он в отчаянии.

Вдруг Луке почудился тихий колокольный звон где-то вдалеке. Он вскочил и, замерев, прислушался. Не может быть! Какой звон в безлюдной тайге среди ночи?!

– Зачем? Зачем? – продолжало стучать сердце епископа. Но теперь ему показалось, что сквозь колокольный звон кто-то незримый стал отвечать ему, проникая в мысли и разум.

– Ты спасал плоть человека, – заговорила мысль, пришедшая извне.

– Да, – ответил святитель.

– И никому не отказал в этом.

– Нет.

– Почему?

– Я дал клятву Гиппократу. Это мой долг. Я не могу иначе!

– А теперь ты спасаешь души. Помнишь, какими словами откровения ты был призван на это?

Валентин восторженно:

– Много жатвы, а делателей мало, – прошептал он.

– И ты дал клятву быть «делателем».

– Да.

– А теперь в сомнении хочешь отступить?

– Нет! Нет! Нет! – святителю вдруг стало ясно, что с ним происходит. Он глянул на себя со стороны и понял, что пал духом.

– Прости меня, о, Боже! Буди милостив ми грешному! – во весь голос закричал Лука, запрокинув голову к темному холодному небу.

Он вскочил и зашагал по замерзшей реке, забыв про усталость и холод. Из его уст с криком покаянного отчаяния вырывались молитвы, обращенные к Спасителю. Морозный воздух сотрясаясь, разнося эхо далеко окрест.

Это было странное зрелище. Но еще более странным было то, что в ночном небе одна за другой загорелись звезды, а вскоре и Млечный путь разрезал небо надвое, словно раздвинул его бездну, заливая светом и речку, и берега. Стало видно далеко вокруг.

Епископ зрел это чудо. И плакал, и продолжал молиться.

* * *

Наступил рассвет. Потом день окончательно рассеял мглу и выка- тил на небо солнце. А епископ все шел и шел, не встречая на своем пути жилья. Полы его длинной одежды заledenели и бряцали. Борода, плечи и спина покрылись инеем. Натруженные ноги ныли. Усталость разливалась по всему телу. Глаза поминутно закрывались, тело проваливалось в сон. Святитель брел в тяжелой дреме наугад, пока не начинал чувствовать, что падает. Тогда он резко открывал глаза и возвращался на тропу, оставленную полозьями, но вскоре опять проваливался в забытие. В эти минуты скрип снега под ногами казался громким треском, раздражающим слух. Эту обостренную реакцию на звук Валентин воспринимал как спасительный сигнал.

— Если я перестану слышать, — думал он, — значит, меня больше нет.

Интеллект профессора, для которого физиология была открытой книгой, проводил независимый от собственного организма анализ его клинического состояния.

Временами святителя охватывало возбуждение. Ему начинало казаться, что рядом кто-то идет. Он резко просыпался и оборачи- вался. Никого не было. Постояв с минуту, Лука продолжал свой путь, находя его необыкновенно легким. Постепенно утомление навали- валось опять, грозя своей тяжестью уложить на лед. Глаза закрыва- лись и видения повторялись снова.

В таком измученном состоянии Лука провел почти сутки. Он понимал, что силы оставляют его, но продолжал двигаться, уже ско- рее машинально, чем осознанно.

Когда солнце сползло с полуденной высоты, след от саней повер- нул к берегу. С трудом взобравшись на невысокий пологий откос, епископ увидел прямо перед собой рубленую избушку, окруженную сугробами.

В зимовье было пусто и нетоплено. По неписаным законам тайги возле печки лежали аккуратно сложенные дрова. Топка была напол- нена сухим хворостом. Тут же на виду валялось кресало. Вален- тин схватил его окоченевшими руками и стал торопливо высекать

над древесной корой искры. Вскоре на хворосте заплясали язычки пламени и епископ, прикрыв заслонку, повалился на оленьи шкуры лежанки. Святитель чувствовал нездоровье. Сильное переохлаждение и переутомление забрали силы. Собрав на себя шкуры, ослабевший Лука закрыл глаза и провалился в сон, обрывком сознания уловив, что комната качается и плывет, готовая опрокинуться вверх дном.

Проснулся Валентин от головной боли. Он сразу понял, что у него жар. Тело дрожало в ознобе и с трудом слушалось. Епископ сел и ощупал себя, с удовлетворением отметив, что сильных обморожений нет, лишь мочки ушей и большой палец правой ноги. Но жар? Если это начавшееся воспаление легких, тогда не выбраться — мелькнула мысль. Лука вдохнул полной грудью, чтобы удостовериться в своем диагнозе, но боли в легких не почувствовал. Он поднялся с постели, преодолевая слабость в ногах, наполнил печь дровами и снова развел огонь.

Стало теплее. Валентин осмотрелся. Зимовье было тесным и низким. Посередине стояла печь с прямой трубой наружу. Слева и справа от нее две лежанки из жердей, покрытые оленьими шкурами. В углу стол, а в ногах входная дверь, подбитая такими же шкурами. Валентин потянулся к столу, на котором чернел закопченный медный чайник и такая же кружка. Чайник оказался наполовину со льдом. Обрадованный епископ поставил его на печь. Затем снял с деревянной полки над столом самодельный ящичек и осмотрел содержимое. Здесь он нашел холщевый мешочек с крупой, немного соли, три охотничьих патрона, ложку и большой ржавый нож. Других запасов в зимовье не было, если не считать торчавшего прямо в углу в стене увесистого топора.

Скоро Валентин пил кипяток, бросая на язык крупички соли, а потом положил в кружку целую пригоршню пшена и поставил ее закипать.

Утолив кое-как голод, Лука лег и вытянулся, расправляя все члены. Он почувствовал, как тело покрылось испариной. Стало жарко и душно. Из груди вырвался болезненный кашель. Бронхи — понял доктор.

Он снова поднялся и, награв чайник до кипения, стал дышать над паром, укрывшись с головой шкурой. Потом закутался в нее и, отвернувшись к деревянной смолистой стене, решил спать.

Сон не наступал. Святитель лежал в забытье, ощущая, как его тело покрывается липким потом. Лука заново переживал случившееся с ним и размышлял, как быть дальше.

— Почему Всевышний не оставил меня замерзать на реке, а привел сюда? — спрашивал Валентин. — Помощи ждать неоткуда. Кто станет искать ссыльного арестанта, сгинувшего в тайге?

Но в душе святителя не было больше отчаяния. Он покорно принимал волю Божию и беспрестанно повторял: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!». После этих слов чувствовалось, что где-то в глубине сердца, словно искра от дуновения ветра, вспыхивает надежда.

— По крайней мере, здесь таежное зверье не растащит мое тело! — святитель находил утешение в этой мысли. Он надеялся, он хотел и верил, что случайный охотник, который однажды забредет в зимовье, предаст его с молитвой земле, как православного христианина. Ничего иного Лука не хотел.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй... — такого просительного смирения, такой готовности принять волю Божию Лука не испытывал никогда.

Подобно царю Мелхиседеку, который во дни плоти своей с сильным воплем и слезами приносил молитвы и моления Могущему спасти его от смерти и был услышан.

Казалось бы, Отец услышал и должно произойти чудо избавления от страданий. Так кажется нам, с нашими привычными представлениями о жизни и смерти. Но «всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется, на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи». Так учит святой апостол Павел в послании к евреям. «Могущий снисходить невежествующим и заблуждающим потому и сам обложен немощью и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом...»

Архиерей Лука чувствовал, что принимает свою участь с благодарностью. Он покорно ждал, что будет дальше, лежа в забытьи, потеряв ощущение времени и реальности. Ему казалось, что он пребывает в преддверии какого-то непознанного состояния, лишенного правильных материальных форм. Святителю брел по раскаленной кипящей от солнца реке, но под ногами у него был лед. Впереди русло суживалось почти до точки. Там до боли в глазах горело яркое пятно. И нужно было туда, за него. Там... за ним... Луку кто-то ждал.

Напряженному устремлению к цели мешали голоса людей, раздающиеся за пятном. Лука стал молитвенно призывать на помощь Бога. Святитель увидит над собой лик Христа. Рука потянулась, чтобы перекреститься. Но кто-то помешал это сделать и с силой вернул руку назад.

Валентин открыл глаза. Над ним, склонившись, стоял и приветливо улыбался незнакомый бородатый человек. В одной руке он держал кружку, а другой приподнимал голову епископа и уговаривал его выпить еще глоток травяного отвара.

— Во-от! — с удовольствием отмечал незнакомец всякий раз, когда удавалось влить отвар. — Очнулся! Слава Богу!

У стола хлопотал другой человек. По виду — тунгус. Слышался запах заваренной травы и какой-то еды. Тунгус повернулся и тоже приветливо заулыбался.

— Кто вы? — слабым голосом спросил Лука.

— Арсений Кузьмич Константинов, — неспешно представился незнакомец. А это, — он указал на тунгуса, — мой проводник Федоров.

— Вы ссыльные?

— Нет. Я, знаете ли, из Москвы. Заготавливаю меха для сырьевой конторы.

— Из Москвы! — удивился Валентин.

— Не доехали с Федоровым до Носовой, знаете ли. Олени устали. Решили заночевать здесь, в тайге. А тут вы! Кто вы? Как попали сюда? Что здесь делает священник? — Константинов засыпал святителя вопросами.

— Я епископ Лука. Ссылный.

– Вы – Лука? – переспросил изумленный Арсений Кузьмич. – Я слышал о вас в Красноярске, знаете ли. И потом, в Енисейске.

Константинов заговорил без умолку. Он стал что-то объяснять тунгусу, жестикулируя и ломая свою речь словами из местного диалекта. Затем вновь обернулся к епископу.

– Легендарный доктор, как же вы здесь очутились?

Федоров, отложив свое занятие, уставился на обитателя зимовья и не сводил с него взгляда. Он застыл на месте. На лице засветилась удивленная радость.

От улыбки глаза сузились совсем. Тунгус постоянно кивал головой, словно приветствовал высокого гостя.

– Что с ним? – спросил святитель, наблюдая реакцию охотника.

– Не удивляйтесь, уважаемый профессор. Он видит перед собой «белого шамана», знаете ли, и не верит своим глазам. Дикий народ, знаете ли.

– Кого видит? – не понял Лука.

И Константинов рассказал святителю местную легенду про белого шамана с Великой реки.

Все это время Федоров стоял на месте и что-то бормотал на своем языке, словно творил заклинание. Затем, скрестив руки на груди, подошел к епископу и склонился, прося благословения.

Лука, поддерживаемый Константиновым, поднялся и прочел над тунгусом краткую молитву.

– Ну, вот и слава Богу, знаете ли! удовлетворенно заметил Арсений Кузьмич, усаживая епископа за стол.

– Вы верующий? – спросил его Лука.

– Да, как вам сказать, – уклонился заготовитель. – Сейчас, знаете ли, опасно верить. Вообще-то, конечно. Но..., знаете ли.

Константинов сменил тему разговора. Он повторил свой недавний вопрос:

– А как вы-то попали сюда?

И Лука поведал свою историю. Во время рассказа он почти ничего ни ел из предложенного гостями. Епископ говорил и говорил. Он так давно не был в обществе добродушных людей, что общение с ними ложилось бальзамом на душу.

— Вы совсем ослабели, знаете ли, — заметил Константин. — Мы пробудем здесь денька два-три, нам по ближайшим стойбищам надо, знаете ли. А вы, — указал он на стол, — налегайте на харчи, ешьте побольше, а там и в Плахино двинемся.

* * *

Люди приспосабливаются к суровой среде обитания. Будь то бесплодные пески, выгоревшая степь или ледяной мир севера. Зацепившись однажды за оазис, клочок травы или меховой шитый кафтан, человек обустроивает быт и благодарит Создателя за ту красоту жизни, которую ему дано лицезреть. А уж если этот скромный уголок мироздания стал местом его рождения, он до конца дней своих хранит его в сердце, как драгоценность.

На голом безлесом берегу Ледовитого океана, где лишь жидкий кустарник да осока, закрепились и жили пять семей. Запорошенный свежевывающим снегом, молчаливый и не подававший признаков жизни, станок Плахино более походил на заброшенный деревянный склеп на краю света, чем на деревню.

Продуваемые с океана ветром, от которого не было спасения, люди по несколько суток не выходили из домов. А животные, забыв про жвачку, разворачивались к ветру крупом, чтобы спасти головы и стояли сутками неподвижно. Занесенные снегом, почувствовав, что под ним стало теплее, они снова начинали двигать челюстями.

В бревенчатой утробе станка теплилась жизнь, как еле приметный огонек в лампаде. Здесь вспыхивали и гасли эмоции, рождались дети, гуляли от избы к избе слухи, строились планы и вынашивались мечты.

Старостой поселка был высокий старик-бакенщик. С длинной белой бородой, свисавшей почти до пояса, он больше походил на угрюмого старовера, чем на административного управленца от советской власти. Старик сутулился под тяжестью прожитых лет, но исправно продолжал нести свою однообразную службу. Вероятно, его нечем было заменить, а может о его существовании просто забыли. Однако каждый месяц староста получал из фактории плату продуктами.

Сюда и привезли епископа Арсений Кузьмич и погонщик Федоров.

Бакенщик долго изучал сопроводительный документ, который был у святителя. Он вертел бумагу в руках, внимательно рассматривая поселенца. Затем отвел архиерея в маленькую избушку, совершенно заброшенную. Здесь никто не жил. Внутри было нетоплено, у порога лежал снег, нанесенный в дверную щель. А в единственном окне, покрытом толстым слоем инея, не хватало второй рамы.

Валентину помогли обстроиться. Снег был выметен, у дверей на лавочке поставлено ведро воды, а вместо второй рамы в окно вмонтировали льдину.

Спать пришлось не раздеваясь, укрывшись шкурами с головой. Наутро, разбив в ведре лед, Лука протер холодной водой глаза и хлопотал у печки.

Так началась новая страница в жизни ссыльного архиерея, на самой северной широте его биографии.

Узнав о том, что «белый шаман» спустился по реке до самого океана, в Плахино из тундры потянулись тунгусы.

Привычная работа заполнила пустоту каторжных дней. Имея с собой лишь несколько медицинских офтальмологических инструментов и маленький стерилизатор, ссыльный профессор умудрялся делать сложные операции. Один, без помощников и ассистентов, он пересаживал слизистую с губы на изъязвленную роговицу глаза и возвращал людям зрение.

«Прикоснется шаман и охотник станет зрячим» — летело по тундре на сотни верст. И возвращалось, как эхом, скрипом полозьев легкокрылых нарт. Люди спешили за чудодейственным исцелением и благословением «шамана». Вместе с местными плахинцами, которые впервые в жизни зрели архипастыря, тунгусы шли на его молебны, скрестив руки на груди.

Через месяц к святителю в гости свалился, как снег на голову, Арсений Кузьмич. Он все еще мотался по тундре, собирая меха. С Константиновым из

фактории прибыла целая делегация портовых служащих. Люди нуждались в медицинской помощи.

Инженерные работники Дудинского порта все до одного были из «бывших» — образованные, интеллигентные. В их обществе святитель провел несколько счастливых дней. Набиившись в бабушку Луки, испытывая духовное соприкосновение, люди беседовали о волнующем их переустройстве государства российского, обсуждали новости, спорили, читали псалмы.

Валентин испытывал подъем чувств. Он вспоминал Ташкент, церковное братство, университетских коллег. Тысячи километров разделяли его с миром прошлого и сатанинская воля одурманенных людей, не ведающих, что они творят. Здесь, во льдах застывшего океана, епископ вдруг нашел кусочек прежнего дорогого сердцу мира, который у него отняли за непокорность и веру в Бога.

Перед отъездом гости попросили Луку отслужить литургию. Дом бакенщика, самый большой и просторный в станке едва уместил всех, желавших помолиться. Старик-хозяин вызвался читать часы и был благословлен.

Святитель чувствовал себя окрыленным. Он видел, что люди охвачены молитвенным порывом. Лишенные коллективной молитвы там, где за ними надзирали комиссары, здесь, в затерянном у границ Ледовитого океана уголке земли, скрытые от глаз, они давали волю своим религиозным чувствам.

Епископ пропел первый возглас:

— Господу помо-олимся!

Его тело вздрагивало от волнения, отчего обертона в голосе звучали страстно. Они наполнялись вибрациями с такой силой, что сотрясали воздух, обнажая чувства пастыря.

— Господи поми-илуй!

Собравшиеся сопереживали архиерею и друг-другу, они соединялись в духовном порыве ко Христу в каждом звуке молитвенного слова. Их устремление к Спасителю было переполнено раскаянием. Люди знали, за что просят прощения.

Старик-бакенщик читал псалмы и часто останавливался. Горло сдавливал комок и он покаянно плакал.

Будто путники, обессиленные жаждой, молившиеся жадно ловили и вбирали в себя каждое слово. Они наконец-то достигли

источника животворящей влаги и пили ее, и не могли насытиться целебной прохладой Слова Божия.

И снова звенел голос архиерея:

— Боже, во имя Твое спаси мя и в силе Твоей суди ми. Яко чуждii воссташа на мя и крепцыи взыскаша душу мою, и не предложиша Бога пред собою.

Люди хотели одной правды жизни — Божьей — и не хотели той, которую им навязывали. И получали Божью правду, снисходившую на них благодатью.

— Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти, — просили христиане вслед за чтецом. — Сердце чисто созижди во мне, Боже, и Дух прав обнови во утробе моей! Не отврати мене от лица Твоего, и Духа Святаго не отними от мене.

После литургии Лука обратился к собравшимся с проповедью. Он говорил о предательстве живоцерковников, о грехе раскола, клеймил обновленцев и призывал хранить истинную веру.

Пастырь провожал своих чад, отпуская их с легким сердцем. Он чувствовал, он знал и видел, глядя на их лица, что люди, с которыми сегодня испил Божьей благодати, никогда не уклонятся от истины в раскол. Так говорил ему голос свыше.

А еще Лука поведал Арсению Кузьмичу:

— Господь дал мне знать: через месяц буду в Туруханске.

Константинов не поверил, но искренне пожелал, чтобы так и случилось.

— Вижу, вижу, вам мои слова кажутся невероятными. Но будет именно так! — кивал головой епископ.

И действительно, скоро за святителем прислали, чтобы срочно вернуть в Туруханск. После высылки профессора больница осталась без хирурга. Пациенты, нуждающиеся в срочных операциях, умирали, лишённые помощи. За что председатель ревкома Ефим Бабкин получил выговор из Красноярска и приказ возратить доктора немедленно. Ефим надеялся, что нарочный милиционер, отправленный им в Плахино, привезет весть о том, что епископ пропал без вести. Каково же было его удивление, когда во дворе ревкома

появился человек в рясе и с крестом, которого он уже вычеркнул из списка живых.

— Ну, Афиноген, погода у меня! — процедил тихо Иакин.

Так закончились два месяца пребывания у Ледовитого океана, но оставались еще восемь до полного освобождения.

* * *

Почему мы не достигаем святости? Из миллионов верующих это состояние приобретают лишь единицы.

Религиозность человека имеет два проявления: внешнее и внутреннее. Первое происходит в церкви и окружающем мире людей. Второе — исключительно наедине с собой, никому не видимое, кроме Бога.

Верующие люди с радостью ходят в церковь. Неверие единственная причина, по которой их там нет. А все выдумки, вроде «я молнюсь дома» — это лишь желание прикрыть наготу своего безбожия. Как только дорога приведет человека к Богу, он неизбежно окажется перед воротами храма. А до этого момента объявлять себя верующим, значит заниматься самообманом, пребывать в искреннем заблуждении относительно себя.

Ну вот, наконец, вы в церкви! Там все непонятно. Все пугает. Ни там встал, ни так поклонился, ни туда свечку поставил.

Не тушуйтесь. Поймите, вы — новорожденный для церковной жизни и поведение ваше, как у новорожденного. Это быстро проходит. Вы, как и положено младенцу, будете быстро расти, осваивать новый мир, подражая тем, кто давно в нем пребывает.

И вот вы уже идете в храм, как к себе домой. С радостью, дождавшись очередной службы. Вы подросли. Вам уже хочется сделать для родного дома что-нибудь полезное. Мысль о том, чтобы сделать это бескорыстно, вот увидите, шевельнет крылья за вашей спиной. Не стесняйтесь, расправляйте их, вы же член семьи верующих, один из постоянных прихожан.

Наконец однажды вы поймете, что вся ваша прошлая жизнь, в которой не было Бога и церкви, была жизнью, простите, животного,

Вас вели инстинкты и страсти, черными тучами закрывавшие лазурное небо духовности. Эти сумерки души были причиной безумных поступков, ошибок, глупых решений.

Проходят годы вашего пребывания в церкви. Вы молитесь, исповедуетесь, причащаетесь. А ощущение святости все не наступает. Странно. Наоборот – наступает ощущение собственной непроходящей греховности, которое все чаще колет шипами совести. Какая во мне может быть святость, если я опять позавидовал соседу, ненавижу родного брата, сквернословием излил гнев свой на детей. Господи! Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного! Что я творю? Скорее на исповедь!

Исповедуюсь, каюсь, причащаюсь и... все повторяется сначала. Снова каюсь и снова падаю в нечистоту. О святости и упоминать-то стыдно, не правда ли?

Может святость не для меня? Для особой касты верующих: священников и монахов? Однако, если вы знакомы хоть понаслышке с историей русской православной церкви, то заметили, что среди служителей Господа нашего совсем немного причисленных к лику святых.

Что же это такое – святость? Может Господь дает ее избранным? Не знаю. Для меня ясно одно: святость явление редкое в церковной жизни.

А теперь я выскажу парадоксальную мысль: святым может стать каждый верующий. Привычное понимание, что это недоступно большинству из нас мне кажется в корне неверным. Такое понимание святости лишь констатирует духовное нестроение верующего люда, но никак не вскрывает непреодолимых причин невозможности ее приобретения.

И здесь самое время поговорить о второй стороне человеческой религиозности – внутренней, скрытой от глаз людей, но не от Бога.

Что для нас самое главное в жизни? Прожить ее счастливо, в достатке. Помочь детям приобрести такой же достаток, создать семью с хорошим человеком, продвигаться по службе. Это приоритеты земной жизни. Я полностью с ними согласен.

Только где тут Бог? А, ну да, забыл, когда все приобретено, можно и помолиться, и на церковь пожертвовать, и поблагодарить Господа за милость. Мы же не безбожники какие-нибудь, по правилам?

Но сперва надо все-таки «пожить для себя», как сказали еще одна прихожанка, а потом можно и «в церковь».

«Сначала Я, потом Бог» – вот расхожая формула нашей внутренней религиозности. Формула «Бог, потом Я» – правильная последовательность, в которой нами произведена перемена слагаемых.

Формула понятие математическое. Так вот: ее последовательность «Я, потом Бог» не подчиняется, увы, правилу, которое гласит, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. В нашем случае перемена меняет все.

В этом автор усмотрел противоречие между формулами «Я и Бог» и «Бог и Я»? В первой все человеческие поступки совершаются по законам страстей. А потом следует покаяние и раскаяние. Но второй человек стремится поступать по закону Божию. То есть истинно верующий изначально понимает, что нельзя воровать, убивать, прелюбодействовать. Он сдерживает себя, потому что ни это главное в жизни.

Мне часто возражают: «Ерунда!». Борьба страстей – закон природы. Страсти творят историю и двигают мир.

А почему же страсти и рожденные ими искушения, а не законы духовные, не разум? Ответ простой, как и все у Бога нашего просто и понятно: с помощью страстей человек достигает желаемого быстро. А законы Божьи надо еще изучить, понять, научиться применять их. Зачем нам такой долгий трудный путь? Да и почему это вдруг по законам правильно, а по страстям – нет? Да потому, что общество, где живут и властвуют люди, соблюдающие закон Божий гармоничнее, справедливее, спокойней и долговечней. Общество, где люди не умеют ограничивать себя, стремятся ко все более сказочным богатствам и наслаждениям будет вечно раздираемо недовольством, противоречиями, кишеть кровавыми революциями. Такое общество в конце-концов разваливается, неся гибель миллионам рабов и господ.

Жизнь по формуле «Бог, потом Я» – рождает чистоту в помыслах. Нужно развивать ее в себе. Это работа на всю жизнь, а не на день или год.

Проверьте свои помыслы: вы способны радоваться, когда ваш сосед покупает новую машину? Вы можете искренне поздравить с успехом, который пришел к вашему другу, а не к вам? Вы способны помолиться за врагов, разрушивших вашу жизнь и карьеру? А вы способны простить ближнего? По – настоящему. Так, чтобы не носить в душе камень, уверяя окружающих, что его нет, но при этом пряча камень подальше?

А теперь подумайте о своей внутренней религиозности и о святости. Вы ее не чувствуете потому, что в ваших помыслах творится невообразимое. Какой только грязи там нет. Это мусорный ящик. «Пред дверьми храма Твоего предстою, а лютых помышлений моих не оставляю». Эта строчка из псалма подводит итог моим рассуждениям.

Так вот, пока мы не наведем порядок в помыслах, не выкинем и не сожжем мусор, не озеленим территорию свалки, ни о какой святости не может быть и речи. А ведь именно она – чистота помыслов – и есть святость!

Внешнюю религиозность мы приобретаем быстро и легко. А вот внутреннюю – приобретаем ли вообще? Можно сорок лет ходить в храм, но так и не простить брата своего, желать чужой жены, осуждать ближнего. То есть внутренней работы над собой так и не совершить.

В одной из своих проповедей святитель Лука сказал об этом так: «Есть, как мы говорим, люди-скоты, люди-трава, есть и люди-ангелы. Первые мало чем отличаются от скотов, ибо духовность их очень низка, а последние приближаются к бесплотным духам, у которых нет ни тела, ни души...».

Я не могу добавить к этим словам ничего. Здесь просто нечего добавлять и не о чем спорить. Человек, ставший святым, дал нам ключ от этого состояния, чтобы каждый мог открыть дверь и войти в него. Торопитесь! Жизнь слишком коротка!

Сразу после возвращения в Туруханск Лука погрузился в работу в больнице. Следом он снова отпер двери церкви Святой Троицы, что все еще стояла на развалинах монастыря, и возобновил богослужения. Святитель не имел свободной минуты. Он торопил время, чтобы поскорее выбраться из таежного плена.

Считал дни и председатель ревкома Ефим Бабкин. Он страстно желал поскорее избавиться от мятежного епископа, который изрядно испортил ему нервы своим вольнодумством и непокорностью. Ефим старался избегать встреч со святителем, делая вид, что не замечает его. После строгого приказа из Красноярскa он боялся трогать Луку, но приглядывал за ним издалека. Ни одно богослужение не осталось без секретного доноса наверх. Ефим требовал от соглядатаев подробных отчетов о каждом шаге священника и аккуратно отправлял их в Красноярск. Он надеялся, что терпение у губернских чекистов скоро лопнет и с архиереем будет покончено.

Шел месяц за месяцем, а из Красноярскa не поступало никаких распоряжений на полученные шифровки о контрреволюционном поведении святителя. Бабкин нервничал, жажда мести не давала ему покоя. Он догадывался, что в ГубЧК заняли мягкую позицию по отношению к профессору и смотрели на его церковное упрямство сквозь пальцы.

Это неожиданное отступление сатанинских сил оказалось для Луки плодотворным. Он начал возвращаться к научной работе, делать наброски и заметки к последней главе своей книги «Очерки гнойной хирургии». Сердце вновь обретало давно забытое состояние творчества.

Наступил август двадцать шестого года. Вот и закончился срок ссылки. Пароход, курсировавший по Енисею мимо Туруханскa раз в неделю, ткнулся ржавым носом в пристань. Арестантов с Ручейной улицы одного за другим стали вызывать в ревком и отправлять на пароход. Святитель ждал своей очереди и волновался. Жажда свободы мешала думать о чем-то другом. Это чувство преследовало Луку и наяву, и во сне. Даже во время молитвы мысли уходили в сто-

рону, уносились далеко-далеко на юг, где остались семья, любимая работа, друзья. Профессора преследовали наваждения. Лука ощущал запах воздуха вечернего Ташкента и с наслаждением вдыхал его. Закрыв глаза, он представлял, как возвращается домой после дежурства и нежная прохлада, потеснив жару уходящего дня, лечит его от усталости.

Святитель стряхивал наваждение. Но оно назойливо возвращалось снова и не хотело отпускать истомившееся сердце человека.

Наступил последний день пребывания парохода у пристани. Судно готовилось к отплытию, сигналив об этом в воздух, а Луку все не вызывали в ревком. Святитель был в отчаянии. Он молился в алтаре церкви, со слезами прося у Господа помощи. Сердце разболелось от ощущения несправедливости и бессилия что-либо изменить.

Раздался последний гудок, оповещающий о скором отчаливании. Валентин нервно заходил по алтарю, не зная, что ему делать. Он взял в руки Псалтырь и раскрыл наугад. На глаза попался 31-й псалом. Епископ бросил взгляд на текст и стал громко читать. И вдруг слова псалма заставили его на минуту забыть о пароходе. В них звучал голос, обращенный к истомленному сердцу священника: «Вразумлю тя и наставлю на путь сей, вонже пойдеш, утвержу на тя очи мои. Не будете, яко конь и мек, имже несть разума; браздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к Тебе. Многие раны грешному, уповающего же на Господа милость обидет».

Вразумлю тебя и наставлю тебя на путь. Буду смотреть, как ты пойдешь этим путем. Не рвись же, как конь или мул, не имеющий разума, которого надо направлять удилами и уздою. Много ран грешнику, но надеющегося на Господа окружит милость Его.

В душе епископа, минуту назад сдавленной отчаянием, вдруг наступило озарение и следом за ним покой. Он понял, что ему уготован иной путь, не на этом пароходе и с молитвой принял волю Божию.

Пароход дал короткие дробные гудки и отчалил, вырубив на середину реки, на стремнину. Святитель вышел из церкви и проводил его тихой улыбкой просветленного лица:

— Иди, иди! Ты мне не нужен! Господь уготовил мне иной путь!

Отпуская паром своей надежды, Лука не знал, что на столе Ефима Бабкина лежало секретное постановление задержать его в Туруханске еще на год.

Однако через три месяца, в ноябре, пришел иной приказ: о немедленной отправке епископа в Красноярск в распоряжение краевой коллегии ВЧК-ГПУ.

Настал долгожданный день отъезда. Почти все жители Туруханска собрались на Ручейной улице, чтобы проводить любимого архипастыря и легендарного доктора. Поэтому владыко решил отслужить последнюю божественную литургию.

— Помните, братья и сестры, мой завет о единстве православной церкви! Не допускайте ее раскола и принижения имени Спасителя нашего. Храните и защищайте истинную православную веру! — просил Лука в прощальной проповеди.

Тронутые словами епископа и грустью расставания, туруханцы выстроились в длинную вереницу и долго шли и шли к нему за благословением, со слезами на глазах прощались и клялись в верности святой церкви.

Заскрипел снег под полозьями саней. Святитель укутал ноги шубой и оглянулся. На взгорке, удаляясь, виднелась любимая церковь. Скрамная, без украшений, деревянная и невысокая, она притихла, словно сирота, которую покидает единственный родственник, погостивший недолго. А подле нее и вокруг, растянувшись по берегу, чернели фигуры людей. Они махали руками. Святитель привстал и помахал в ответ. В этот миг раздался колокольный звон. Церковь заголосила, запричитала навзрыд, прощаясь с дорогим пастырем, защитившим ее честь и достоинство, вернувшим уважение, окружившим плотным кольцом преданных мирян.

Прощальный звон долго стоял в ушах. Святитель двигался вперед, а душа все еще бродила по Туруханску. Она вспоминала и вспоминала обо всем, что с ней здесь приключилось.

Лука молчал. В его глазах нежною слезою светилась печаль. Епископ ощутил только сейчас, как дороги стали ему люди, с которыми свела судьба в таежном краю. Эти угрюмые промысловики и

рыбаки, эвенки и тунгусы с их детским воображением, даже гонители-комиссары, погрязшие из-за безбожия в страшной нечистоте.

Святитель не хотел забывать ни о ком. Он уносил всех в сердце.

Архиерей больше не оборачивался. Он пристально вглядывался вдаль и торопил время. От Туруханска до Красноярска его отделяло пространство в полтора месяца пути. И он опять лицезрел унылое однообразие таежной дороги, которое было ему хорошо знакомо. Путник жаждал преодолеть дорогу как можно скорее, но старался смирить себя и приготавливался терпеть долгую пустоту дней.

Так ему казалось. Но у первого же станка, начавшегося пути, где сохранилась церковь, святитель слышал колокольный звон. А потом увидел толпу людей, бежавших его встречать. Епископа ждали. Молва о нем, как и в начале ссылки, бежала по Енисею, подобно ветру, обгоняя быстрые сани. Только теперь молва бежала в обратную сторону.

Растроганный архипастырь отслужил молебен и обратился с поведью о грехе раскола и животоцерковной ереси.

На втором станке все повторилось.

И на третьем. И на всех последующих.

«Вразумлю тебя и наставлю тебя на путь, по которому ты пойдешь» — все чаще возвращался Лука к спасительным словам псалма, прочитанным в летнем притворе церкви, когда пароход с арестантами уходил из Туруханска без него. Слова стали пророческими. Они были обращены тогда лично к нему. Святитель не переставал благодарить Бога за это чудо. «Наставлю.... ты пойдешь... устремлю на тебя очи мои...».

Пророчество сбывалось. Колокольный звон и молебны продолжались на всем протяженном пути. Особенно запомнилась встреча с жителями Енисейска. Среди встречавших было очень много тех, кому святитель вернул зрение и здоровье. Коренные жители собрались в городе в таком количестве, какого он не видел за всю свою историю. Весть о том, что «великий белый шаман» возвращается из похода «на край океана, где он поднимался в небо» и как легендарный шаман Доге «сражался там со злыми духами за души сородичей», всколыхнула обитателей тайги на сотни верст вокруг.

Селькупы, эвенки, кеты спешили к «белому шаману» за его божественным благословением, защищающим от злых духов. Перекрестившись и сложив руки, они обступали святителя, склоняя головы.

В нескончаемой толпе народа к епископу пришли все священники города, уклонившиеся в обновленчество. Во весь голос они громко каялись перед народом, исповедывались в своем грехе, и, рыдая, просили прощения.

Зрелище потрясало. Собравшиеся запели молитвы. Многотысячный хор славил имя Господа. И не было в этот миг силы, которая могла бы противостоять верующим людям. Эта сила спряталась, осторожно выглядывая сквозь мутные окна на улицу и набивая на всякий случай барабаны револьверов и магазины винтовок. Но помешать людям, охваченным страстным молитвенным порывом, не решалась. Сила испугалась и поэтому не показывалась на глаза.

Про нее забыли. Начиналась божественная литургия. Она была необыкновенно торжественной и радостной. Сердце святителя переполнялось благодатью и любовью к тем, кто нашел в себе мужество не испугаться, кто презрел сатанинскую волю разрушителей и гонителей церкви Христовой.

Пастырь вышел на амвон, ощущая трепетный подъем сил. Он оглядел паству, переполнившую храм, как главнокомандующий осматривает войско, готовый отдать приказ о прорыве сил противника по всему фронту. Хотелось сказать, нужно было сказать единственно правильные слова, без которых православный человек слабеет в вере.

Епископ ощущал биение сотен сердец, замеревших в ожидании этого слова. На секунду он бросил взгляд в окно, на пасмурную холодную улицу. И вдруг увидел то, что в одночасье наполнило предстоящую проповедь смыслом и содержанием.

За окнами стояли, сбившись в кучи, легионы бесов, осадившие храм со всех сторон. Они молчаливо выжидали, жадно разглядывая в толпе людей будущие жертвы.

В передних рядах, сдавливая друг-друга, толпились демоны, выдающие себя за богов. Глава нечисти Вельзевул, окруженный божествами язычников, коварно улыбался. Вокруг него сгрудились

демоны лжи, боевая задача которых вводить людей в заблуждение путем гадания и колдовства. Их главнокомандующий Пифон пробрался поближе к Вельзевулу и встал рядом с ним. Третью линию наполнили те, кто борется с законами Господа и заставляют людей нарушать заповеди. Их глава Велиал тоже приблизился к самым окнам осажденного храма. Повелители воздуха, наводящие болезни и эпидемии под руководством Мерезина перекрыли улицу чуть поодаль вместе с фуриями, в обязанности которых разжигать конфликты и управлять военными действиями. За ними демоны-искусители со своим повелителем Астаротом. Дело их рук ссоры и конфликты, мелочность и суета, сплетни и пакости.

Взоры бесов были обращены на могучего воина Христова, епископа Луку. Нечисть боялась воина, но была готова при малейшей слабости пастыря наброситься на него с победоносными воплями, если его ум или сердце дрогнет в вере. Ожидание внушало ужас и трепет.

Святитель неторопливо поправил облачение, ощупал его, как древний воин броню доспехов. Только броня его была исполнена крепости духовной. Епитрахиль, несущая свыше сходящую благодать, давала уверенность в своей правоте. Прикрытый набедренником, символизирующим в облачении щит веры, и палицей – мечом духовным – святитель изготавился сразиться в очередной раз за веру. Покрытый ризой, которая согласно толкованию святителя Симеона Солунского являет высочайшую и подаваемую свыше силу и озарение Духа Святаго, всеобъемлющую промыслительную и благодельную силу Божию, ради которой снизошло на нас Его Слово, епископ чувствовал себя непобедимым. Как древний воин-поединщик, который выходил один против целой рати, епископ смело глядел в лица врагов, не страшась смерти. Потому что воин, за которым Божья правда и сила Духа не может быть сражен.

Двумя руками, словно тяжелый острый меч, святитель поднял над собою крест, осеняя православную дружину, и заговорил:

– Жизнь всех тех блаженных людей, которые всем сердцем возлюбили Господа нашего Иисуса Христа и неуклонно идут за ним тесным и тернистым путем, который начинается узкими вратами,

жизнь этих блаженных людей полна борьбы. Какой борьбы? Не борьбы с плотью и кровью, а гораздо более тяжелой борьбы с духами злобы поднебесными.

Лука бросил взгляд в окно:

— И блаженны те, кто ведет эту тяжкую, непрестанную борьбу.

И какими слезами оплачем мы тех близ нас, которые ничего не хотят знать об этой борьбе, о духах злобы поднебесных, тех, которые смеются над верой нашей в нечистых духов?

Ибо, конечно, для бесов, для самого дьявола в высшей степени выгодно, чтобы в них не верили, чтобы никогда о них не думали, чтобы никогда не ощущали близости их. Ибо скрытый, невидимый враг гораздо опаснее врага видимого.

Послушайте, как говорит святой апостол Павел об этих духах злобы поднебесных, о борьбе с ними: «Наша брань не против крови и плоти, но против Начальств, против Властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных».

О, как огромна эта окаянная армия бесовская! О, как неизмерима их черная толпа, неуклонно, неустанно, день и ночь стремящаяся к тому, чтобы нас совратить на путь неверия. В одном гадаринском бесноватом был целый легион бесов!

Как в сонме бесчисленных добрых и святых Ангелов есть девять чинов, есть высшие чины: Начала, Власти, Престолы, Силы, Господствия и есть более низкие чины: Архангелов и Ангелов, так и во всем воинстве духов злобы поднебесных тоже есть такие же высшие и низшие чины. Тоже есть Начала и Власти, о которых говорит апостол Павел.

Эти высшие чины ведут борьбу с самыми твердыми, с самыми верными слугами Христовыми: со святыми и праведными. И трудна, чрезвычайно трудна эта задача их. Ибо именем Христовым отражают святые и праведные все нападения их.

Есть и бесы средней силы, которые воюют непрестанно с нами, с несовершенными, слабыми христианами. Борьба с ними очень тяжка. Ибо ум этих ангелов сатаны неизмеримо превосходит наш человеческий ум. Ибо не спят они, не едят. И все время жития сво-

его посвящают только на злое дело – погубление, совращение людей Божиих.

Есть и мелкие бесы, задача которых не трудна. Ибо они сами только тем занимаются, чтобы все дальше и дальше подталкивать во тьму тех несчастных, которые больше возлюбили тьму, чем свет, неправду, чем правду.

Лука говорил громко и призывно, вкладывая в слова проповеди всю страсть своего горячо верующего сердца. Он хотел, чтобы его слышали далеко за стенами церкви. Так и было. Его слушали за окнами храма, присев от страха.

А святитель продолжал вещать:

– Как же нам, которых обступает такое воинство бесовское со всех сторон, как нам бороться с ними? Где взять силы на борьбу?

Ответ на это дал нам святой апостол Павел. Его послушайте, братья: «Братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы нам можно было стать против козней диавольских».

Не своими силами, не своим умом, не своим тщанием и стремлением к победе можем мы бороться и побеждать. Сами мы бес-
сильны!

И для того, чтобы мы хорошенько поняли это, сравнивает святой Павел нашу брань с воинством бесплотных сил, с тем положением, в котором находились древние воины.

Он говорит, что должны мы препоясать наши чресла правдой. Подобно тому, как воины в древнее время, прежде чем идти на сражение с врагами подпоясывали чресла свои. Кожаным поясом подпоясывались они. А нам нужны не кожаные пояса. Нам нужно совсем другое препоясание. Препоясание чресл правдой – Божьей правдой. Ибо только правдой можем мы победить всю неправду окаянного воинства бесовского. Только правдой!

Ибо главное единственное оружие бесовского воинства против нас состоит в неправде, во лжи, которая составляет истинную их сущность, духовную сущность.

И прибавляет апостол святой, что это особенно нужно нам помнить в день злой, в день, когда зло, всяческое зло умножается и умножается вокруг нас.

И дальше говорит святой апостол, что надлежит нам облечься в броню. Подобно тому, как древние воины облакались в броню металлическую, железную или медную, в кольчуги облачались для защиты от ран. Так надлежит нам облечься в броню. Но иную, совсем иную броню! Ибо никакая железная или медная броня не страшна для духов злобы поднебесных. Могут они свободно ранить нас, заключенных в такую броню. Иная броня нужна нам!

Броня правды! Нам нужно, чтобы тела наши облакались святой и пречистой Божией правдой. А правду эту мы можем стяжать только неустанным соблюдением заповедей Христовых, неустанной молитвой.

И дальше говорит апостол, что ноги древних воинов были защищены металлическими латами.

Нужны ли нам эти латы? Нужны ли железо и медь, чтобы ноги наши были защищены от козней вражеских? Нет, нет — совершенно не нужны, если ноги наши будут всегда направлены на путь мира, если всю быстроту ног наших мы будем использовать на то, чтобы благовествовать везде и всюду мир. К ногам нашим относилось блаженное слово великого апостола Павла: «Как прекрасны ноги, благовествующих мир».

И дальше говорит апостол: «Возьмите щит веры, которым можете гасить все раскаленные стрелы лукавого».

Медный щит был главной защитой древнего воина. А нам нужен ли такой щит, защитит ли он нас от разжженных адским пламенем стрел врагов наших и врагов Божиих? Конечно, нет!

У нас есть другой щит. Неизмеримо более крепкий. Щит нашей веры! Веры в Господа нашего Иисуса Христа!

Лука снова поднял крест и, повернувшись направо и налево, не спеша осенил толпу. Затем продолжил:

— Ибо если всем сердцем будем веровать в него, если будем неуклонно творить заповеди его, то всегда будет пребывать Он с

нами. И вера в него защитит нас неизмеримо лучше, чем всякий тяжелый щит.

И дальше говорит святой апостол, чтобы мы покрыли, подобно воинам древним, головы наши шлемами. Какими шлемами? Конечно, не медными! Ибо они ничто против силы вражеской. Не медными, не медными, говорю я вам! А совсем другими шлемами. Шлемами глубокой веры в Господа нашего Иисуса Христа. Глубокой любви к нему. Ибо сказал Он Сам пречистыми устами Своими нам:

– Ядый мою плоть и пийй мою кровь во мне пребывает и аз в нем.

Лука возвысил голос до мольбы:

– О, Господи. Господи, какая нам нужна еще защита, если Ты будешь защищать развращение умов и сердец наших своим постоянным присутствием в нас, в умах и сердцах наших? Какая еще нам помощь нужна?

Епископ сделал паузу и вновь его речь зазвучала, как призывный набат.

– И если так будем защищены, то останется нам только взять в свои руки обоюдоострый меч, как брали его древние воины.

Послушайте же теперь, что говорит святой апостол Павел об этом мече обоюдоостром: «Слово Божие живо и действенно, оно острее всякого меча обоюдоострого; оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные».

Громкий голос пастыря звенел и дрожал под куполом храма. Казалось, что звучит уже не проповедь, а боевой клич, обращенный к воинам Христа, собирающий их в несокрушимую дружину.

– Так вот какой меч нам нужен! Меч слова Божия, перед которым трепещут все бесы и сам диавол. Ибо словом Божиим побеждаются все они, окайнные. И если будем мы всегда владеть этим святым и сильнейшим оружием, то никакие враги нам не страшны. Ибо все они побеждены уже давно Крестом Христовым. Ибо стерта глава древнего змия – подножием Креста Голгофского.

Святитель опять высоко поднял над собой крест и снова осенил знамением православных христиан. Многие встали на колени, внимая пастырю, делали частые земные поклоны. Лука не спешил опус-

кать руки, он повернулся направо, потом налево, чтобы святой крест был хорошо виден всем, кто пришел на литургию.

— Помните же, помните все вы, братья и сестры мои, — взгляд епископа устремился навстречу взглядам сотен христиан, — что своими силами не можем мы воевать с духами злобы поднебесными. Помните, что все наши надежды должны мы возлагать только на помощь Господа и Бога нашего Иисуса Христа, который подножием Своего страшного Креста стер главу древнего Змия! Аминь!

Проповедь закончилась. Люди молчали и стояли, не шелохнувшись, словно ожидая чего-то еще, прислушиваясь к тому, как в их сердцах эхом звучат слова священника. В церкви звенела тишина.

А зимний хмурый день за окнами распогодился. Серые низкие облака уплыли, освобождая небо для солнца. Оно стояло в зените. Его яркий свет вдруг проник в храм и озарил его, расцвечивая паникадило, отражаясь на стенах, увешанных иконами и на алтарном иконостасе.

Обрадованные тем, что пасмурный день рассеялся и солнышко заиграло на аналое золотыми бликами, люди зашевелились. Они поворачивали головы и вглядывались в окна. Свет заливал улицу от края и до края. Никого не было видно.

Как люди становятся святыми? Книга поможет понять, как это происходит. Роман рассказывает о ташкентском периоде жизни святителя Луки (профессора медицины В. Ф. Войно-Ясенецкого) и о его первой ссылке в Енисейск. Однажды жизненная дорога врача круто повернула и привела его в священнослужители, наполнилась борьбой против гонений на церковь. Это были страшные послереволюционные годы, когда уничтожалось любое инакомыслие. Духовное возвышение оказалось тяжелой работой для души, смертельной опасностью для плоти. Как бы повел себя я в подобных обстоятельствах? Есть над чем призадуматься. Вместе с героем романа, вместе с автором...

9785532906471